ISSN 2311-5998 (Print)
ISSN 2782-6163 (Online)

№ 1 (137)
2026

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право есть
искусство добра
и справедливости

Jus est ars
boni et aequi

Выпуск
К 30-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ ВТОРОЙ ЧАСТИ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В номере

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

20 *Шмелева М. В.*
Правовые риски продавца
в договорах розничной купли-продажи:
теоретико-правовой анализ
и практические аспекты защиты

31 *Родионова О. М.*
Соотношение условий о цене и плате
за оказание услуг в договоре поставки
продовольственных товаров:
от плана к свободе

96 *Василевская Л. Ю.*
Договор консигнации:
проблемы правовой квалификации

106 *Сойфер Т. В.*
Действия в чужом интересе без поручения
в фокусе судебной практики

НАУЧНЫЙ ПОИСК

199 *Кабышев С. В.*
Научно-технологическое развитие
в зеркале правовой мемологии:
к проблеме ценностных
оснований технореальности

МГЮА | 95 ПЕРВЫЙ ПО ПРАВУ

№ 1 (137)
2026

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск
К 30-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ ВТОРОЙ ЧАСТИ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Заместитель председателя редакционного совета:

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — заведующий кафедрой финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь:

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Редакционный совет:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, г. Саратов, Россия

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — директор Юридического института Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, заведующий кафедрой теории и истории государства и права и международного права, доктор юридических наук, профессор, г. Самара, Россия

БИРЮКОВ Павел Николаевич — заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — проректор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ВОЛКОВ Геннадий Александрович — профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ДЮФЛО Ален — эксперт-практик международного класса в области права, основатель адвокатского бюро «Дюфло и партнеры» преподаватель Университета Лион III имени Жана Мулена, г. Лион, Франция

ЕГОРОВА Мария Александровна — профессор кафедры конкурентного права, помощник проректора по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗРАЖЕВСКАЯ Татьяна Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Евгений Петрович — профессор кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, профессор, г. Гомель, Республика Беларусь

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — профессор Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, профессор Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор, г. Москва, Россия

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2026

КОМАРОВА Валентина Викторовна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЛАПИНА Марина Афанасьевна — профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор, г. Москва, Россия

НИКИТИН Сергей Васильевич — заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ПЛЮЩИКОВ Вадим Геннадьевич — директор Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

РОЗА Фабрис — профессор кафедры трудового права Университета Реймс Шампань-Арденны, Франция

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — заведующий кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

СОКОЛОВА Наталья Александровна — заведующий кафедрой международного права, научный руководитель Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — и.о. заведующего сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЦАЙ ЦЗЮНЬ — директор Юридического института Хэнаньского университета, доктор юридических наук, профессор, г. Кайфэн, КНР

ЦОПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

ШИЛЬСТЕЙН Давид — профессор права, заведующий кафедрой уголовного права Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна, г. Париж, Франция

ЩЕГОЛЕВ Виталий Валентинович — проректор Московского гуманитарно-экономического университета по научной работе и международному сотрудничеству, доктор политических наук, г. Москва, Россия

Ответственные редакторы выпуска:

ВАВИЛИН Евгений Валерьевич — заведующий кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

НОСОВ Дмитрий Владимирович — заместитель заведующего кафедрой гражданского права по научно-исследовательской работе, доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)	5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки. 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки. 5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки. 5.1.4. Уголовно-правовые науки. 5.1.5. Международно-правовые науки.
РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.
ISSN	2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: vestnik@msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 40650. Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет: 03.03.2026 Объем 21,84 усл. печ. л. (12,76 а. л.), формат 84×108/16 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Редактор *Л. А. Мункуева*	**Корректор** *В. А. Целищева*	**Компьютерная верстка** *Е. Г. Булычев*

№ 1 (137)
2026

COURIER OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

Edition

ON THE 30TH ANNIVERSARY OF THE ADOPTION OF THE SECOND PART OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Published from the year of 2014

Monthly journal

Chairperson of the Council of Editors:

BLAZHEEV Victor Vladimirovich — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Vice-Chairperson of the Council of Editors:

GRACHEVA Elena Yurievna — Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Chief Editor:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Executive Secretary Editor:

SEVRYUGINA Olga Alexandrovna — Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Council of editors:

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure, Advocacy and Notary of Saratov State Academy of Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Saratov, Russia

BEZVERKHOV Arthur Gennadevich — Director of the Law Institute of the National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Dr. Sci. (Law), Professor, Samara, Russia

BIRIUKOV Pavel Nikolaevich — Head of the Department of International and Eurasian Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Voronezh, Russia

BUKALEROVA Ludmila Alexandrovna — Vice-Rector, Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoev (RUAN), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

VOLKOV Gennadiy Aleksandrovich — Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

DUFLOT Alain — an expert practitioner in the field of law, founder of the law firm «Duflot & Partners», Lecturer at the Jean Moulin Lyon 3 University, Lyon, France

EGOROVA Maria Alexandrovna — Professor of the Department of Competition Law, Assistant of Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ERSHOVA Inna Vladimirovna — First Vice-Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorevna — Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZRAZHEVSKAYA Tatyana Dmitrievna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Criminalistics of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Nina Sergeyevna — PhD in Law, Professor, Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Gomel, Republic of Belarus

KISELEV Sergey Georgievich — Professor, Institute of Law and National Security, RANEPA University; Professor, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow, Russia

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2026

LAPINA Marina Afanasyeva — Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Dr. Sci. (Economics), Professor, Moscow, Russia

NIKITIN Sergey Vasilyevich — Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Lebedev Russian State University of Justice, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

NOVOSELOVA Lyudmila Alexandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

PLYUSHCHIKOV Vadim Gennadyevich — Director of Agrarian and Technological Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Agr. Sc.), Professor, Moscow, Russia

RASSOLOV Ilya Mikhailovich — Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

ROSA Fabrice — Professor of the Department of Labour Law at the University of Reims Champagne-Ardenne, France

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

RYLSKAYA Marina Alexandrovna — Director of the Institute of Problems of the Efficient State and Civil Society of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Theory of the State and Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

SOKOLOVA Natalya Alexandrovna — Head of the Department of International Law, Academic Director of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Acting Head of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

TSAY TSZYUN — Director of the Law Institute of Henan University, Dr. Sci. (Law), Professor, Kaifen, the PRC

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

CHILSTEIN David — Professor of Law, Head of the Department of Criminal Law at the University of Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France

SHCHEGOLEV Vitaliy Valentinovich — Vice-Rector for Research and International Cooperation of the Moscow University of Humanities and Economics, Dr. Sci. (Political Sciences), Moscow, Russia

Editors-in-Chief of the Issue:

VAVILIN Evgeniy Valerievich — Head of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor

NOSOV Dmitry Vladimirovich — Deputy Head of the Department of Civil Law for Research, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law), Associate Professor

The Journal publishes research papers written on scientific specialties of Group 5.1 «Law» (Legal Sciences)	5.1.1. Theory and History of Law. 5.1.2. Public Law and State Law. 5.1.3. Private Law (Civil Law). 5.1.4. Criminal Law. 5.1.5. International Law.
THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologyw and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 October 2016. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-67361
ISSN	2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)". Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1, Presnensky intra-urb. ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	9 str. 2 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687) E-mail: vestnik@msal.ru
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 40650. Journal subscription is possible from any month
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 9 str. 2 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993
SIGNED FOR PRINTING	03.03.2026 Volume: 21,84 conventional printer's sheets (12,76 author's sheets). Format: 84×108/16. An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

When using published materials of the journal, reference to "Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Editor *L. A. Munkueva* | **Proof-reader** *V. A. Tselishcheva* | **Computer layout** *E. G. Bulychev*

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ 8

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА 10

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Обязательства по передаче имущества в собственность

Шмелева М. В.
Правовые риски продавца в договорах розничной купли-продажи: теоретико-правовой анализ и практические аспекты защиты 20

Родионова О. М.
Соотношение условий о цене и плате за оказание услуг в договоре поставки продовольственных товаров: от плана к свободе 31

Тасалов Ф. А.
Стабильность Гражданского кодекса РФ и развитие гражданского оборота: в поисках компромиссной модели регулирования контрактных отношений 40

Белова Д. А.
Обязательства по передаче имущества в собственность и репродуктивный биоматериал человека: концептуальная несовместимость 49

Шавалеев М. В.
Влияние обеспечительной функции права собственности на правила о переработке 58

Обязательства по выполнению работ

Подузова Е. Б.
Договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ в механизме создания искусственного интеллекта 68

Родина А. В.
К вопросу о предмете договора о проведении клинического исследования лекарственного препарата 78

Устинова А. В.
Проблемы в правовом определении технологий 86

Обязательства по оказанию услуг

Василевская Л. Ю.
Договор консигнации: проблемы правовой квалификации 96

Сойфер Т. В.
Действия в чужом интересе без поручения в фокусе судебной практики 106

Бутакова Н. А.
Перспективы становления автономного и полуавтономного флота 116

Анисимов А. В.
Договор морского агентирования в системе посреднических договоров 124

Османова Д. О.
Товарищеские объединения в банкротных правоотношениях 133

Мацакян Г. С.
Договор оказания услуг почтовой связи:
проблемы определения и толкования 144

Договорное право в условиях цифровой трансформации

Долинская В. В.
Тенденции развития гражданского кодифицированного
законодательства России: к юбилею Гражданского кодекса
Российской Федерации 153

Аюшеева И. З.
Свобода выбора условий в отдельных видах договоров 164

Одинцов С. В., Кошелюк Б. Е.
Смарт-контракт: доктринальные и правоприменительные аспекты
признания заключенным и действительным 172

Тумаков А. В.
Влияние цифровой среды на формирование новых правил
гражданского оборота 180

Егорова М. А.
К вопросу о реализации норм об антимонопольном комплаенсе
в новых условиях развития цифровой экономики 189

НАУЧНЫЙ ПОИСК

Кабышев С. В.
Научно-технологическое развитие в зеркале правовой мемологии:
к проблеме ценностных оснований технореальности 199

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Белова М. А.
Односторонний отказ заказчика от исполнения
договора подряда на основании ст. 717 ГК РФ 206

Гдлян А. Т.
Правовой режим нежилых помещений, относящихся
к государственной и муниципальной собственности 215

КНИЖНАЯ ПОЛКА КАФЕДРЫ 224

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Юридическое наследие

Амфитеатров Г. Н.
Права на жилые строения и пользование жилыми помещениями 235

ПОСТСКРИПТУМ

Шпаковский Ю. Г.
Современный лингвист 244

CONTENTS

NOTE TO THE READERS 8

UNIVERSITY CHRONICLE 10

VECTOR OF LEGAL SCIENCE

Obligations to Transfer Property to Ownership

Shmeleva M. V.
Seller's Legal Risks in Retail Sales Contracts:
Theoretical and Legal Analysis and Practical Aspects of Protection 20

Rodionova O. M.
The Relationship between Price and Payment Terms
for Services under a Food Supply Contract: from Plan to Freedom 31

Tasalov Ph. A.
Civil Code and Stability: in Search of Optimal Legal Framework
in Public Procurement Field 40

Belova D. A.
Obligations to Transfer Property to Ownership
and Human Reproductive Biomaterial: Conceptual Incompatibility 49

Shavaleev M. V.
The Impact of the Security Function of Ownership
on the Rules of Specification 58

Obligations to perform work

Poduzova E. B.
Contracts for the Performance of Research, Development,
and Technological Work in the Mechanism
for Creating Artificial Intelligence 68

Rodina A. V.
On the issue of the subject of Clinical Study Agreement 78

Ustinova A. V.
Problems in the legal definition of technologies 86

Obligations to provide services

Vasilevskaya L. Ju.
Consignment Agreement: Legal Qualification Issues 96

Soyfer T. V.
Actions in another Person's Interest without Authorization
in the Focus of Judicial Practice 106

Butakova N. A.
Prospects for the Development of Autonomous
and Semi-Autonomous Fleet 116

Anisimov A. V.
Marine Agency Agreement in the System of Intermediary Agreements 124

Osmanova D. O.
Partnerships in Bankruptcy Relations 133

Matsakian G. S.
Postal Services Agreement: Issues of Definition and Interpretation 144

Contract law in the context of digital transformation

Dolinskaya V. V.
Development Trends Civil Codified Legislation of Russia: on the Anniversary of the Civil Code of the Russian Federation 153

Aiusheeva I. Z.
Freedom to Choose Conditions in Certain Types of Contracts 164

Odintsov S. V., Koshelyuk B. E.
Smart-Contract: Doctrinal and Law Enforcement Aspects of Recognition as Concluded and Valid 172

Tumakov A. V.
The Influence of the Digital Environment on the Formation of New Rules of Civil Circulation 180

Egorova M. A.
On the Implementation of Antitrust Compliance Regulations in the New Conditions of Digital Economy Development 189

SCIENTIFIC RESEARCH

Kabyshev S. V.
Scientific and technological development in the mirror of legal memeology: on the problem of the value foundations of technoreality 199

YOUNG RESEARCHERS' PERSPECTIVE

Belova M. A.
Unilateral Refusal of the Customer to Perform the Contract on the Basis of Article 717 of the Civil Code of the Russian Federation 206

Gdlyan A. T.
Legal Regime of Non-residential Premises Belonging to State and Municipal Ownership 215

BOOKSHELF OF THE DEPARTMENT 224

LAW IN HISTORICAL REFRACTION

Legal Heritage

Amfiteatrov G. N.
Rights to Residential Buildings and Use of Residential Premises 235

POSTSCRIPT

Shpakovsky Yu. G.
The Modern Linguist 244

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогие читатели!

Кафедра гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) представляет вашему вниманию новый номер журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». Предлагаемый номер посвящен 30-летию со дня принятия части второй Гражданского кодекса РФ.

Научно-педагогические работники кафедры гражданского права, молодые ученые, практикующие юристы в честь 30-летия со дня принятия второй части Гражданского кодекса РФ в своих статьях постарались осветить различные аспекты правового регулирования отдельных видов договоров, включенных во вторую часть Гражданского кодекса РФ.

Логика построения статей в номере основана на расположении соответствующих вопросов во второй части ГК РФ, начиная с проблем договоров по передаче имущества в собственность и переходя к вопросам обязательств о выполнении работ и по оказанию услуг. Отдельный раздел посвящен договорному праву в условиях цифровой трансформации.

В первой статье номера, написанной профессором кафедры гражданского права М. В. Шмелевой, дан анализ рисков продавца по договору розничной купли-продажи. На основе анализа судебной практики и доктринальных подходов автором предлагаются конкретные правовые механизмы защиты интересов продавца, включая законодательное закрепление критериев недобросовестного поведения потребителя и совершенствование механизмов судебной оценки доказательств в потребительских спорах.

В статье профессора кафедры гражданского права О. М. Родионовой анализируется соотношение условий о цене и плате за оказание услуг в договоре поставки продовольственных товаров. На основе анализа норм гражданского, транспортного и антимонопольного законодательства, судебной практики и научных источников Ольга Михайловна делает вывод о возможности квалификации указанных действий как логистических услуг, однако подчеркивает, что их включение в состав «вознаграждения» сопряжено с рисками нарушения запрета на включение в договор дискриминационных условий и превышения предельного размера вознаграждения.

Профессор кафедры гражданского права Ф. А. Тасалов обращается в своей статье к вопросам правового регулирования контрактных отношений. В статье автором установлено, что концепция разработчиков второй части ГК РФ заключалась в регулировании контрактных отношений исходя из предмета договора — поставки, выполнения подрядных работ, что на момент принятия и введения в

действие части второй Кодекса отвечало состоянию гражданского законодательства. Вместе с тем за последние 20 лет законодательство о закупках развивалось в диаметрально противоположном ГК РФ направлении, суть которого в объединении отдельных обязательств в понятии контракта-сделки на уровне одного специального федерального закона.

Вопросам передачи имущества в собственность посвящены статьи доцентов кафедры гражданского права Д. А. Беловой и М. В. Шавалеева.

Отдельные аспекты обязательств по выполнению работ рассмотрены в статьях доцента кафедры гражданского права Е. Б. Подузовой, а также старших преподавателей кафедры гражданского права А. В. Родиной и А. В. Устиновой.

Обязательства по оказанию услуг представлены работами профессоров Л. Ю. Василевской, Т. В. Сойфер, Н. А. Бутаковой, а также доцентов А. В. Анисимова, Д. О. Османовой и старшего преподавателя Г. С. Мацакян.

Необходимо отметить, что в номере впервые в отечественной цивилистике в статье профессора кафедры гражданского права, заслуженного юриста РФ Л. Ю. Василевской рассмотрен вопрос о правовой природе договора консигнации. В работе профессором делается вывод о необходимости закрепления правового механизма участия консигнатора в гражданском обороте и установления правил для совершения им сделок с третьими лицами от своего собственного имени, но за счет консигнанта (собственника товара) по модели косвенного представительства.

Отдельный блок работ посвящен дальнейшему развитию второй части Гражданского кодекса РФ в условиях цифровой трансформации. Здесь необходимо выделить статьи профессора В. В. Долинской, профессора М. А. Егоровой, доцентов И. З. Аюшеевой, А. В. Тумакова, а также совместную статью С. В. Одинцова и Б. Е. Кошелюка.

В номере также предлагается ознакомиться с извлечениями из работы «Права на жилые строения и пользование жилыми помещениями» выдающегося советского цивилиста Г. Н. Амфитетатрова, который с конца 1940-х гг. и до 1950 г. возглавлял кафедру гражданского и семейного права Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ, ныне — Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)). Памяти Георгия Никитича в 2024 г. кафедрой гражданского права Университета был проведен круглый стол, который показал актуальность исследований выдающегося советского цивилиста.

Желаем вам приятного чтения!

Е. В. Вавилин,
заведующий кафедрой гражданского права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор

Д. В. Носов,
заместитель заведующего
кафедрой гражданского права
по научно-исследовательской работе
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

ЯНВАРЬ 2026[1]

Университет в общественной и научной жизни страны

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось совместное заседание Бюро Президиума, Президиума и Правления Ассоциации юристов России

28 января 2026 г. в зале Ученого совета Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось совместное заседание Бюро Президиума, Президиума и Правления Ассоциации юристов России (АЮР).

В начале мероприятия состоялось награждение членов Ассоциации почетными грамотами, благодарностями и медалями Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Министерства юстиции России. Награды вручил министр юстиции Константин Чуйченко.

В ходе мероприятия был утвержден отчет о деятельности Ассоциации за 2025 г. и намечены планы работы на 2026 г.

На мероприятии было обсуждено одно из приоритетных направлений работы Ассоциации юристов России — взаимодействие АЮР с фондом «Защитники Отечества» и помощь военнослужащим. Об этом рассказал сопредседатель Ассоциации юристов России Владимир Плигин: *«За последнее время было заключено 68 региональных соглашений. Наши представители осуществляли дежурство в госпиталях, проводят специальные семинары по психологической составляющей оказания юридических услуг.*

[1] URL: https://msal.ru/news/.

Кроме того, вносятся предложения о совершенствовании законодательства в рассматриваемой сфере». Владимир Плигин также выдвинул на утверждение победителей конкурса лучших проектов региональных отделений Ассоциации юристов России.

На заседании было уделено внимание утверждению медали Ассоциации юристов России «За взаимодействие». Также были рассмотрены и другие вопросы.

Развитие Университета

Подписано соглашение о сотрудничестве между Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Тюменским государственным университетом

В рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Тюменский государственный университет заключили соглашение о сотрудничестве, направленное на углубление интеграции между сторонами при реализации программ развития университетов.

Документ подписали ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев и ректор ТюмГУ Иван Романчук.

Соглашение предусматривает взаимное поддержание и развитие научно-технического, кадрового, инновационного, производственного потенциалов, обеспечение решения социально-экономических проблем, подготовки и сохранения высококвалифицированных кадров, а также обеспечение технологического лидерства.

Искусственный интеллект в работе современного вуза

По инициативе ректора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктора Блажеева управленческая команда вуза прошла обучение по использованию технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности. В ходе обучения участники мастер-класса познакомились с популярными нейросетями и научились составлять команды для искусственного интеллекта.

Во вступительном слове проректор по стратегическому и международному развитию Мария Мажорина отметила, что данный мастер-класс является частью масштабного проекта, реализуемого в рамках программы «Приоритет-2030» по обучению работников применению технологий искусственного интеллекта. Осенью 2025 г. по программе «Технология искусственного интеллекта в деятельности Университета» прошли обучение более 650 работников. Весной 2026 г. эффективно использовать нейросети научатся еще около 700 работников вуза.

В рамках мастер-класса работа строилась в интерактивном формате: участники были распределены по парам, за каждой из которых был закреплен наставник

из числа работников, которые в декабре 2025 г. успешно завершили обучение по применению цифровых технологий в образовательной деятельности в проекте «Сбера» «Школа 21». Такой подход позволил участникам на практике применять полученные знания, отрабатывать навыки и разбирать реальные рабочие задачи.

В январе 2026 г. в Университете была создана Лаборатория искусственного интеллекта, которая является площадкой для комплексного взаимодействия правовой науки с техническими знаниями об архитектуре систем искусственного интеллекта и LegalTech.

Конференции, круглые столы, семинары

Зимняя школа молодых ученых «Право интеллектуальной собственности и технологическое лидерство»

В период 27—29 января 2026 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошла XII Зимняя школа молодых ученых «Право интеллектуальной собственности и технологическое лидерство».

В этом году Школа объединила более 90 молодых ученых из разных регионов России, готовых экспериментировать, выдвигать и обсуждать идеи. Мероприятие проводится ежегодно и ставит своей целью актуализацию исследовательской деятельности молодых ученых и подготовку научных публикаций по актуальным проблемам развития юридической науки. Лекции, мастер-классы, беседы с ведущими российскими учеными и практиками, активное участие слушателей в круглых столах — основные форматы Зимней школы.

Научным руководителем Зимней школы молодых ученых выступил проректор по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина

(МГЮА) Владимир Синюков, научным консультантом — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель Суда по интеллектуальным правам в отставке Людмила Новоселова. Представителем организационного комитета Зимней школы молодых ученых выступила заведующий кафедрой международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), член Исполнительного комитета Российской ассоциации международного права Наталья Соколова.

Мероприятие открыл ректор Университета Виктор Блажеев, выступив перед участниками с напутственным словом: *«Сегодня нередко высказывается мнение о том, что с развитием искусственного интеллекта профессия юриста может утратить свое значение. Однако практика показывает обратное: формируются новые сферы правового регулирования, которыми ранее юридическая наука системно не занималась, — технологии, кибербезопасность, беспилотные проекты. Все они требуют комплексного правового сопровождения, прежде всего в части определения ответственности. Не случайно тема школы посвящена проблематике собственности и технологического лидерства, являющегося для Университета сквозным приоритетом, поскольку без права невозможно выстроить развитие и внедрение технологий. В этой связи особое значение приобретает право интеллектуальной собственности, включая закрепление прав на новые технологические разработки, модели и процессы. Участники школы получают уникальную возможность заглянуть в будущее юриспруденции и сформировать знания и навыки, которые будут востребованы в дальнейшем профессиональном и научном развитии».*

Перед участниками также выступил проректор по научно-исследовательской деятельности Университета Владимир Синюков: *«Летние и зимние школы молодых ученых — это особая форма познания и обучения, предполагающая полное погружение в тематику. Мы не ориентируемся на массовость: школы носят локальный, творческий и индивидуальный характер, позволяя каждому участнику включиться в работу. Их ключевая особенность — сочетание фундаментальности правовой проблематики и практикоориентированности. В последние годы эта практика напрямую связана с технологической повесткой правового регулирования: правом и инновациями, кибербезопасностью, искусственным интеллектом, биотехнологиями. Каждая школа представляет собой индивидуально-разовую программу дополнительного профессионального образования, разработанную исключительно на конкретную неделю и конкретную тематику, с участием ведущих специалистов из нашей страны. Такой формат важен для всех направлений юридических исследований и практики, поскольку формирует широкий научный кругозор».*

Основные мероприятия включали работу в малых группах, мастер-классы и лекции от признанных экспертов, в ходе которых рассказывалось о трансфере технологий и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности в различных отраслях экономики и социальной сферы, правовом режиме цифровых платформ, проблемах коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, тенденциях развития законодательства об интеллектуальной собственности и др.

Участникам Зимней школы молодых ученых, освоившим образовательную программу в полном объеме, вручены дипломы о повышении квалификации.

XXIII Международная научно-практическая конференция «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке»

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось торжественное открытие XXIII Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке».

В конференции приняли участие более 200 человек, из них около 70 — заведующие кафедрами уголовного права университетов из различных регионов России, включая филиалы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

С приветственным словом к участникам обратился ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев: *«Тема сегодняшней конференции важна и интересна, поскольку мир стремительно меняется, появляются новые вызовы — искусственный интеллект, новые технологии. Меняется законодательство во многих сферах. Должно меняться и право, поскольку меняется*

структура преступлений. В сфере высоких технологий, безусловно, необходимо осмысление с точки зрения защиты граждан и государства. Нужны новые подходы к отдельным составам преступлений, изучение их специфики для предотвращения этих преступлений в будущем».

Программа конференции была рассчитана на два дня и работу четырех крупных секций.

Мероприятия ректората

IV Всероссийское совещание заведующих кафедрами уголовного права

21 января 2026 г. в Университете прошло IV Всероссийское совещание заведующих кафедрами уголовного права. Мероприятие стало площадкой для обсуждения актуальных вопросов развития уголовно-правовой науки и юридического образования, а также выработки единых подходов к подготовке специалистов в данной сфере.

Совещание было организовано совместно с Ассоциацией юридического образования, оно объединило более 85 представителей вузов из различных регионов России, в том числе филиалов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

С приветственным словом к участникам обратилась первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Инна Ершова: *«Прежде всего от имени Университета я хочу поблагодарить всех вас за участие в нашем Всероссийском совещании. Это прекрасная традиция — начинать год с такого профессионального диалога, который предшествует крупной конференции. Сегодняшняя встреча имеет особое значение. Наука не должна быть только узкоотраслевой — она должна развиваться в более широких рамках.*

Поэтому мы и обсуждаем проблему уголовного права не только с узковедомственной точки зрения, но и с выходом на смежные научные специальности. Я абсолютно уверена, что сегодняшнее мероприятие будет очень полезным, и те рекомендации, которые мы выработаем, лягут в основу преподавания в сфере уголовного права».

В рамках программы прошли рабочие сессии, участие в которых приняли проректор по молодежной политике МГЮА Александр Чанышев и проректор по образовательной деятельности Университета Наталья Софийчук. Завершилось совещание обсуждением перспектив дальнейшего сотрудничества.

Конкурс «Проект Я»

24 января 2026 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялся концерт творческого конкурса «Проект Я». В основу идеи создания «Проекта Я» легла реализация Указа Президента России «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Участники концерта выступили с незабываемыми танцевальными и вокальными номерами, покорили сцену искренними эмоциями. Каждое выступление было посвящено глубоким духовно-нравственным ценностям, которые лежат в основе нашей жизни. Через песни и танцы студенты рассказали личные истории, которые нашли отклик в сердцах всего зала, напомнив, как творчество объединяет людей.

Серия праздничных мероприятий в преддверии Дня российского студенчества

В преддверии Дня российского студенчества в Университете прошла традиционная встреча ректора Виктора Блажеева со студенческим активом. В мероприятии приняло участие более 70 человек — руководители студенческих объединений и отличившиеся обучающиеся. Ректор Университета Виктор Блажеев поздравил с наступающим Днем российского студенчества и 95-летним юбилеем вуза.

«В вашем плотном графике, насыщенном учебой и общественной деятельностью, особенно важно находить время для праздника и отдыха. И День российского студенчества — именно такой повод. Студенчество — это очень светлый и важный этап жизни. Поздравляю вас с праздником, желаю успехов в учебе, крепкого здоровья. Пользуйтесь минутами радости студенческой жизни, наполняйте их содержанием и смыслом!» — сказал Виктор Блажеев.

Активисты были отмечены благодарностями Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Затем были объявлены победители конкурса на соискание стипендии имени академика Олега Емельяновича Кутафина.

В ходе торжественной встречи была заложена капсула времени с посланием наследникам традиций юридического образования — студентам 2031 г., в который Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) отметит свой 100-летний юбилей.

Под письмом в будущее в присутствии студенческого актива поставили свои подписи ректор Университета Виктор Блажеев и председатель Ассоциации студентов Полина Ляхова.

Очередное заседание Ученого совета

26 января 2026 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось заседание Ученого совета. В ходе встречи были рассмотрены текущие кадровые вопросы, а также вопросы, связанные с деятельностью структурных подразделений.

В начале встречи за значительные заслуги в сфере образования и научно-технической инновационной деятельности, а также в связи с юбилеем ректор Университета Виктор Блажеев был награжден медалью Минобрнауки России «За вклад в реализацию государственной политики в области образования и научно-технологического развития». Награду в торжественной обстановке вручил директор Департамента кадровой политики Минобрнауки России Алексей Свистунов. Коллектив Университета тепло поздравил Виктора Блажеева продолжительными аплодисментами.

Далее ректор Университета Виктор Блажеев представил коллективу Александра Назарова, который был назначен на должность проректора по развитию филиалов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Он будет курировать вопросы развития филиалов в образовательной, научной и воспитательной сферах,

а также осуществлять координацию их стратегической, инновационной и международной деятельности.

Далее ректор Университета вручил работникам награды за достигнутые высокие результаты труда. За многолетнюю добросовестную работу и в связи с юбилеем Почетной грамотой Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) награждена заведующий кафедрой английского языка Надежда Ильина, за долголетний добросовестный труд директору Оренбургского института (филиала) Дмитрию Великому присвоено звание «Ветеран МГЮА», за многолетнюю добросовестную работу и в связи с юбилеем Почетной грамотой Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) награжден заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Вячеслав Агафонов.

Также на заседании Ученого совета поздравили юбиляров января 2026 г. — профессора кафедры уголовного права Татьяну Устинову, профессора кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Сослана Джиоева, доцента кафедры предпринимательского и корпоративного права Ольгу Шевченко, заведующего кафедрой английского языка Надежду Ильину, доцента кафедры международного частного права Оксану Савенко, профессора кафедры информационного права и цифровых технологий Татьяну Щукину, заведующего кафедрой экологического и природоресурсного права Вячеслава Агафонова, директора Оренбургского института (филиала) Дмитрия Великого, преподавателя кафедры экологического и природоресурсного права Татьяну Бакунину, доцента кафедры конституционного и муниципального права Илью Иксанова.

Заседание Ученого совета продолжилось выступлением заведующего кафедрой международного частного права Владимира Канашевского, который рассказал об актуальных направлениях развития науки международного частного права с учетом быстроменяющейся международной обстановки.

Начальник отдела охраны труда Лидия Коношко представила результаты работы возглавляемого ею подразделения. Первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Инна Ершова акцентировала внимание присутствующих на важности соблюдения норм охраны труда.

И.о. директора Высшей школы права Виолетта Белоусова во исполнение решения Ученого совета рассказала о направлениях деятельности института и направлениях совершенствования образовательных программ.

Проректор по стратегическому и международному развитию Мария Мажорина традиционно представила результаты реализации мероприятий в рамках программы «Приоритет-2030».

Проректор по молодежной политике Александр Чанышев объявил о подготовке отправки очередной партии гуманитарной помощи для участников специальной военной операции, приуроченной ко Дню защитника Отечества.

Проректор по административной работе и информационным технологиям Сергей Игитханян обратил внимание на необходимость соблюдения требований информационной безопасности.

В завершение заседания Ученого совета ректор Университета Виктор Блажеев поблагодарил присутствующих за работу и поздравил с предстоящим Днем российской науки, отмечаемым 8 февраля 2026 г.

Обязательства по передаче имущества в собственность

Марина Владимировна ШМЕЛЕВА,
профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент
mvshmeleva@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Правовые риски продавца в договорах розничной купли-продажи: теоретико-правовой анализ и практические аспекты защиты[1]

Аннотация. *В статье проводится комплексный анализ правовых рисков, возникающих у продавца при заключении и исполнении договоров розничной купли-продажи. Рассматриваются особенности правового регулирования данных отношений, выявляются проблемы законодательного характера, создающие предпосылки для злоупотреблений со стороны потребителей. Особое внимание уделяется анализу правовой асимметрии в договорах розничной купли-продажи, непропорционально высоким штрафным санкциям, практике получения двойного возмещения, ответственности продавца за недостатки, возникшие по вине покупателя, и использованию законодательства о защите прав потребителей для получения необоснованной выгоды. На основе анализа судебной практики и доктринальных подходов предлагаются конкретные правовые механизмы защиты интересов продавца, включая законодательное закрепление критериев недобросовестного поведения потребителя и совершенствование механизмов судебной оценки доказательств в потребительских спорах.*

Ключевые слова: *договор розничной купли-продажи, защита прав продавца, злоупотребление правом потребителем, правовые риски, баланс интересов*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.020-030

© Шмелева М. В., 2026

[1] Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Marina V. SHMELEVA,
Professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Associate Professor
mvshmeleva@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Seller's Legal Risks in Retail Sales Contracts: Theoretical and Legal Analysis and Practical Aspects of Protection

Abstract. *The article provides a comprehensive analysis of the legal risks that arise for the seller when concluding and executing retail sales contracts. It examines the specific features of the legal regulation of these relations and identifies legislative issues that create the potential for consumer abuse. Special attention is given to the analysis of legal asymmetry in retail sales contracts, disproportionately high penalties, the practice of obtaining double compensation, the seller's responsibility for defects caused by the buyer, and the use of consumer legislation for unjustified benefits. Based on the analysis of judicial practice and doctrinal approaches, the article proposes specific legal mechanisms for protecting the seller's interests, including the legislative establishment of criteria for unfair consumer behavior and the improvement of judicial evidence assessment mechanisms in consumer disputes.*
Keywords: *retail sale agreement, protection of seller's rights, abuse of consumer rights, legal risks, balance of interests*

Введение

В гражданском праве договор розничной купли-продажи занимает особое место, являясь наиболее востребованным и распространенным видом договорных обязательств. Каждый гражданин регулярно совершает покупки различными способами, в том числе посредством онлайн-платформ, получивших широкое распространение в условиях стремительного развития Интернета.

Статистические данные свидетельствуют о масштабности проблемы правовых рисков продавцов: в 2024 г. общая сумма, присужденная судами к взысканию с предпринимателей по удовлетворенным искам потребителей (доля которых составила 87,4 %), достигла 43,3 млрд рублей, включая компенсации морального вреда[2]. Одновременно с этим наблюдается устойчивый рост количества обращений граждан в Роспотребнадзор: в 2024 г. поступило 427 476 обращений, что на 3,9 % больше, чем в 2023 г. За десятилетний период с 2015 г. количество таких обращений увеличилось на 29,6 %.

[2] Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2024 году : Государственный доклад. М. : Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2025. С. 5.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления и систематизации правовых рисков продавцов в договорах розничной купли-продажи, а также разработки эффективных механизмов защиты их интересов в условиях существующего дисбаланса прав и обязанностей сторон.

Теоретико-правовые основы договора розничной купли-продажи

Договор розничной купли-продажи регулируется положениями гл. 30 Гражданского кодекса РФ, включающей как общие положения, так и специальные нормативные правила, относящиеся к отдельным разновидностям указанного договора.

В части 1 ст. 492 ГК РФ закрепляется определение договора розничной купли-продажи, согласно которому покупатель приобретает определенный товар у продавца для удовлетворения своих личных, домашних или семейных потребностей, которые не должны быть связаны с осуществляемой им предпринимательской деятельностью. Например, если гражданин приобретает строительные материалы не для ремонта собственного дома, а для своей работы, поскольку он профессионально ремонтирует дома и квартиры как индивидуальный предприниматель, это не будет рассматриваться как розничная купля-продажа.

Однако и в этом вопросе возможны злоупотребления со стороны покупателей. Так, в одном из дел суд не стал оценивать доказательства того, что товар приобретался гражданином в предпринимательских целях и применил Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»[3]. Впоследствии данное решение было отменено апелляционным судом, который учел факт приобретения товара в предпринимательских целях[4].

Дело «Ольшевский И. Г. против ООО “Бергауф. Строительные технологии”» также иллюстрирует типичную ситуацию, когда лицо, фактически осуществляющее предпринимательскую деятельность, обращается в суд в качестве потребителя, пытаясь использовать преимущества законодательства о защите прав потребителей[5]. Подобная практика представляет собой одну из форм злоупотребления правом, которая требует адекватной правовой оценки.

Как следует из материалов дела, суды не установили надлежащим образом, является ли истец потребителем в контексте Закона «О защите прав потребителей». При этом имелись существенные основания полагать, что истец использовал приобретенный товар в рамках осуществления предпринимательской деятельности в сфере строительства[6].

---

[3] Решение Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 2-641/2020 (2-7712/2019).

[4] Определение Санкт-Петербургского городского суда от 9 февраля 2021 г. по делу № 33-1135/2021.

[5] Решение Белгородского районного суда Белгородской области от 29 июня 2022 г. по делу № 2-9/2022.

[6] Апелляционное определение Белгородского областного суда от 13 июня 2023 г. по делу № 33-2603/2023.

Данный пример подтверждает необходимость законодательного закрепления критериев определения недобросовестного поведения потребителя, в частности случаев, когда лицо, фактически осуществляющее предпринимательскую деятельность, неправомерно позиционирует себя в качестве потребителя для получения дополнительных преимуществ.

ГК РФ закрепляет следующие разновидности договоров розничной купли-продажи:

- купля-продажа товара с условием его получении покупателем в определенный срок (ст. 496 ГК РФ);
- купля-продажа товаров с использованием автоматов (ст. 498 ГК РФ);
- купля-продажа товаров по каталогу и в дистанционном формате (ст. 497 ГК РФ);
- договор найма-продажи (ст. 501 ГК РФ);
- купля-продажа товара с условием о его доставке до покупателя (ст. 499 ГК РФ).

Таким образом, все договоры розничной купли-продажи можно классифицировать по следующим критериям: место исполнения обязательства продавцом (выдача товара покупателю по адресу магазина или доставка по указанному покупателем адресу); обязанность вручения товара покупателю с использованием доставки; оплата купленного товара покупателем; способ передачи товара; срок, в течение которого продавец должен передать товар покупателю.

Правовая асимметрия в договорах розничной купли-продажи

Основу правового регулирования отношений в области розничной торговли определяют нормы не только ГК РФ, но и Закона «О защите прав потребителей». Доктрина[7] и действующее законодательство исходят из презумпции, что покупатель, выступая потребителем, является менее защищенной, слабой стороной в отношениях с профессиональными субъектами предпринимательской деятельности, а также из презумпции виновности продавца, согласно которой бремя доказывания отсутствия вины в возникновении недостатков товара лежит на продавце.

Таким образом, участники гражданских отношений — потребитель и предприниматель — изначально, еще до возникновения самой юридической связи, находятся в неравном положении.

Данный подход нашел свое закрепление и в Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28 августа 2017 г. № 1837-р, которая определила целый ряд преференций для потребителей как

[7] Е. В. Вавилин под слабой стороной понимает субъекта, обладающего значительно меньшим запасом тех или иных организационных, материальных, профессиональных, информационных и других конкурентных, имеющих значение для формирования, осуществления и защиты субъективного права ресурсов в сравнении со своим контрагентом. См.: *Вавилин Е. В.* Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2016. С. 77.

объективно более слабой стороны в соответствующих правоотношениях, нуждающейся в дополнительных гарантиях защиты собственных прав и интересов, предоставленных потребителям Гражданским кодексом РФ и иными нормативными правовыми актами[8].

Как отмечает Конституционный Суд РФ в постановлении от 23 февраля 1999 г. № 4-П, «гражданин является экономически слабой стороной и нуждается в особой защите своих прав, что влечет необходимость ограничения свободы предпринимательства и свободы договора для другой стороны»[9]. Данная позиция последовательно развивается в многочисленных судебных актах, в том числе Верховного Суда РФ, излагается, в частности, в Обзоре судебной практики по делам о защите прав потребителей[10].

При таком подходе законодателя возник существенный дисбаланс в правовом положении сторон договора розничной купли-продажи, что привело к возникновению на практике большого количества рисков для продавцов, выражающихся в различных формах злоупотребления правами со стороны покупателей. Подобные ситуации возникают, например, если покупатель, приобретая товар в магазине, ставит целью не удовлетворение своих личных потребностей, а получение дохода или иной выгоды от продавца, в частности:

1) продавец начинает нести ответственность даже за такие недостатки товара, которые возникли по вине и из-за действий покупателя;
2) продавец начинает нести ответственность по требованиям покупателя за пределами срока службы товара или срока годности товара, по сути, покупатель получает неограниченный срок для предъявления претензий;
3) покупатель начинает уклоняться от передачи товара на проверку качества, чтобы, помимо возврата денежных средств за товар, добиться от предпринимателя выплаты неустойки и штрафа;
4) покупатель намеренно затягивает приемку товара по надуманным причинам, чтобы привлечь продавца к ответственности, которая в отдельных сферах, например в жилищном строительстве, может носить сверхвысокий характер.

Безусловно, складывающаяся ситуация является небезопасной для продавцов и нарушает баланс интересов участников гражданских правоотношений. Для решения указанной проблемы требуется глубокое научное переосмысление

---

[8] Распоряжение Правительства РФ от 28 августа 2017 г. № 1837-р «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 37. Ст. 5543.

[9] Постановление Конституционного Суда РФ от 23 февраля 1999 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года “О банках и банковской деятельности” в связи с жалобами граждан О. Ю. Веселяшкиной, А. Ю. Веселяшкина и Н. П. Лазаренко» // СЗ РФ. 1999. № 10. Ст. 1254.

[10] Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 октября 2023 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 1. Январь.

правового положения покупателей с последующим внесением изменений в действующее законодательство.

По справедливому замечанию В. В. Богдан и В. Н. Сусликова, злоупотребления со стороны потребителей возникают из-за «отсутствия в Законе о защите прав потребителей положений об обязанностях и ответственности потребителя». Поэтому главная мера по борьбе с указанным поведением потребителей — совершенствование закона[11].

Ключевые проблемы для продавцов в договорах розничной купли-продажи

1. Непропорционально высокие и неоправданные с точки зрения допущенных нарушений штрафные санкции

Одной из наиболее острых проблем для продавцов является беспрецедентно высокий размер неустойки за нарушение сроков удовлетворения требований потребителя. Согласно ст. 23 Закона «О защите прав потребителей», за нарушение установленных сроков для устранения недостатков в товаре продавец может быть привлечен к ответственности в размере 1 % от стоимости товара за каждый день допущенного нарушения.

Еще более проблематичной является ситуация с неустойкой за нарушение сроков выполнения работ (оказания услуг), которая составляет 3 % от цены работы (услуги) за каждый день (или час) просрочки (абз. 1 п. 5 ст. 28 Закона «О защите прав потребителей»). При просрочке в 20 дней размер неустойки достигает 60 % от цены договора, что является явно несоразмерным последствиям нарушения.

Важно отметить, что предусмотренное Законом «О защите прав потребителей» ограничение неустойки размером уплаченной потребителем цены установлено только для отношений по выполнению работ или оказанию услуг и не распространяется на правоотношения, возникающие из договора купли-продажи товара.

Так по делу В. М. Гоголева против АО «Автоваз» с АО «Автоваз» были взысканы не только убытки в размере 363 600 рублей, но и неустойка в размере 1 172 664 рубля[12]. Указанный размер взысканной фактической неустойки за 61 день в 3,2 раза больше размера убытков в виде разницы в цене автомобиля, что значительно превышает возможный размер убытков потребителя, которые могли возникнуть вследствие нарушения обязательства, и свидетельствует о чрезмерности неустойки и о наличии оснований для ее снижения.

Помимо возмещения убытков, продавец обязан выплатить штраф в размере 50 % от суммы, присужденной потребителю.

[11] См.: *Богдан В. В., Сусликов В. Н.* Злоупотребление правом в отношениях с участием потребителей // Гуманитарные исследования. 2015. № 4 (56). С. 227—228.

[12] Апелляционное определение Самарского областного суда № 2-1608/2023 по делу № 33-11452/2024.

2. Практика получения двойного возмещения

Особого внимания заслуживает факт обращения покупателей одновременно к продавцам и к изготовителям товаров[13].

В соответствии с п. 2 и 3 ст. 18 Закона «О защите прав потребителей», потребитель имеет право выбрать, к кому предъявить свои требования — к изготовителю или продавцу. Однако после реализации права путем обращения к продавцу и удовлетворения им требований потребителя, у последнего не должно возникать право повторного требования к изготовителю товара по тому же основанию.

Данный аспект иллюстрирует необходимость законодательного закрепления положения о том, что при наличии доказательств недобросовестного поведения потребителя, в том числе в форме получения двойного возмещения, суд должен отказывать в удовлетворении требований покупателя полностью со ссылкой на ст. 10 ГК РФ.

3. Ответственность за недостатки, возникшие по вине покупателя

Продавец вынужден нести ответственность даже за такие недостатки товара, которые возникли по вине и из-за действий самого покупателя. Это происходит из-за сложности доказывания продавцом факта неправильной эксплуатации товара потребителем.

Показательным примером данной проблемы является дело Т. В. Парфеновой против ООО «Дента-МИР». В данном случае потребитель обратился с иском о возмещении ущерба в связи с переломом установленных стоматологических протезов. Несмотря на то, что, согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, перелом мостовидных протезов не являлся дефектом лечения (поскольку мог быть вызван некачественным уходом за протезом и чрезмерной жевательной нагрузкой со стороны пациента), суд первой инстанции удовлетворил требования истца, взыскав с ООО «Дента-МИР» стоимость протезов, затраты на будущее лечение, штраф и компенсацию морального вреда[14].

Особенно важно отметить, что потребитель отказался приехать в клинику для осмотра с целью выявления причин разрушения протезов, что сделало невозможным установление истинных причин дефекта. Более того, пациент самостоятельно снял установленные протезы в других медицинских учреждениях и начал новое лечение, что полностью исключило возможность проверки качества изготовленных протезов и установления причинно-следственной связи между действиями исполнителя и наступившими последствиями.

Данный пример наглядно демонстрирует, как потребитель может злоупотреблять своими правами, а продавец (исполнитель) оказывается в заведомо проигрышном положении из-за невозможности доказать отсутствие своей вины.

---

[13] Показательным представляется определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 марта 2018 г. № 78-КГ17-102 и Апелляционное определение Московского городского суда от 4 февраля 2019 г. по делу № 33-1007/2019.

[14] Решение Люберецкого городского суда Московской области от 2 апреля 2024 г. по делу № 2-101/2024 (2-10717/2023).

4. Использование закона не для защиты своих прав, а для получения дохода или иной выгоды

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в определении от 21 декабря 2000 г. № 263-0, суд обязан устанавливать баланс между применяемой к нарушителю мерой ответственности и оценкой действительного (а не возможного) размера ущерба, причиненного в результате конкретного нарушения. Неустойка не должна являться средством обогащения.

Однако в деле Т. В. Парфеновой против ООО «Дента-МИР» наблюдается классический пример такого злоупотребления. Потребитель отказался от осмотра и выяснения причин дефектов установленных протезов в ООО, вместо этого сразу обратился с претензией о возврате всей стоимости проведенного лечения. При этом потребитель нашел время и возможность посетить более трех медицинских стоматологических учреждений в Москве (несмотря на то, что протезы устанавливались в поселке Степное Саратовской области) для сбора документации, которая впоследствии была использована в судебном разбирательстве.

5. Проблема оценки доказательств в спорах с участием потребителей

Проанализированная судебная практика также демонстрирует проблему некритичного отношения судов к доказательствам, представляемым потребителями. Суды зачастую не дают надлежащей оценки экспертным заключениям, несмотря на наличие таких существенных нарушений при их подготовке, как:

1) проведение экспертизы лицом, не являющимся сотрудником государственного судебно-экспертного учреждения;
2) несоответствие вида назначенной экспертизы предмету исследования;
3) несоблюдение требований к комплексным экспертизам;
4) отсутствие совместного участия экспертов в исследовании;
5) противоречие между исследовательской и заключительной частями экспертного заключения;
6) субъективный характер выводов экспертов;
7) использование неприменимых нормативных актов;
8) неоднозначность результатов исследования;
9) отсутствие исследования годности предоставленного образца;
10) уничтожение объекта экспертизы.

Данные обстоятельства свидетельствуют о необходимости совершенствования механизмов судебной оценки доказательств в спорах с участием потребителей, особенно в случаях, когда имеются признаки недобросовестного поведения.

Перспективы совершенствования законодательства

Анализ современного состояния правового регулирования отношений в сфере розничной купли-продажи свидетельствует о наличии существенного дисбаланса, создающего угрозу правовой определенности и стабильности функционирования розничного рынка. Сложившаяся ситуация требует фундаментального научного переосмысления правового положения участников гражданских правоотношений в данной сфере с последующей имплементацией соответствующих изменений в законодательство и правоприменительную практику.

Как обоснованно указывает А. А. Чукреев, категория добросовестности находится в диалектическом единстве с категорией недобросовестности[15]. Согласно концепции Н. А. Медушевского, ключевые социально значимые проблемы современной практики распределяются между указанными категориями[16], поэтому можно предположить, что любое поведение покупателя расположено на шкале «добросовестность/недобросовестность», а суд с учетом обстоятельств конкретного дела осуществляет квалификацию поведения участников спора по критерию его тяготения к одному из полюсов.

В целях совершенствования правового регулирования отношений с участием потребителей представляется целесообразным внести следующие изменения в действующее законодательство:

1. Дополнить Закон «О защите прав потребителей» положениями об обязанностях потребителей и ответственности за их нарушение. В частности, следует закрепить обязанность потребителя передать товар ненадлежащего качества для проведения совместной экспертизы, в противном случае потребитель должен терять право на получение от продавца каких-либо штрафов и неустоек.

2. Установить в Законе «О защите прав потребителей» критерии определения недобросовестного поведения потребителя, включая случаи неправомерного позиционирования себя в качестве потребителя лицами, фактически осуществляющими предпринимательскую деятельность.

3. Предусмотреть механизм снижения размера неустойки и штрафа, взыскиваемых с продавца, в случае установления факта недобросовестного поведения потребителя.

4. Закрепить в Законе «О защите прав потребителей» положение о том, что при наличии доказательств недобросовестного поведения потребителя суд вправе отказать в удовлетворении его требований полностью или частично на основании ст. 10 ГК РФ.

Данные изменения позволят обеспечить более справедливый баланс интересов сторон в потребительских отношениях и предотвратить злоупотребления правом со стороны недобросовестных покупателей.

Как написано в «Гуань-цзы», если определить, где правда, а где ложь, то тогда система поощрений и санкций может действовать эффективно[17]. Данное высказывание подчеркивает необходимость четкого определения границ добросовестного и недобросовестного поведения участников гражданских правоотношений и при исполнении договоров розничной купли-продажи.

Дефиницию «справедливый/несправедливый поступок» можно применять и к отношениям покупателей и продавцов, поскольку они действуют по собственному

---

[15] См.: *Чукреев А. А.* Добросовестность в системе принципов гражданского права // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 100—104. Цит. по: Принципы гражданского права и их реализация : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Г. С. Демидовой. М., 2017. С. 93.

[16] См.: *Медушевский Н. А.* Основы толерантности и правовой культуры. 3-е изд. М., 2018. С. 303.

[17] См.: Гуань Чжун // Правовая мысль : антология / авт.-сост. В. П. Малахов. Екатеринбург : Деловая кн. ; М. : Акад. проект, 2003.

желанию и продавец не принуждает их вступать в данные отношения[18]. В связи с этим особую значимость при возникновении спорной ситуации между покупателем и продавцом приобретает оценка добросовестности каждого участника этих отношений.

Добросовестность, в свою очередь, всегда должна определяться с учетом ряда разнородных факторов, таких как порядок и условия заключения сделки, особенности поведения каждой из сторон, умышленное уклонение одной из сторон от исполнения возложенных на нее по закону обязательств, совершение действий, направленных на увеличение размера убытков. Поэтому добросовестность должна использоваться судом не только как оценочное понятие в споре и применяться как средство индивидуального регулирования, но и требует от законодателя необходимости поиска и закрепления универсальных правил, предотвращающих все возможные формы недобросовестности со стороны покупателей на уровне закона.

В связи с этим мы полностью согласны с Ж. И. Седовой в том, что сегодня важнейшее значение для регулирования гражданских правоотношений имеет выяснение и последующее закрепление на законодательном уровне понятия, что такое недобросовестное поведение, поскольку продавец начинает понимать, что то или иное поведение покупателя является недобросовестным только тогда, когда оно реально случается и начинает влечь негативные последствия для него[19].

К сожалению, массовое применение и распространение злоупотреблений со стороны потребителей в договорах розничной купли-продажи уже началось, но мы можем путем определения на законодательном уровне недобросовестных потребительских практик предпринять попытки для минимизации таких негативных последствий.

Заключение

В заключение можно сделать вывод о том, что для обеспечения справедливого баланса интересов сторон в договорах розничной купли-продажи необходимо не только совершенствование законодательства, но и формирование единообразной судебной практики по вопросам применения положений о запрете злоупотребления правом в потребительских отношениях. Только комплексный подход к решению проблемы правовой асимметрии позволит обеспечить стабильность гражданского оборота и защиту законных интересов всех субъектов гражданских правоотношений.

[18] См.: *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 ч. М., 2017. Ч. 2. С. 184.

[19] См.: *Седова Ж. И.* Правовые формы отрицания недобросовестного поведения. М. : Статут, 2023.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Богдан В. В., Сусликов В. Н.* Злоупотребление правом в отношениях с участием потребителей // Гуманитарные исследования. — 2015. — № 4 (56).
2. *Вавилин Е. В.* Осуществление и защита гражданских прав. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2016.
3. Гуань Чжун // Правовая мысль : антология / авт.-сост. В. П. Малахов. — Екатеринбург : Деловая кн. ; М. : Акад. проект, 2003.
4. *Медушевский Н. А.* Основы толерантности и правовой культуры. — 3-е изд. — М., 2018.
5. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 ч. — М., 2017. — Серия : Антология мысли. — Ч. 2.
6. Принципы гражданского права и их реализация : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Г. С. Демидовой. — М., 2017.
7. *Седова Ж. И.* Правовые формы отрицания недобросовестного поведения. — М. : Статут, 2023.
8. *Чукреев А. А.* Добросовестность в системе принципов гражданского права // Журнал российского права. — 2002. — № 11. — С. 100—104.

Соотношение условий о цене и плате за оказание услуг в договоре поставки продовольственных товаров: от плана к свободе

Ольга Михайловна РОДИОНОВА,
профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент
omrodionova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *В статье проводится комплексный анализ правового регулирования ценообразования в сфере поставки продовольствия в Российской Федерации. Особое внимание уделяется спорным вопросам, связанным с включением в цену договора поставки компенсаций за затраты покупателя на логистические операции — подачу и уборку вагонов, разгрузку товаров. На основе анализа норм гражданского, транспортного и антимонопольного законодательства, судебной практики и научных источников делается вывод о возможности квалификации указанных действий как логистических услуг, однако подчеркивается, что их включение в состав вознаграждения по смыслу ст. 9 Закона о торговле сопряжено с рисками нарушения запрета на включение в договор дискриминационных условий и превышения предельного размера вознаграждения.*

Ключевые слова: *договор поставки, цена договора, продовольственные товары, логистические услуги, вознаграждение покупателя, Закон о торговле, государственное регулирование, свобода договора, подача и уборка вагонов, разгрузка товаров, дискриминационные условия, предельный размер вознаграждения*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.031-039

Olga M. RODIONOVA,
Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor
omrodionova@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Relationship between Price and Payment Terms for Services under a Food Supply Contract: from Plan to Freedom

Abstract. *The article provides a comprehensive analysis of the legal regulation of pricing in the field of food supply in the Russian Federation. Particular attention is paid to controversial issues related to the inclusion in the price of the supply contract of compensation for the buyer's costs for logistical operations — the supply and cleaning of wagons, unloading of goods. Based on the analysis of the norms of civil, transport and antimonopoly legislation, judicial practice and scientific sources, it is concluded that these actions can be qualified as logistics services, however, it is emphasized that their*

© Родионова О. М., 2026

inclusion in the "remuneration" within the meaning of Article 9 of the Law on Trade carries risks of violating the prohibition on discriminatory conditions and exceeding the maximum amount of remuneration.
Keywords: *supply contract, contract price, food products, logistics services, buyer's remuneration, Trade law, government regulation, freedom of contract, carriage delivery and cleaning, unloading of goods, discriminatory conditions, maximum remuneration*

Часть вторая Гражданского кодекса РФ, вступившая в силу 01.03.1996, заложила основы современного правового регулирования отношений по поставке, включая вопросы ценообразования. В советский период договор поставки не являлся инструментом свободного волеизъявления сторон, а служил формой реализации государственного плана. Соответственно, в ст. 44 Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик 1961 г.[1] и в ст. 258 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г.[2] цена по такому договору устанавливалась заранее в рамках планово-распорядительных документов.

В современном российском праве закреплен принцип свободы договора: стороны вправе самостоятельно определять размер цены (п. 4 ст. 421, п. 1 ст. 424 ГК РФ). Вместе с тем в законе допускается установление или определение цены посредством нормативных актов государственных или муниципальных органов власти, но только в случаях, прямо предусмотренных федеральным законом (п. 2 ст. 424 ГК РФ)[3].

Особый порядок определения цены в договорах поставки продовольственных товаров установлен Федеральным законом «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (далее — Закон о торговле)[4]. Необходимость такого регулирования обусловлена рисками злоупотребления доминирующим положением крупными оптовыми покупателями — в первую очередь торговыми сетями и дистрибьюторами. Вместе с тем в научной литературе неоднократно отмечалась недостаточная определенность отдельных положений указанного Закона[5], что затрудняет их единообразное применение на практике.

---

1 Закон СССР от 08.12.1961 (ред. от 12.06.1990) «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик».
Здесь и далее использованы тексты нормативных правовых актов, содержащиеся в СПС «КонсультантПлюс».

2 Гражданский кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 11.06.1964) (ред. от 26.11.2001).

3 См., например: определение Верховного Суда РФ от 04.08.2010 № 81-Г10-12 ; решение Верховного Суда РФ от 06.07.2010 № ГКПИ10-498.

4 Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации».

5 См.: *Свит Ю. П., Щербакова М. А.* Условия договора поставки о вознаграждении покупателя и скидках при продаже продовольственных товаров: проблемы правовой квалификации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 5. С. 53—59 ; *Синицын С. А.,*

Согласно ч. 4 ст. 9 Закона о торговле, в цену договора поставки продовольственных товаров по взаимному согласию сторон может включаться так называемое вознаграждение оптовому покупателю — как за приобретение определенного объема товаров, так и в виде платы за оказание услуг по продвижению, логистике, подготовке, обработке, упаковке товаров и иных аналогичных услуг. В той же статье установлен предельный размер такого вознаграждения — не более 5 % от стоимости приобретенных товаров[6]. В то же время в ч. 12 ст. 9 содержится запрет на навязывание поставщику условий, обязывающих его к оказанию услуг по продвижению, подготовке, упаковке и иным аналогичным действиям.

На практике стороны нередко включают в договоры поставки продовольственных товаров условие о компенсации покупателю расходов, понесенных им при оплате услуг по подаче и уборке вагонов, а также по разгрузке товаров, относя эти затраты к логистическим услугам, упомянутым в ч. 4 ст. 9 Закона о торговле. Однако возникает вопрос: включается ли компенсация этих затрат в цену договора? Несмотря на прикладной характер этой проблемы, ее решение невозможно без обращения к научным исследованиям, позволяющим сделать ряд выводов фундаментального характера.

Для ответа на поставленный вопрос необходимо последовательно решить три задачи: 1) установить, могут ли действия по подаче и уборке вагонов, а также разгрузке товаров быть квалифицированы как услуги; 2) определить, подпадают ли они под перечень услуг, упомянутых в Законе о торговле; 3) выяснить, как соотносятся между собой исследуемые действия, плата за них и компенсация со стороны поставщика.

В отношении первой задачи следует отметить, что правовая квалификация указанных операций неоднозначна. Согласно п. 52.24 Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД), загрузка и разгрузка грузовых железнодорожных вагонов определена в рамках транспортной обработки

Дьяконова М. О. Проблемы обеспечения баланса интересов торговых сетей и производителей товаров как равноправных участников гражданских правоотношений // Гражданское право. 2021. № 6. С. 3—11.

[6] Единого представления о правовой природе вознаграждения оптового покупателя в теории нет. М. А. Щербакова и Ю. П. Свит отмечают, что «с экономической точки зрения установление в договоре условия о выплате вознаграждения оптовому покупателю аналогично приобретению товара по сниженной цене, т.е. со скидкой». Вместе с тем, «если в договоре предусмотрено снижение цены договора путем предоставления скидки на приобретаемые товары, не обусловленное встречным совершением действий со стороны покупателя, такая скидка не может быть расценена как вид вознаграждения», поскольку «в дистрибьюторских договорах выплата вознаграждения производится за надлежащее исполнение обязанностей по договору, т.е. всегда обусловлена встречным предоставлением». Обращается внимание на то, что «отсутствие правового регулирования дистрибьюторских отношений в действующем законодательстве, и в частности, в Законе о государственном регулировании торговой деятельности, приводит к неоднозначным толкованиям природы вознаграждения и отождествлению его со смежными категориями (скидки, премии, бонусы)» (*Свит Ю. П., Щербакова М. А.* Указ. соч.).

грузов, которые, в свою очередь, по смыслу могут быть отнесены к транспортным логистическим услугам[7].

Вместе с тем в ряде нормативных актов аналогичные действия квалифицируются как работы, а не услуги. Так, согласно п. 3 Положения о лицензировании погрузочно-разгрузочной деятельности применительно к опасным грузам на железнодорожном транспорте, в состав лицензируемой деятельности входят погрузочно-разгрузочные работы по погрузке опасных грузов в вагоны и контейнеры и их выгрузке из вагонов и контейнеров, осуществляемые на железнодорожном транспорте общего пользования и (или) железнодорожных путях необщего пользования[8]. В пункте 3.4 ГОСТ 22235-2010 «Межгосударственный стандарт. Вагоны грузовые магистральных железных дорог колеи 1 520 мм. Общие требования по обеспечению сохранности при производстве погрузочно-разгрузочных и маневровых работ» также определено, что «операции, связанные с осуществлением погрузки и выгрузки груза, в том числе с размещением, креплением, уплотнением, выравниванием, рыхлением, разогревом груза, очисткой вагонов, включая наружную поверхность, после погрузки и выгрузки, приведением вагонов в транспортное положение» относятся к погрузочно-разгрузочным работам[9].

В гражданском праве работа и услуга — близкие, но не тождественные категории (ст. 128 ГК РФ). Большая часть исследователей считает, что работа отличается «овеществленностью» результата, тогда как услуга не оставляет материального следа[10]. Однако применительно к транспортной сфере данное различие становится условным: как справедливо отмечается в литературе, погрузочно-разгрузочные, сортировочные и иные операции редко дают овеществленный результат, что позволяет квалифицировать их как услуги[11]. Следовательно, действия по разгрузке товаров могут быть признаны услугами в гражданско-правовом смысле.

---

[7] ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) «Общероссийский классификатор видов экономической деятельности» (утв. приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) (ред. от 26.07.2022).

[8] Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2417 (ред. от 30.11.2021) «О лицензировании отдельных видов деятельности на железнодорожном транспорте» (вместе с Положением о лицензировании деятельности по перевозкам железнодорожным транспортом пассажиров, Положением о лицензировании деятельности по перевозкам железнодорожным транспортом опасных грузов, Положением о лицензировании погрузочно-разгрузочной деятельности применительно к опасным грузам на железнодорожном транспорте).

[9] URL: https://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=235858) (дата обращения: 01.11.2025).

[10] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Книга IV. Глава 37. Подряд. Глава 38. Выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ. Глава 39. Возмездное оказание услуг. Глава 40. Перевозка. Глава 41. Транспортная экспедиция. Комментарий / отв. ред. Т. Е. Абова, А. Ю. Кабалкин. М., 2000. С. 100—101.

[11] См.: *Нарозников Н. К.* Услуги и работы в сфере перевозок железнодорожным транспортом // Транспортное право. 2005. № 1.

Что касается подачи и уборки вагонов, то их правовая природа также дискуссионна. Согласно ст. 56 Устава железнодорожного транспорта РФ[12], такие операции регулируются специальными договорами, заключаемыми между перевозчиком и грузоотправителем (грузополучателем). В научной литературе высказываются различные точки зрения на правовую природу этих договоров: их рассматривают как договоры об оказании услуг[13], как организационные соглашения[14], как вспомогательные транспортные договоры[15] и даже как особый вид договоров об организации перевозок[16]. Преобладающая позиция, поддерживаемая и судами[17], заключается в том, что такие договоры носят организационный характер и не являются договорами на оказание транспортных услуг в узком смысле.

Тем не менее это не исключает возможности признания подачи и уборки вагонов услугами в более широком контексте, например, в рамках хозяйственных отношений между предприятиями железнодорожного транспорта[18]. Таким об-

---

[12] Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ (ред. от 28.02.2023) «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации».
Кроме того, правовое регулирование отношений по подаче и уборке вагонов осуществляется на основании Федерального закона от 10.01.2003 № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» (в ред. от 20.12.2017 № 400-ФЗ), а также приказа Министерства путей сообщения РФ от 18.06.2003 № 26 «Об утверждении Правил эксплуатации и обслуживания железнодорожных путей необщего пользования» (ред. от 19.12.2017).

[13] См.: *Александров-Дольник М. К.* Договоры советского транспортного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1963. С. 34 ; *Потапов А. П.* Договор на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 1973.

[14] См.: *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Книга четвертая : Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. М. : Статут, 2003. С. 350 ; *Вайпан В. А.* Правовое регулирование транспортной деятельности // Право и экономика. 2012. № 6. С. 18—42.

[15] См.: *Савичев Г. П.* Правовое регулирование перевозок народнохозяйственных грузов. М. : Изд-во МГУ, 1986. С. 53.

[16] См.: *Тарасов М. А.* Договор перевозки. Ростов н/Д : Изд-во Ростовского университета, 1965. С. 209—213 ; *Астановский Г. Б.* Договорные отношения на эксплуатацию подъездных путей. М. : Юридическая литература, 1984. С. 7 ; *Егиазаров В. А.* Транспортное право : учебник. М. : Юстицинформ, 2011.

[17] Суд пришел к следующему выводу: «…услуги по подаче и уборке вагонов, прием грузов от железной дороги, предоставление складской площади для размещения и хранения груза, оформление транспортной сопроводительной документации, оплата пошлин, сборов и других расходов, маневренные работы являются непосредственно связанными с процессом по организации перевозок» (определение Верховного Суда РФ от 07.02.2020 № 310-ЭС19-28155(1,2) по делу № А62-8160/2018).

[18] Е. М. Тужилова-Орданская отмечает, что «между самими линейными предприятиями железной дороги возникают гражданские правоотношения, связанные с выполнением хозяйственных работ. Так, например, локомотивное депо обеспечивает за определенную стоимость маневровую работу станций, вагонные депо — ремонт вагонов и контейнеров для отделений железной дороги, дистанции зданий и сооружений по договору между

разом, хотя указанные действия не являются услугами по перевозке, они могут рассматриваться как логистические или транспортно-вспомогательные услуги.

Переходя ко второй задаче, отметим, что в ч. 4 ст. 9 Закона о торговле прямо перечислены: услуги по продвижению товаров, логистические услуги, услуги по подготовке, обработке, упаковке товаров и иные аналогичные услуги. Хотя подача и уборка вагонов, а также разгрузка товаров в этом перечне не упомянуты, они могут быть отнесены к логистическим услугам по смыслу Закона.

Законодатель не дает определения логистических услуг, однако оно содержится в технических стандартах. Так, согласно п. 2.2.19 ГОСТ Р 56876.1–2016, логистические услуги — это действия покупателя (в том числе торговой сети) по доставке или выборке товаров, предусмотренные договором поставки или иным связанным с ним соглашением[19]. При этом другие стандарты трактуют логистику значительно шире — как комплексное управление грузопотоками, включая транспортировку, складирование и сопутствующие операции. Например, в п. 3.5.2 ГОСТ Р 57118-2016 «Национальный стандарт Российской Федерации. Перевозки интермодальные. Термины и определения» под транспортной логистикой понимается возмездная деятельность субъекта рынка транспортных услуг, связанная с формированием цепи поставки груза и организацией соответствующего объема предоставления транспортных услуг как объектов гражданских правоотношений, а также с принятием на себя функций оперативного управления предоставлением транспортных услуг согласно сформированной конфигурации цепи поставки. А в соответствии с п. 73 ГОСТ Р 58855-2020 «Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги на железнодорожном транспорте. Качество услуг в области грузовых перевозок. Термины и определения» логистика грузовых перевозок — комплексное планирование, управление и контролирование грузопотоков и потоков транспортных средств, логистических объектов и процессов цепей транспортирования (перемещения) грузов в транспортных системах, а также связанных с ними информационных и финансовых потоков; складская логистика представляет собой часть транспортной логистики, связанная с предоставлением терминально-складских услуг (п. 74); транспортно-логистическая услуга — процесс перемещения груза, включающий несколько элементов, формирующих логистическую цепочку доставки груза с добавленной стоимостью (п. 87)[20].

Суды также исходят из широкого понимания логистических услуг. Так, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ указал, что услуги по подаче и уборке вагонов «непосредственно связаны с реализацией товаров» и входят в единый

предприятиями — ремонт зданий и сооружений» (*Тужилова-Орданская Е. М.* Транспортные правоотношения // Транспортное право. 2022. № 4. С. 30).

[19] ГОСТ Р 56876.1-2016. «Национальный стандарт Российской Федерации. Руководство по добросовестным практикам взаимоотношений между торговыми сетями и поставщиками потребительских товаров. Часть 1. Термины и определения» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 26.02.2016 № 82-ст) // URL: https://docs.cntd.ru/document/1200140229 (дата обращения: 01.10.2025).

[20] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200173329 (дата обращения: 01.10.2025).

комплекс транспортно-экспедиционных услуг[21]. Следовательно, действия по подаче и уборке вагонов, а также разгрузке товаров могут быть квалифицированы как логистические услуги в смысле ч. 4 ст. 9 Закона о торговле.

Важно, однако, что такие услуги не подпадают под запрет, установленный в ч. 12 той же статьи, поскольку запрещены только услуги по продвижению, подготовке, обработке, упаковке и иные аналогичные им. Логистические операции, направленные на обеспечение доставки, имеют иную функциональную цель и регулируются иными нормами (в частности, статьей 510 ГК РФ).

Что касается третьей задачи — связи между действиями, платой и компенсацией, то следует уточнить, что в ч. 4 ст. 9 Закона о торговле речь идет именно о плате за оказание услуг, а не о компенсации убытков в классическом смысле. Необходимо отметить, что в ГК РФ термин «компенсация» используется в разных значениях: от возмещения морального вреда до покрытия издержек при невозможности точного определения цены (п. 2 ст. 709 ГК РФ). В контексте поставочных отношений выражение «компенсация затрат на логистику» следует понимать как включение соответствующих расходов покупателя в цену договора, что допустимо при соблюдении условий определимости цены (ст. 424 ГК РФ).

Такой подход подтверждается судебной практикой: суды признают обоснованным включение в расчет платы за перевозку сборов за подачу и уборку вагонов, поскольку они являются неотъемлемой частью транспортного процесса[22]. Следовательно, условие о компенсации таких расходов может быть включено как в сам договор поставки, так и в отдельное соглашение, что не противоречит принципу свободы договора (ст. 421 ГК РФ).

Однако реализация такого условия сопряжена с существенными рисками. Во-первых, совокупный размер вознаграждения, включая плату за логистические услуги, не может превышать 5 % от стоимости поставленных товаров (ч. 4 ст. 9 Закона о торговле). На практике этого лимита может оказаться недостаточно для покрытия реальных затрат, особенно при участии третьих лиц (например, экспедиторов или терминалов).

Во-вторых, ФАС России разъяснила, что установление платы за одинаковые логистические услуги в процентах от объема закупок разных поставщиков ведет

---

[21] В постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ № 16581/07 от 04.03.2008 отмечено, что «услуги по подаче, уборке и взвешиванию вагонов непосредственно связаны с реализацией товаров. По вопросу о том, имеется ли непосредственная связь между оказанными услугами и реализацией товара, вывод суда кассационной инстанции является правильным. Согласно Федеральному закону от 10.01.2003 № 17-ФЗ "О железнодорожном транспорте в Российской Федерации" совокупность организационно и технологически взаимосвязанных операций, выполняемых при подготовке, осуществлении и завершении перевозок пассажиров, грузов, багажа и грузобагажа железнодорожным транспортом признается перевозочным процессом. Следовательно, данные услуги относятся к единому комплексу транспортно-экспедиционных и перевозочных услуг» (Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2008. № 5).

[22] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 29.03.2021 № Ф10-164/2021 по делу № А83-9425/2019.

к дискриминации и нарушает п. 1 ч. 1 ст. 13 Закона о торговле[23]. Таким образом, даже при формальном соблюдении предельного размера вознаграждения договор может быть признан нарушающим антимонопольное законодательство.

Исходя из сказанного, включение в цену договора поставки продовольственных товаров компенсации за логистические операции (подачу и уборку вагонов, разгрузку) не запрещено законом и может быть обосновано как плата за логистические услуги. Однако исполнение такого договора может с высокой долей вероятности привести к нарушению Закона о торговле, устанавливающего баланс интересов поставщиков и крупных оптовых покупателей продовольственных товаров.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Александров-Дольник М. К.* Договоры советского транспортного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1963.
2. *Астановский Г. Б.* Договорные отношения на эксплуатацию подъездных путей. — М. : Юридическая литература, 1984.
3. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Книга четвертая : Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. — М. : Статут, 2003.
4. *Вайпан В. А.* Правовое регулирование транспортной деятельности // Право и экономика. — 2012. — № 6. — С. 18—42.
5. *Егиазаров В. А.* Транспортное право : учебник. — М. : Юстицинформ, 2011. — 165 с.
6. *Карпеев О. В.* Правовая природа договора на эксплуатацию подъездного пути необщего пользования и договора на подачу и уборку вагонов // Юридический мир. — 2014. — № 1.
7. *Метелева Ю. А.* Товарный оборот. Право. Практика. Тенденции регулирования. — М. : Юриспруденция, 2008. — 296 с.
8. *Морозов С. Ю.* Система транспортных организационных договоров : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2011. — 51 с.
9. *Нарозников Н. К.* Услуги и работы в сфере перевозок железнодорожным транспортом // Транспортное право. — 2005. — № 1.
10. *Потапов А. П.* Договор на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Иркутск, 1973. — 10 с.
11. *Романович А. Н.* Транспортные правоотношения. — Минск : Университетское, 1984.

[23] Разъяснения ФАС России «По некоторым вопросам применения Федерального закона от 28.12.2009 № 381-ФЗ “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации” в редакции Федерального закона от 03.07.2016 № 273-ФЗ» // URL: https://fas.gov.ru/documents/592517 (дата обращения: 15.10.2025). См.: *Карпов Н. Н.* Значение применения антимонопольного комплаенса организациями торговли для предотвращения нарушений законодательства о конкуренции // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. № 4. С. 39—48.

12. *Савичев Г. П.* Правовое регулирование перевозок народнохозяйственных грузов. — М. : Изд-во МГУ, 1986.
13. *Свит Ю. П., Щербакова М. А.* Условия договора поставки о вознаграждении покупателя и скидках при продаже продовольственных товаров: проблемы правовой квалификации // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2022. — № 5. — С. 53—59.
14. *Синицын С. А., Дьяконова М. О.* Проблемы обеспечения баланса интересов торговых сетей и производителей товаров как равноправных участников гражданских правоотношений // Гражданское право. — 2021. — № 6. — С. 3—11.
15. *Слесарев С.* Если сроки доставки нарушены // Юридический справочник руководителя. — 2022. — № 4. — С. 47—54.
16. *Тарасов М. А.* Договор перевозки. — Ростов н/Д : Изд-во Ростовского университета, 1965.
17. *Тужилова-Орданская Е. М.* Транспортные правоотношения // Транспортное право. — 2022. — № 4.

Филипп Артемьевич ТАСАЛОВ,
профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук
fatasalov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Стабильность Гражданского кодекса РФ и развитие гражданского оборота: в поисках компромиссной модели регулирования контрактных отношений

Аннотация. *В статье представлен анализ положений Гражданского кодекса РФ, посвященных контрактам на поставку, выполнение работ и оказание услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. В работе изучены темпоральные изменения норм ГК РФ об отдельных видах контрактных обязательств и положений отраслевого закупочного законодательства. Автор указывает на многочисленные коллизии между нормами ГК РФ и положениями Закона о контрактной системе и доказывает, что положения Кодекса об отдельных договорах в сфере обеспечения публичных нужд замещаются нормами отраслевого закупочного законодательства. Установлено, что концепция разработчиков второй части ГК РФ заключалась в регулировании контрактных отношений исходя из предмета договора — поставки, выполнения подрядных работ, что на момент принятия и введения в действие части второй Кодекса отвечало состоянию гражданского законодательства. Вместе с тем за последние 20 лет законодательство о закупках развивалось в диаметрально противоположном ГК РФ направлении, суть которого в объединении отдельных обязательств в понятии контракта-сделки на уровне одного специального федерального закона.*

В заключении сформулированы выводы и рекомендации, направленные на совершенствование гражданского законодательства.

Ключевые слова: *обязательственное право, договорное право, договор поставки, договор оказания услуг, договор подряда, закупки, контрактная система, торги*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.040-048

© Тасалов Ф. А., 2026

Philipp A. TASALOV,
Professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law)
fatasalov@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Civil Code and Stability: in Search of Optimal Legal Framework in Public Procurement Field

Abstract. *The author focuses on current but basic issues in obligation law with an emphasis on supply, construction and service contracts. The paper examines temporal changes in the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on certain types of contractual obligations and provisions of public procurement legislation. The article analyses questions related to public-contract conclusion and modification framework, using civil law as a reference point. This chapter argues that there is temporal collision between Civil Code and current procurement legal framework. The concept of Civil Code is regulation of contract law based on its subject. It was relevant to civil law regulation in the 1990s. Actually, in fact, public procurement legislation takes first place, because of complex regulation of various contractual obligations within the framework of one federal law. Over the past 20 years, public procurement legislation has developed in a direction diametrically opposed to the Civil Code of the Russian Federation, the essence of which is the unification of individual obligations under the concept of a contract-transaction at the level of a single special federal law. Paper takes up measures to ensure the current issues.*
Keywords: *obligation law, contract law, supply contract, service contract, construction contract, procurement, federal acquisition, bidding*

Введение

С момента принятия части второй Гражданского кодекса РФ в 1996 г. прошло 30 лет. Условия разработки Кодекса, когда в сжатые сроки от отечественного законодателя потребовалось перестроить советскую административно-командную систему управления экономикой для перехода на рыночный путь развития, наложили свой отпечаток на его текст и практику применения ГК РФ.

Сердце обязательственного права — договорное право — с тех пор в его нормативном описании не претерпевало глобальных законодательных трансформаций, за исключением регулирования финансовых сделок и сферы страхования.

Между тем динамичный характер развития рыночных отношений делает необходимым анализ принятых законодателем договорных конструкций на предмет их актуальности и соответствия текущим экономическим реалиям.

Предпринятая Высшим Арбитражным Судом РФ в 2014 г. попытка перекодирования массива договорного права посредством судебного толкования правовой природы договорных норм через призму приоритета их диспозитивности провалилась[1]. И причина этому вовсе не в позитивизме юридического сообщества и судей, а в том, что судебное толкование не может подменять или, лучше сказать, заменять гражданское законодательство.

Договоры поставки, выполнения работ и оказания услуг для государственных и муниципальных нужд: памятники эпохи становления рыночной экономики

По задумке разработчиков ГК РФ нормы, регулирующие договорные отношения в сфере государственного заказа, следовало конструировать, отталкиваясь от предмета договора: контракт на поставку, выполнение подрядных работ, оказание услуг.

Такой подход был оправданным в реалиях второй половины 1990-х гг., когда специальное законодательство о закупках, как, впрочем, и любое специальное законодательство по отношению к ГК РФ, находилось еще в стадии формирования.

Но уже здесь обнаруживается непоследовательность в реализации законодателем такой концепции.

Если контрактные отношения подлежали регулированию на уровне второй части ГК РФ исходя из предмета договора, то из поля зрения законодателя выпала сфера заключения и исполнения обязательств сторонами контрактов на возмездное оказание услуг. Возможное объяснение о том, что к нормам ГК РФ о договоре оказания услуг применяются положения о договоре подряда (ст. 783 ГК РФ), в этом случае представляются неуместными, поскольку, кроме отсылки к закону о подрядных торгах для государственных и муниципальных нужд (ст. 768 ГК РФ), который так и не был принят, ГК РФ не содержит системного нормативного регулирования рассматриваемых отношений.

Второй концептуальный недостаток ГК РФ заключается в отсутствии у законодателя научного обоснования того, какие именно общественные отношения в сфере закупок подлежат регулированию Гражданским кодексом РФ.

В сфере поставки мы видим попытки, правда, неудачные, охватить стадии заключения и исполнения контрактов; в отношении контрактов на подрядные работы — идентичный подход; применительно к контрактам на оказание возмездных услуг какое-либо регулирование отсутствует.

---

[1] См.: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 5.

Контракт и договор поставки для государственных и муниципальных нужд

С 2006 г.[2] из положений Кодекса о договоре поставки для государственных нужд законодателем была исключена отсылка к нормам о договоре поставки (ст. 523 ГК РФ), предусматривающим возможность для обеих сторон отказаться от исполнения договора (п. 2 ст. 525 ГК РФ).

Объяснялось такое решение тем, что в сфере контрактных отношений не допускался односторонний отказ от исполнения контракта без решения суда, что было предусмотрено Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»[3] (ч. 8 ст. 9) (далее — Закон № 94-ФЗ).

С 1 января 2014 г. вступил в силу Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[4] (далее — Закон № 44-ФЗ), в силу которого односторонний отказ стороны от исполнения контракта, наоборот, стал допустимым (ч. 9 ст. 95).

Вместе с тем анализируемые нормы ст. 525 ГК РФ в рассматриваемой части не были изменены законодателем, несмотря на то, что с 2006 г. специальная по отношению к ГК РФ сфера регулирования закупок не только претерпела законодательные изменения, но и имеет уже другой Закон о контрактной системе, а не Закон о размещении заказов.

Норма ГК РФ о применении к отношениям в сфере поставки товаров специального законодательства только в случаях, когда ГК РФ не содержит необходимого регулирования (абз. 2 п. 2 ст. 525 ГК РФ), противоречит как логике развития специального законодательства, которое постоянно совершенствуется законодателем, в отличие от положений ГК РФ, так и всей практике применения Закона № 44-ФЗ, который уже давно заместил нормы ГК РФ о поставке для публичных нужд.

При разработке части второй ГК РФ законодатель исходил из необходимости формулирования всех легальных определений договорных конструкций через понятие «договор-правоотношение». Такой же подход мы находим и в отношении контракта на поставку (ст. 526 ГК РФ).

Напротив, при разработке Закона о контрактной системе законодатель отдал предпочтение определению контракта через понятие «сделки-действия», а не правоотношения (п. 8.1 ч. 1 ст. 3 Закона № 44-ФЗ). Это объяснимо, поскольку предмет регулирования Закона № 44-ФЗ охватывает широкий круг договорных отношений (поставка, купля-продажа, подрядные работы, оказание услуг,

[2] Федеральный закон от 2 февраля 2006 г. № 19-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд”» // СЗ РФ. 2006. № 6. Ст. 636.

[3] СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. I). Ст. 3105.

[4] СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

отчуждение исключительных прав и т.д.), вследствие чего не требовалось дать определение таких разных договорных конструкций-контрактов через права и обязанности сторон.

В чем тогда смысл определения контракта на поставку через правоотношение в ст. 526 ГК РФ? Что произойдет, если исключить это положение из положений Кодекса? Представляется, что ст. 526 ГК РФ уже не учитывает, что весь комплекс договорных отношений в сфере контрактов регулируется Законом о контрактной системе и конструкция поставки-правоотношения уже не играет роли, какую выполняла в середине 1990-х гг., когда законодательство в сфере закупок только начинало свое развитие.

В статье 527 ГК РФ сохранена устаревшая терминология: «заказ», «законодательство о размещении заказов», которая была инкорпорирована законодателем в текст Кодекса в 2006 г. в связи с вступлением в силу Закона № 94-ФЗ. Однако с 1 января 2014 г. приведенная терминология перестала быть актуальной, поскольку новый Закон № 44-ФЗ вступил в силу.

Утратило актуальность положение ГК РФ об обязанности заказчика заключить контракт (абз. 2 п. 1 ст. 527 ГК РФ), поскольку отношения по заключению сторонами контрактов полностью регулируются положениями Закона о контрактной системе, а не нормами ГК РФ (ст. 51 Закона № 44-ФЗ).

Положение Кодекса об обязанности для поставщика заключить контракт, если это допускается специальным законодательством (п. 2 ст. 527 Кодекса) в текущем законодательном регулировании представлены прежде всего положениями Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (ч. 6, 6.1 ст. 6)[5] (далее — Закон № 275-ФЗ).

Однако обязанность заказчика возместить убытки поставщику (!) в связи с его обязанностью заключить такой контракт, на которую содержится указание в п. 2 ст. 527 ГК РФ, остается декларацией, поскольку положениями Закона № 275-ФЗ такие убытки не предусмотрены, а значит, возмещению со стороны заказчика головному исполнителю государственного оборонного заказа не подлежат.

В этой связи название ст. 528 ГК РФ и ее содержание вызывают справедливый вопрос об избыточности такого регулирования на фоне положений ст. 51 Закона № 44-ФЗ.

Интересно, что законодатель предусмотрел порядок заключения контрактов в отношении поставки и подрядных работ для государственных и муниципальных нужд, обойдя вниманием этот вопрос применительно к контрактам на возмездное оказание услуг.

Очевидно, что процедура заключения контракта на поставку, предусмотренная в ст. 528 ГК РФ, не соответствует специальным правилам заключения любых контрактов, в том числе контракта на поставку товаров, предусмотренного в ст. 51 Закона № 44-ФЗ.

У стороны нет 30 дней для ответа заказчику на полученный от него проект контракта, как это следует из п. 2 ст. 528 ГК РФ; не применятся при заключении контракта сторонами 30-дневный срок для ответа на поступивший протокол разногласий к проекту контракта (п. 3 ст. 528 ГК РФ). Более того, заказчик и участник

[5] СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7600.

закупки не могут использовать протокол разногласий при заключении контракта по итогам запроса котировок в электронной форме. Норма Кодекса о 20-дневном сроке для подписания сторонами контракта (п. 4 ст. 528 ГК РФ) полностью замещена сроками заключения контракта, установленными законодателем в ст. 51 Закона № 44-ФЗ.

Может показаться, что положения ГК РФ о разграничении порядка заключения и исполнения контракта на поставку и договора поставки в рамках сложных моделей договорных связей сторон с участием покупателей (ст. 529 ГК РФ) и получателей по отгрузочной разнарядке (ст. 530 ГК РФ) восполняют молчание об этом Закона № 44-ФЗ. Однако указанные положения могут быть включены заказчиком в проект контракта или могут быть предусмотрены Правительством РФ в типовых обязательных условиях контрактов (ч. 11 ст. 34 Закона № 44-ФЗ).

Договор подрядных работ для государственных и муниципальных нужд

Недостатки, сходные с высказанными замечаниями в отношении контракта и договора на поставку, можно отметить в отношении регулирования подрядных работ для сферы публичных закупок.

Так, упоминание законодателем основания для выполнения подрядных, проектных и изыскательских работ в виде контракта (п. 1 ст. 763 ГК РФ) является избыточным ввиду определения контракта, приводимого законодателем в п. 8.1 ч. 1 ст. 3 Закона о контрактной системе.

Определение законодателем контракта на выполнение подрядных работ (п. 2 ст. 763 ГК РФ) через правоотношение его сторон не несет какой-либо смысловой нагрузки и может быть исключено из текста Кодекса.

Содержание ст. 764 ГК РФ не только устарело в связи с действием Закона о контрактной системе в отношении используемой терминологии, но и входит в противоречие со специальным законодательством.

Так, круг лиц, относящихся к заказчику, определен законодателем в п. 7 ч. 1 ст. 3 Закона № 44-ФЗ. Их перечисление в устаревшей редакции на уровне ГК РФ является нецелесообразным.

Допускаемая ГК РФ возможность выполнения контракта на подрядные работы физическим лицом (!) (п. 1 ст. 764 ГК РФ) не соответствует положениям Градостроительного кодекса РФ, в силу которых такие работы могут выполнять только юридические лица и индивидуальные предприниматели, которые в большинстве случаев должны быть членами соответствующей саморегулируемой организации в сфере строительства (ч. 2.1 ст. 52 ГрК РФ).

Законодатель, использовав в регулировании отношений по подрядным работам отсылочные нормы (ст. 765 ГК РФ) об основаниях и порядке заключения контрактов на поставку (ст. 527, 528 ГК РФ), тем самым распространил на такие отношения все отмеченные ранее недостатки в регулировании применительно к контрактам и договорам на поставку для государственных и муниципальных нужд.

В отличие от контракта на поставку, в отношении контракта на выполнение подрядных работ ГК РФ содержит перечисление обязательных, существенных

условий для такого договора (п. 1 ст. 766 ГК РФ). К ним законодатель относит условие об объеме и стоимости работ, положение о способе обеспечения обязательств, начальных и конечных сроках выполнения, размере и порядке финансирования.

Все приведенные существенные условия контракта на выполнение подрядных работ содержатся, с одной стороны, в ч. 13, 13.1 ст. 34 Закона № 44-ФЗ, с другой стороны, в обязательных типовых условиях контрактов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 29 июня 2023 г. № 1066[6].

Дублирование положений об обязательных условиях контрактов на выполнение подрядных работ на уровне двух федеральных законов — ГК РФ и Закона № 44-ФЗ — является необоснованным и избыточным.

Более того, мы имеем дело с уникальной ситуацией: в отношении идентичных существенных условий законодатель одновременно использует разную юридическую технику: в п. 1 ст. 766 ГК РФ — указание на обязательность включения заказчиком таких условий в контракт на выполнение подрядных работ, в законодательстве о контрактной системе — обязательность включения с необходимой детализацией в форме императивных норм на уровне федерального закона и постановления Правительства РФ от 29 июня 2023 г. № 1066.

Отмеченное замечание обусловлено тем, что последние изменения в анализируемые положения Кодекса были внесены законодателем совершенно для других целей и принимались для синхронизации норм ГК РФ с положениями Закона № 94-ФЗ, который утратил силу с 1 января 2014 г.

Набор обязательных существенных условий контрактов в Законе № 94-ФЗ был совсем небольшим в сравнении с его преемником — Законом № 44-ФЗ. Более того, ранее действовавшему законодательству о размещении заказов была не известна конструкция обязательных типовых условий контрактов, которая впервые закреплена законодателем только на уровне Закона № 44-ФЗ.

Понимая, что вопросы финансирования строительных контрактов носят важный характер для экономики, законодатель предпринял попытку урегулировать порядок изменения условий таких контрактов. Единственным правилом в ст. 767 ГК РФ оказались положение об обязанности сторон контракта согласовать новые условия его исполнения, и прежде всего новый срок исполнения обязательств, при уменьшении финансирования заказчику, и право подрядчика требовать возмещения убытков от заказчика в таких случаях.

Вместе с тем в Законе № 44-ФЗ (п. 7 ч. 1 ст. 95) и Бюджетном кодексе РФ (п. 6 ст. 161) изменение сторонами условий контракта в связи с сокращением финансирования допускается законодателем только для заказчиков — казенных учреждений. Подрядчики по таким контрактам могут требовать возмещения от заказчика не убытков, а только реального ущерба.

Завершает анализируемый раздел ГК РФ ст. 768, в которой содержится отсылка к закону о подрядных торгах, который не был принят. Если в 1990-е гг. законодательство о закупках в России развивалось по пути регулирования контрактных отношений в зависимости от предмета договора, то с принятием российским

[6] СЗ РФ. 2023. № 27. Ст. 5036.

законодателем Закона № 94-ФЗ в 2005 г. был сделан шаг в сторону полной унификации контрактных отношений на уровне федерального закона.

В этой связи содержание ст. 768 ГК РФ отражает концепцию регулирования контрактных отношений, которая не актуальна в России на протяжении последних 20 лет.

Контракт на оказание возмездных услуг

Такой договор остается неизвестным ГК РФ, но предусмотрен Законом № 44-ФЗ и используется участниками гражданского оборота.

В условиях пробела в регулировании отношений сторон по контракту на оказание возмездных услуг стороны прибегают к нормам о таком договоре, применяемым участниками предпринимательской деятельности в соответствии с положениями гл. 39 ГК РФ.

В отличие от конструкций контракта на поставку и выполнение подрядных работ, представленное в ГК РФ регулирование в отношении договора возмездного оказания услуг приводит к парадоксальным сочетаниям с Законом № 44-ФЗ.

То, что заказчик может отказаться от исполнения контракта в одностороннем порядке по основаниям, предусмотренным ГК РФ (ч. 9 ст. 95 Закона № 44-ФЗ), — известный факт. О том, что такие основания в ГК РФ представлены как безмотивные, не связанные с фактами неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, так и в связи с нарушениями стороной договора принятых обязательств, законодатель оказался не осведомленным и не учел в регулировании контрактных отношений.

В итоге к контракту на оказание любых возмездных услуг заказчиком может быть применена норма п. 1 ст. 782 ГК РФ о праве на отказ от исполнения договора в любое время с компенсацией исполнителю понесенных расходов.

Порок этой нормы видится не только в том, что она приводит к дисбалансу в правовом положении сторон договора возмездного оказания услуг. Отметим, что борьба за признание диспозитивного характера анализируемой нормы Кодекса, отраженная в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах», оказалась бесполезной в контрактных отношениях, в которых только заказчик определяет будущие условия исполнения сторонами контрактных обязательств, а участник закупки лишен возможности ведения с заказчиком каких-либо переговоров (ст. 46 Закона № 44-ФЗ).

Ключевым недостатком п. 1 ст. 782 ГК РФ, который остается без изменений с момента принятия части второй ГК РФ, является допускаемое законодателем участие на стороне заказчика любых субъектов гражданских правоотношений — от заказчиков — физических лиц, которым, например, исполнитель оказывает туристские услуги, до федеральных органов исполнительной власти, например министерств, выступающих заказчиками в соответствии с положениями Закона № 44-ФЗ.

Отсутствие в ГК РФ дифференции правового положения заказчика по договору возмездного оказания услуг приводит к наделению правом на безмотивный отказ от исполнения договора заказчика, выступающего стороной контракта на возмездное оказание услуг.

Таким образом, на одной чаше весов оказываются финансовые затраты, понесенные исполнителем для заключения такого контракта (внесение обеспечения заявки, обеспечение исполнения контракта, плата в связи с заключением контракта оператору электронной площадки, уплата процентов по кредитному договору, если финансовое обеспечение было предоставлено за счет заемных источников), и право заказчика расторгнуть договор в одностороннем порядке с исполнителем, который не допустил нарушений условий контракта.

Видимость баланса сторон договора возмездного оказания услуг, заключающаяся в обязанности заказчика компенсировать исполнителю фактически понесенные расходы, предусмотренная в п. 1 ст. 782 ГК РФ, не должна вводить в заблуждение. Нормами Закона № 44-ФЗ и положениями Бюджетного кодекса РФ не предусмотрен механизм компенсации заказчиком исполнителю понесенных расходов по контракту на возмездное оказание услуг в связи с отказом заказчика от его исполнения. Иными словами, получить такие средства исполнитель может только по решению арбитражного суда.

Заключение

Мы являемся свидетелями рассинхронизации между положениями ГК РФ о контрактах и нормами Закона о контрактной системе.

Динамика развития специального законодательства в сфере закупок приводит к вытеснению, замещению таким законодательством положений ГК РФ.

Провозглашенный в непростых экономических и политических реалиях середины 1990-х гг. приоритет положений ГК РФ в отношении норм других федеральных законов, содержащих гражданско-правовые нормы, оправданный и понятный, размывается практикой развития отраслевого законодательства, когда ключевые для отраслей экономики вопросы разрешаются не на уровне Гражданского кодекса РФ, а в отраслевых законах.

Фактор времени, когда с даты последних изменений ГК РФ в части регулирования контрактных отношений прошло 20 лет, делает необходимым исключение из второй части ГК РФ всех положений о контрактах, договорах на поставку и выполнение подрядных работ для государственных и муниципальных нужд.

За это время появился отдельный свод законодательства о контрактной системе, который полностью заместил собой нормативное регулирование, предусмотренное Кодексом для сферы государственных и муниципальных закупок.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Тасалов Ф. А.* Закупки в России и Европейском союзе: методология и практика конкурентной борьбы : монография. — М. : Инфотропик Медиа, 2022. — 684 с.
2. *Тасалов Ф. А.* Цифровизация государственных и муниципальных закупок : учебник. — М. : Инфотропик Медиа, 2024. — 260 с.

Обязательства по передаче имущества в собственность и репродуктивный биоматериал человека: концептуальная несовместимость

Дина Александровна БЕЛОВА,
доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
dabelova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *Исследованию подлежит вопрос допустимости включения в предмет договоров, направленных на переход права собственности, репродуктивных биоматериалов человека, временно отделенных от его организма при применении вспомогательных репродуктивных технологий. Обосновывается позиция, согласно которой в отношении половых клеток, тканей репродуктивных органов, а также эмбрионов, полученных при оказании медицинских услуг с применением ВРТ, недопустимо ни сингулярное, ни универсальное правопреемство. Установлено, что отделение репродуктивного биоматериала от организма человека (оригинатора) сопровождает лечение бесплодия пары или одинокой женщины и не преследует цели создания объекта права. Объектом интереса оригинатора является не репродуктивный биоматериал, временно отделяемый от его организма, а услуга медицинской организации, состоящая в выполнении комплекса медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение бесплодия. Лица, от которых репродуктивный биоматериал происходит, осуществляют контроль не над биоматериалом, а над своим здоровьем, следствием которого является определенная судьба половых клеток и эмбрионов in vitro. Обосновано, что у репродуктивного биоматериала отсутствуют свойства товарности, он неразрывно связан с личностью пациентов (реципиентов), проходящих лечение.*

Ключевые слова: *репродуктивный биоматериал, правопреемство, лечение, вспомогательные репродуктивные технологии, эмбрион in vitro, медицинская услуга, купля-продажа, здоровье*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.049-057

© Белова Д. А., 2026

Dina A. BELOVA,
Associate professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
dabelova@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Obligations to Transfer Property to Ownership and Human Reproductive Biomaterial: Conceptual Incompatibility

Abstract. *The issue of the admissibility of including human reproductive biomaterials temporarily separated from his body during the use of assisted reproductive technologies in the subject of contracts aimed at the transfer of ownership is subject to research. The article substantiates the position according to which neither singular nor universal succession is allowed in relation to germ cells, tissues of reproductive organs, as well as embryos obtained during the provision of medical services using ART. It has been established that the separation of the reproductive biomaterial from the human body (the originator) accompanies the infertility treatment of a couple or a single woman and does not pursue the goal of creating an object of law. The originator's object of interest is not a reproductive biomaterial that is temporarily separated from his body, but a medical organization's service that consists of performing a set of medical interventions aimed at preventing, diagnosing, and treating infertility. The persons from whom the reproductive biomaterial originates exercise control not over the biomaterial, but over their health, which results in a certain fate of germ cells and embryos in vitro. It is proved that the reproductive biomaterial lacks marketability properties, it is inextricably linked with the personality of the patients (recipients) undergoing treatment.*

Keywords: *reproductive biomaterial, succession, treatment, assisted reproductive technologies, in vitro embryo, medical service, purchase and sale, health*

В последние годы широкое распространение получает применение вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). Россия, как и иные страны мира, сталкивается с проблемой бесплодия. По данным, представленным на сайте Национального медицинского исследовательского центра акушерства, гинекологии и перинатологии имени академика В. И. Кулакова, в России доля бесплодных браков достигает 17,5 % и не имеет тенденции к снижению[1]. В данных обстоятельствах актуализируется применение методов искусственной репродукции человека (методов ВРТ).

[1] Женское бесплодие // URL: https://ncagp.ru/index.php?_t8=323 (дата обращения: 18.11.2025).

Вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (п. 1 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[2] (далее — Закон № 323-ФЗ), п. 2 приказа Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению»[3] (далее — приказ Минздрава № 803н)).

Таким образом, методы ВРТ характеризуются тем, что от организма пациента отделяются половые клетки или ткани репродуктивных органов (далее — репродуктивный биоматериал), культивируются эмбрионы, которые *временно* находятся вне организма женщины. Если половые клетки или эмбрионы планируется применять не сразу, а через определенный период времени, они подлежат криоконсервации и хранению, чтобы обеспечить их жизнеспособность, т.е. способность к выполнению функций, характерных для клетки или ткани. В связи с этим актуализируется вопрос правовой природы такого репродуктивного биоматериала, поскольку от ответа на него зависит круг сделок, которые могут быть совершены гражданами в сфере искусственной репродукции.

В доктрине и правоприменительной практике не сложилось единого мнения по поводу допустимости совершения гражданами сделок, направленных на переход прав в отношении репродуктивного биоматериала, который от них происходит, в частности купли-продажи или дарения. Высказывается мнение, что подобные сделки допустимы, и лица, от которых биоматериал происходит (оригинаторы), могут распоряжаться им путем заключения указанных договоров. Так, В. В. Алейникова допускает передачу биоматериалов в собственность третьих лиц как на основании возмездных договоров в случаях коммерческого донорства, так и по договорам о безвозмездной передаче биоматериалов в случаях некоммерческого донорства[4]. К. Г. Киктенко и А. А. Кириллина относят половые клетки к продаваемым биологическим материалам и полагают, что при применении репродуктивных технологий происходит их купля-продажа[5].

Правоприменительные органы в ряде случаев приходят к выводу о законности соглашений о передаче эмбрионов in vitro в единоличное пользование и распоряжение в ситуациях их заключения супругами, не давая оценку правовой природы таких соглашений. В Обзоре правовых позиций Федеральной нотариальной

---

[2] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

[3] Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (зарегистрирован в Минюсте России 19.10.2020 № 60457) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 19.10.2020.

[4] *Алейникова В. В.* Актуальные вопросы правоприменительной практики в сфере вспомогательных репродуктивных технологий // Закон. 2022. № 6. С. 126—138.

[5] *Киктенко К. Г., Кирилина А. А.* Цивилистические основания донорства // Закон. 2023. № 8. С. 179—207.

палаты по отдельным вопросам, возникшим в нотариальной практике в 2023 г., содержится указание на то, что нотариус вправе удостоверить соглашение о передаче одному из супругов общих эмбрионов в единоличное пользование и распоряжение[6]. Кроме того, вывод о допустимости подобных соглашений между супругами (бывшими супругами) был положен в основу судебного решения, которым разрешен спор между бывшими супругами относительно судьбы их общих эмбрионов[7].

В связи с вышеизложенным как теоретическое, так и практическое значение имеет вопрос законности заключения гражданами *договоров, направленных на переход права собственности*, в отношении репродуктивного биоматериала, в том числе *соглашений, по которым одной из сторон предоставляется возможность единоличного пользования и распоряжения таковым при применении вспомогательных репродуктивных технологий*.

На наш взгляд, в отношении половых клеток, тканей репродуктивных органов, а также эмбрионов, полученных при оказании медицинских услуг с применением ВРТ, недопустимо ни сингулярное, ни универсальное правопреемство[8]. Следует поддержать практику правоприменительных органов, в которой отражается соответствующий подход[9].

Во-первых, половые клетки, ткани репродуктивных органов и эмбрионы отделяются от организма человека и определенное время существуют физически обособленно от него, сохраняя при этом свое функциональное назначение, только в процессе применения ВРТ. Вспомогательные репродуктивные технологии являются методами лечения бесплодия. Тем самым отделение репродуктивного биоматериала от организма человека сопровождает лечение бесплодия пары или одинокой женщины и не преследует цели создания объекта, способного быть в обладании человека и устойчиво существующего независимо от субъекта, т.е. вещи.

В обладание лиц, проходящих лечение, репродуктивный биоматериал не поступает, поскольку требует специальных условий для сохранения своего функционального назначения, которые может обеспечить медицинская организация при оказании ею медицинских услуг. Более того, у лиц, страдающих бесплодием

---

[6] *Буштец Н. В.* Обзор правовых позиций Федеральной нотариальной палаты по отдельным вопросам, возникшим в нотариальной практике в 2023 году // СПС «КонсультантПлюс».

[7] Решение Савеловского районного суда города Москвы от 24.04.2024 по делу № 2-114/2024 (УИД 77RS0023-02-2022-020740-62). Апелляционным определением Московского городского суда от 30.06.2025 № 33-21427/2025 данное решение оставлено без изменения.

[8] Более конкретно о категории правопреемства и его видах см.: *Носов Д. В.* Феномен правопреемства в российской правовой системе // Журнал российского права. 2011. № 5 (173). С. 91—97 ; *Его же*. Принудительное правопреемство в гражданском праве России // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 9А. С. 278—284 ; *Его же*. Об обратном правопреемстве в российском гражданском праве // Юридическая наука. 2022. № 9. С. 9—13.

[9] Решение Октябрьского районного суда города Омска от 18.12.2019 № 2-3490/2019 ; Апелляционное определение Верховного суда Республики Хакасия от 11.06.2024 по делу № 33-1363/2024 (УИД 19RS0001-02-2023-010059-11).

и проходящих лечение посредством применения ВРТ, *интерес в обладании репродуктивным биоматериалом как таковым отсутствует. Объектом их интереса является услуга, оказываемая медицинской организацией* и состоящая в выполнении последней медицинского вмешательства (комплекса медицинских вмешательств), направленного на профилактику, диагностику и лечение бесплодия.

Интерес лиц, от организма которых обособляется репродуктивный биоматериал, состоит в восстановлении репродуктивного здоровья и последующем рождении ребенка. Обладание половыми клетками, тканями репродуктивных органов и эмбрионами как таковыми не способно удовлетворить их потребность без медицинского вмешательства, и именно последнее и является средством удовлетворения их потребности, объектом, на который направлен их интерес. В связи с этим правовой моделью отношений, складывающихся между пациентами (пациенткой), страдающими бесплодием, и медицинской организацией, является договор возмездного оказания медицинских услуг с применением ВРТ. Дополнительные соглашения, предметом которых являлись бы половые клетки, ткани репродуктивных органов или эмбрионы in vitro, не заключаются, если после оказания медицинской услуги не остается репродуктивный биоматериал, лечение посредством которого планируется проводить определенное время спустя.

В большинстве случаев применения ВРТ остаются половые клетки или эмбрионы in vitro, которые пациенты не желают утилизировать, поскольку намерены продолжить лечение в будущем. В частности, если из половых клеток пациентов были культивированы шесть эмбрионов, то после завершения лечения в рамках программы экстракорпорального оплодотворения (далее — ЭКО) остается минимум четыре эмбриона, поскольку допускается перенос в полость матки не более двух эмбрионов, а пациенткам с патологиями и отягощенным анамнезом — не более одного.

Согласно п. 18 приказа Минздрава № 803н решение о дальнейшей тактике (донорство, криоконсервация, утилизация) в отношении неиспользованных при оказании медицинской помощи половых клеток и эмбрионов принимают лица, которым они принадлежат путем заключения гражданско-правовых договоров. Следует признать, что формулировка положения п. 18 представляется не вполне удачной и может привести к выводу, что у пациентов в отношении репродуктивного биоматериала возникает абсолютное право, опосредующее его присвоение, и в рамках его осуществления они вправе заключать договоры, предусмотренные гражданским законодательством, как между собой, так и с третьими лицами. Отдельные авторы со ссылкой на данное нормативное положение приходят к обозначенному выводу.

В то же время следует обратить внимание на то, что данное положение закреплено в нормативном правовом акте Минздрава России, направленном на определение порядка использования ВРТ, противопоказаний и ограничений к их применению, который не имел целью, да и не мог определить правовую природу и гражданско-правовой режим половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов in vitro.

Более того, четкое следование положениям приказа Минздрава № 803н приводит к выводу, что *лица, от которых репродуктивный биоматериал происходит,*

осуществляют контроль не над биоматериалом, а над своим здоровьем, а следствием контроля над здоровьем является определенная судьба половых клеток и эмбрионов in vitro. Так, пациенты могут выразить волю на прекращение лечения, следствием чего будет утилизация половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов in vitro. Они могут, осуществляя контроль над своим здоровьем, отложить лечение на определенный срок, следствием чего будет криоконсервация репродуктивного биоматериала. Кроме того, они могут выразить волю на прекращение лечения в отношении себя и использование биоматериала при лечении бесплодия иными пациентами, следствием чего будет донорство половых клеток или эмбрионов in vitro. Таким образом, действия медицинской организации в отношении репродуктивного биоматериала полностью обусловлены решением пациента *касательно его лечения*.

В свою очередь, говорить о том, что лица, от которых биоматериал происходит, осуществляют контроль над ним и своей волей определяют его судьбу путем совершения гражданско-правовых сделок, представляется неверным. Репродуктивный биоматериал не является объектом гражданского оборота, объектом присвоения в целях введения его в оборот. Он применяется только для поддержания репродуктивного здоровья лиц, от которых он происходит, либо пациентов, которые половые клетки не продуцируют (донорский биоматериал). *Автономией воли пациенты обладают в отношении репродуктивного здоровья, а не репродуктивного биоматериала. Интерес пациентов также направлен на восстановление репродуктивного здоровья, а не на присвоение биоматериала в целях его использования и распоряжения им*.

Во-вторых, половые клетки (ткани репродуктивных органов), эмбрионы неразрывно связаны с личностью пациента (пациентов), проходящего лечение.

За исключением ситуаций репродуктивного донорства, рассматриваемых ниже, лечение бесплодия осуществляется путем выполнения медицинских обследований и медицинских манипуляций в отношении *половых клеток (тканей репродуктивных органов) и эмбрионов, полученных из организма пациента (пациентов)*. Не стоит забывать, что данное обстоятельство обеспечивает *наличие генетической связи между пациентами и детьми, рожденными в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий*.

Действующим законодательством предусмотрены лишь два случая переноса эмбрионов в отсутствие генетической связи с женщиной:

1) при реализации программы суррогатного материнства — при этом эмбрион должен иметь подтвержденную в установленном порядке генетическую связь с обоими потенциальными родителями, которые и являются пациентами, проходящими лечение бесплодия (постановление Правительства РФ от 31.05.2023 № 882[10]);

[10] Постановление Правительства РФ от 31.05.2023 № 882 «Об установлении потенциальных родителей в качестве генетической матери и генетического отца, а равно одинокой женщины в качестве генетической матери» (вместе с Правилами установления потенциальных родителей в качестве генетической матери и генетического отца, а равно одинокой женщины в качестве генетической матери) // СЗ РФ. 2023. № 23 (ч. I). Ст. 4192.

2) при реализации программы репродуктивного донорства ооцитов, спермы и эмбрионов согласно положениям раздела IV Порядка использования ВРТ, противопоказаний и ограничений к их применению (приказ Минздрава № 803н).

При этом репродуктивное донорство осуществляется только по медицинским показаниям, установленным в нормативном порядке (п. 45 приказа Минздрава № 803н). Женщина, осуществляющая право на применение ВРТ, не может выразить волю на культивирование эмбриона из ооцита, приобретенного ею у иного лица, если продуцирует собственные половые клетки, способные к оплодотворению. К числу показаний для применения донорства ооцитов в нормативном порядке отнесены отсутствие ооцитов и неудачные повторные попытки переноса эмбрионов.

Следует обратить особое внимание на то, что донорский ооцит — это не любой ооцит, не происходящий от пациента (реципиента), а ооцит, забор которого осуществлен у лица, обладающего статусом донора, в порядке, регламентированном приказом Минздрава № 803н. Для пациента (реципиента) крайне значимы личностные характеристики донора ввиду генетической связи с будущим ребенком.

Репродуктивное донорство бывает анонимным и неанонимным. В последнем случае в качестве донора ооцитов может выступить сестра, дочь или мать пациентки при соблюдении указанных требований к донору ооцитов. В этом случае может быть констатирована неразрывная связь донорского ооцита с личностью пациента (реципиента), поскольку пациентка заинтересована в применении для лечения ооцита, происходящего от конкретного лица. При анонимном донорстве личностные характеристики донора не утрачивают значимости для пациента, поэтому, осуществив его выбор, пациент опять же заинтересован в использовании биоматериала конкретного донора, пусть и идентифицируемого не персональными данными, а кодом. В частности, этот интерес может быть обусловлен тем, что пациенты хотят, чтобы все дети, рожденные путем применения ВРТ, одновременно или с временны́ми промежутками, находились между собой в полной генетической связи.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что *у репродуктивного биоматериала полностью отсутствуют свойства товарности, он неразрывно связан с личностью пациентов (реципиентов), в связи с чем правопреемство в отношении него, как сингулярное, так и универсальное, недопустимо*.

Репродуктивный биоматериал не просто неразрывно связан с личностью, он составляет неотъемлемую часть самой личности пациента, пусть и временно от нее отделенную физически. Лечение пациента, в том числе выступающего в статусе реципиента, осуществляется путем выполнения медицинских обследований и медицинских манипуляций как в отношении тела пациента, так и в отношении самого биоматериала как единого целого, приводящего к одному результату — наступлению беременности. Напротив, гибель биоматериала, в частности гибель эмбриона, как в момент культивации, так и в моменты криоконсервации, разморозки, переноса, после такового, также приводят к одному неблагоприятному последствию — ненаступлению беременности. Это свидетельствует о том, что

репродуктивное здоровье пациентов восстановить не удалось, по крайней мере, в рамках соответствующей программы ВРТ.

В-третьих, передача репродуктивного биоматериала лицом, от которого он происходит, другому лицу на основании договора, направленного на переход прав на него, не приведет к возникновению на стороне «приобретателя» права на биоматериал, в том числе права на его применение при лечении бесплодия.

Агентство городских новостей «Москва» сообщило, что «женщины в России начали дарить друг другу яйцеклетки»[11]. Предположим, женщина, ооциты которой были криоконсервированы и сохранены на случай «отложенного материнства», решила не проходить лечение, поскольку интереса в рождении ребенка не имеет, а подарить ооциты подруге, у которой они отсутствуют ввиду естественной менопаузы. Подобное соглашение не приведет к возникновению у «одаряемой» прав на ооциты «дарителя». Данный вывод следует из положений приказа Минздрава № 803н.

«Одаряемая» в приведенном примере не приобретет права определять дальнейшую тактику в отношении ооцитов (донорство, криоконсервация, утилизация), поскольку половые клетки от нее не происходят. Лечение бесплодия «одаряемой» посредством применения данных ооцитов не представляется возможным, поскольку ооциты происходят не от нее (отсутствует генетическая связь). Использование их в качестве донорских ооцитов недопустимо, поскольку «даритель» не имела статуса донора, не проходила необходимые для донора обследования, могла не соответствовать возрастным ограничениям, установленным в отношении доноров.

Может мыслиться ситуация, при которой «даритель» пройдет необходимые дообследования, на нее будет оформлена требуемая медицинская документация при условии соблюдения возрастных ограничений для донора, и тогда ооциты могут быть применены для лечения «одаряемой» в программе донорства ооцитов. Однако возможность их применения будет обусловлена не договором дарения ооцитов, а исполнением соглашений, заключаемых между донором и медицинской организацией, а также между пациентом (реципиентом) и медицинской организацией при реализации программы донорства репродуктивного биоматериала в рамках договора оказания медицинских услуг с применением ВРТ.

Таким образом, *передача репродуктивного биоматериала лицом, от которого он происходит (оригинатором), иному лицу приводит к утрате биоматериалом своей полезности, т.е. способности удовлетворять потребности субъекта*. Полезность репродуктивного биоматериала состоит в возможности его использования для восстановления репродуктивного здоровья посредством применения вспомогательных репродуктивных технологий. Репродуктивный биоматериал способен выполнить свое функциональное назначение применительно к оригинатору, а также применительно к реципиенту, находясь в режиме донорского биоматериала.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия лиц, которым

[11] Дарение яйцеклеток не регулируется российским законодательством — юрист // URL: https://www.mskagency.ru/materials/3438539 (дата обращения: 18.11.2025).

установлен соответствующий диагноз, а не способ использования и распоряжения репродуктивным биоматериалом и эмбрионами in vitro, альтернативный естественной репродукции. Медицинская организация лечит пациентов, обратившихся за оказанием медицинской помощи, а не реализует волю лиц, связанную с манипуляциями половыми клетками и эмбрионами.

Интерес пациента состоит в лечении бесплодия путем совершения медицинской организацией вмешательств в его организм, в том числе путем медицинских обследований и медицинских манипуляций в отношении биоматериала, временно от него отделенного для цели их выполнения. В свою очередь, интерес в использовании и распоряжении биоматериалом в отрыве от цели лечения пациента охране не подлежит, в связи с чем передача репродуктивного биоматериала во исполнение обязательств по передаче имущества в собственность представляется недопустимой.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алейникова В. В.* Актуальные вопросы правоприменительной практики в сфере вспомогательных репродуктивных технологий // Закон. — 2022. — № 6. — С. 126—138.
2. *Буштец Н. В.* Обзор правовых позиций Федеральной нотариальной палаты по отдельным вопросам, возникшим в нотариальной практике в 2023 году // СПС «КонсультантПлюс».
3. *Киктенко К. Г., Кирилина А. А.* Цивилистические основания донорства // Закон. — 2023. — № 8. — С. 179—207.

Михаил Валерьевич ШАВАЛЕЕВ,
доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), консультант Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ, кандидат юридических наук
mihail_shavaleev@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Влияние обеспечительной функции права собственности на правила о переработке[1]

Аннотация. *Правоприменительная практика российских судов, сложившаяся за 30 лет применения части второй ГК РФ привела к появлению феномена обеспечительной собственности. В договорах выкупного лизинга и купли-продажи с оговоркой о сохранении права собственности за продавцом, титул собственника выступает для кредитора лишь в качестве обеспечения исполнения должником обязательства по оплате задолженности.*

Учитывая идентичность правового положения залогодателя и кредитора, использующего титульное обеспечение, российский суды при регулировании обеспечительной собственности все чаще прибегают к применению норм залогового права по аналогии.

Обеспечительная собственность, существующая в рамках отдельных договорных конструкций, неизбежно порождает вопрос о ее содержании и допустимости применения для ее регулирования положений раздела II ГК РФ.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать влияние обеспечительной функции права собственности на применение общих правил определения собственника движимых вещей, возникающих в результате переработки.

Ключевые слова: *переработка, титульное обеспечение, обеспечительная функция право собственности, оговорка о сохранении права собственности*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.058-067

[1] Автор выражает благодарность О. М. Козырь за высказанные во время написания настоящей статьи критические замечания и предложения. В то же время за любые ошибки и недочеты работы отвечает исключительно автор.

© Шавалеев М. В., 2026

Mikhail V. SHAVALEEV,
Associate Professor, Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Consultant of the Alekseev Research Center for Private Law
under the President of the Russian Federation,
Cand. Sci. (Law)
mihail_shavaleev@mail.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Impact of the Security Function of Ownership on the Rules of Specification

Abstract. *The practice of Russian courts, developed over 30 years of application of Part II of the Civil Code of the Russian Federation, has led to the emergence of the phenomenon of security ownership. In buyout leases and sale and purchase agreements with a clause reserving title for the seller, the owner's title serves for the creditor only as security for the debtor's performance of the debt payment obligation.*
Considering this, when regulating security ownership, Russian courts are increasingly resorting to the application of pledge law rules by analogy, arguing that the legal status of the pledgor and the creditor using the title security is identical.
Security ownership, existing within certain contractual structures, inevitably raises the question of its content and the admissibility of applying the provisions of Section II of the Civil Code of the Russian Federation to regulate it. This article attempts to analyze the impact of the security function of ownership on the application of general rules for determining the owner of movable property arising from specification.
Keywords: *specification, title security, security function of ownership, reservation of ownership*

Римское право, формулируя правила определения собственника новой вещи, приводило примеры мастеров, высекающих статую из чужого мрамора, судостроителей, использующих чужую древесину для создания лодок, а также виноделов, изготавливающих вино из чужого винограда.

Во всех этих случаях при разрешении конфликта право исходило из стремления лиц не столько получить компенсацию за затраченные усилия или переработанный материал, сколько обладать созданной вещью.

Усложнение экономических отношений способствовало распространению титульного обеспечения, которое позволяет изымать вещь из конкурсной массы несостоятельного должника.

Как правило, титульное обеспечение прекращается исполнением должником обеспечиваемого обязательства, в результате чего право собственности на предмет переходит к должнику.

В то же время вещь может быть переработана до момента ее оплаты должником и перехода права собственности к последнему.

В связи с этим возникает вопрос о том, должен ли обеспечительный характер собственности, который сохраняется за кредитором, использующим конструкции титульного обеспечения, оказывать влияние на правила переработки.

Компаративный анализ показывает, что европейские юрисдикции отреагировали на одни и те же экономические потребности разными правовыми моделями.

I. Германия

В Германии возможность удержания титула закреплена в пар. 449 BGB, согласно которому продавец сохраняет за собой право собственности на движимое имущество до уплаты покупной цены.

Немецкий правопорядок исходит из идеи прекращения титульного обеспечения в момент гибели вещи, право собственности на которую обеспечивало требования кредитора, определяя собственника новой вещи на основании общих правил о переработке (пар. 950 BGB).

При этом допускается возможность заключения участниками оборота так называемой оговорки о переработке (Verarbeitungsklausel), исходя из содержания которой любая переработка, произведенная должником, считается осуществленной для кредитора[2].

В доктрине подчеркивается, что оговорка о переработке признается немецкими судами и эффективно применяется не только против стороны соглашения, но и против третьих лиц[3].

II. Франция

Во Франции, использующей для перехода права собственности по договору купли-продажи систему соглашений, оговорка о сохранении права собственности приостанавливает последствия договора о передаче права до полного погашения обязательства, являющегося встречным предоставлением (ст. 2367 ФГК).

---

[2] См., например: решения Федерального суда Германии от 08.10.1955 — IV ZR 116/55, от 12.01.1972 — VIII ZR 147/70.

Логика подобного правила исходит из того, что титул собственника в данном случае выступает в качестве обеспечения, а должник, переработавший материал, обладает лишь правом ожидания.

См.: *Kieninger E.-M.* Security Rights in Movable Property in European Private Law. Cambridge University Press, 2004. P. 366 ; *Kirchner M.* Der Eigentumserwerb nach § 950 BGB // ZJS 4/2021. P. 468.

[3] Cases, Materials and Text on National, Supranational and International Property Law / S (JHM) van Erp, B Akkermans (eds). Oxford : Hart Publishing, 2012. P. 923 ; Grüneberg BGB Kommentar 2025 (vormals Palandt). 84. Auflage. C. H. Beck, 2025. P. 1705 ; *Prütting H.* Sachenrecht. 38., neu bearbeitete Auflage. C. H. Beck, 2024. P. 209.

Французский правопорядок игнорирует оговорку о сохранении права собственности при определении собственника возникшей в результате переработки вещи[4].

Вместе с тем собственник материалов в соглашении с покупателем может установить, что право собственности на вещи, образовавшиеся в результате переработки, будет возникать у собственника материала. Подобная оговорка противопоставима в отношении не только должника, но и третьих лиц[5].

III. Англия

Допустимость включения в соглашение оговорки о сохранении права собственности в Англии закреплено в ст. 19 Закона о купле-продаже товаров 1979 г., согласно которой стороны могут договориться о том, что передача права собственности будет обусловлена уплатой покупной цены.

Вместе с тем подобная оговорка (simple clause) теряет силу в результате переработки переданного покупателю товара[6].

Если продавец стремится приобрести право собственности в отношении результата переработки, он может сделать это только путем включения продленной оговорки (enlarged clause), предметом которой является право на получение выручки от продажи новой вещи или установление права собственности на новые вещи, возникшие в результате переработки товара[7].

IV. Модельные правила европейского частного права (DCFR)

Модельные правила DCFR исходят из того, что, если товар, переданный должнику является предметом титульного обеспечения, при применении правил

---

[4] См. например: решения Кассационного суда Франции от 24.03.2004 № 01-10.280 ; от 22.03.1994 № 92-11.223.

[5] См. например: решение Кассационного суда Франции от 11.07.2006 № 05-12.103 (противопоставимость оговорки о сохранении права собственности ограничивается в случае несостоятельности). См. также: *Van Vliet L.* A factual assessment of book Book VIII of the Draft Common Frame of Reference (Acquisition and Loss of Ownership of Goods) // Maastricht European Private Law Institute, 2011. Working paper. № 2011/23 ; *S. (JHM) van Erp, B. Akkermans* (eds). Op. cit. P. 1223.

[6] В деле Borden (U.K.) Ltd v. Scottish Timber Products Ltd (1979) в качестве обоснования подобного подхода суд указал на прекращение права собственности в отношении смолы, которая была использована при изготовлении ДСП, указав, что право собственности на новую вещь возникает по правилам о переработке.

[7] См. например: *Lee (Kit) J. W.* The Viability of Retention of Title Clauses // Durham Law Review. Vol. VII. Part 1. February 2022. P. 10 ; *Davies W.* Romalpa thirty years on — still an enigma? // Hertfordshire Law Journal. 2006. Vol. 4. № 2. P. 4.

о переработке должник рассматривается в качестве собственника материалов (ст. VIII.–5:101, IX.–2:308)[8].

В соответствии с указанными правилами должник либо становится собственником вещи, возникшей в результате переработки, либо получает право требовать компенсацию за утраченные материалы.

Интерес кредитора в этом случае обеспечивается залогом, обременяющим, соответственно, либо новую вещь, либо право требования компенсации, которое приобретает должник в отношении спецификанта.

В любом случае кредитор лишается титульного обеспечения в виде права собственности в отношении новой вещи[9]. Подобный подход объясняется стремлением ограничить титульное обеспечение рамками изначальной вещи[10].

Соглашение между кредитором и должником не может устанавливать эффект для третьих лиц и определять, что собственником новой вещи во всех случаях будет являться кредитор, обладающий титульным обеспечением в отношении вещи[11].

V. Россия

Квалификация российскими судами обеспечительной купли-продажи как ничтожной[12] ограничило существование титульного обеспечения в отношении движимых вещей конструкцией договора купли-продажи с оговоркой о сохранении права собственности и договором выкупного лизинга.

В процессе правового регулирования указанных конструкций российские суды все чаще прибегают к применению норм залогового права по аналогии, аргументируя это идентичностью правового положения залогодателя и кредитора, использующего титульное обеспечение.

С учетом подобного подхода неизбежно возникает вопрос о применении общих правил, установленных ст. 220 ГК РФ в случае переработки вещи, являющейся предметом титульного обеспечения[13].

---

[8] В качестве обоснования подобного решения в доктрине указывается на особый характер обеспечительной собственности, которым обладает кредитор. Также подчеркивается, что положение третьего лица не должно зависеть от того, применялись ли должником и кредитором обеспечительные конструкции в отношении переработанных материалов. См.: Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of reference (DCFR). Full Edition. Prepared by the Study Group on a European Civil Code and the Research Group on EC Private Law (Acquis Group) / ed. by Christian von Bar and Eric Clive. Vol. I—VI. Munich, 2009. P. 4525—4526.

[9] *Van Vliet L.* Op. cit.

[10] DCFR. Op. cit. P. 4526.

[11] *Van Vliet L.* Op. cit.

[12] См., например: определения Верховного Суда РФ от 09.01.2018 № 32-КГ17-33 ; от 04.12.2018 № 19-КГ18-41 ; от 30.07.2013 № 18-КГ13-72.

[13] На имеющемся этапе развития российской цивилистики вопрос о судьбе обеспечительной собственности по большей мере рассматривается при разрешении казусов, связанных с присоединением вещей.

Данный вопрос предполагает наличие нескольких возможных подходов к решению.

1. *Обеспечительный характер собственности не оказывает влияния на правила определения собственника вещи, возникшей в результате переработки*

При таком решении обеспечительный механизм не выходит за пределы изначальной вещи и прекращается в момент прекращения права собственности на переработанный материал.

Лицо, которое в соответствии с правилами ст. 220 ГК РФ становится собственником новой вещи, получает полноценную собственность.

1а. Спецификация произведена недобросовестным переработчиком

В тех случаях, когда материал был переработан самим должником, вне зависимости от стоимости переработки у собственника материалов появляется право требовать передачи новой вещи в его собственность и возмещения причиненных ему убытков.

Гибель вещи, выступающей предметом обеспечения, не освобождает должника от исполнения обязательств по выплате причитающихся кредитору платежей. В связи с этим у кредитора сохраняется право требования возврата задолженности.

Такое решение игнорирует интересы должника и приводит к появлению излишка на стороне кредитора.

В российском правопорядке подобный излишек, по-видимому, не удастся скорректировать нормами неосновательного обогащения, поскольку и требование выплаты задолженности, и требование новой вещи имеют основание. В первом случае в качестве такого основания будет выступать договор, во втором — нормы ст. 220 ГК РФ.

К аналогичному решения приводит и переработка, осуществленная недобросовестным третьим лицом, осведомленным об отсутствии титула собственника у владельца материалов.

1б. Спецификация произведена добросовестным переработчиком

В преобладающем числе ситуаций нормы ст. 302 ГК РФ в толковании действующей правоприменительной практики предоставляют эффективную защиту лица, приобретшего предмет титульного обеспечения у должника[14].

В этой части судебная практика выработала достаточно последовательный подход, констатирующий прекращение обеспечения в связи с гибелью вещи, квалифицируемой в качестве принадлежности.

См., например: определение Верховного Суда РФ от 13.09.2021 № 304-ЭС21-15291 ; постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.10.1999 № 3655/99.

[14] В силу разъяснений, содержащихся в совместном постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10 и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010, добросовестное третье лицо будет признаваться собственником в момент заключения договора и осуществит переработку уже своей вещи, что не оставляет места для применения правил ст. 220 ГК РФ.

Вместе с тем добросовестный переработчик не сможет использовать этот механизм защиты в случаях выбытия переработанного материала помимо воли собственника или передачи спецификанту материала по безвозмездной сделке.

В случае осуществления переработки добросовестным спецификантом принадлежность новой вещи должна осуществляться, исходя из соотношения стоимости материала к стоимости переработки.

Если стоимость труда спецификанта существенно превышает стоимость предмета титульного обеспечения, право собственности на новую вещь признается правопорядком за спецификантом.

В такой ситуации кредитор получает два самостоятельных требования: одно к должнику — о погашении задолженности в рамках договора, по которому ему была передана вещь, а другое — к спецификанту, на которого возлагается обязанность компенсировать стоимость переработанных материалов.

Формально оба требования независимы друг от друга и исполнение одного не прекращает другого, что снова приводит к появлению у кредитора излишка.

Поскольку мера обеспечения прекратила свое существование в момент переработки, на кредитора перекладывается риск банкротства и должника и переработчика, требования к каждому из которых будут носить необеспеченный характер.

Ситуация становится более пикантной в случае признания собственником новой вещи кредитора.

В силу п. 2 ст. 220 ГК РФ на такого кредитора возлагается обязанность возместить стоимость переработки осуществившему ее третьему лицу.

В этой парадигме кредитор сохраняет право требования к должнику (которое становится необеспеченным), но начинает нести дополнительные расходы перед спецификантом, которые не всегда сможет переложить на должника в качестве убытков.

Это приводит к тому, что изначально спрогнозировать имущественное положение сторон после осуществления переработки становится практически невозможно: кредитор может получить как значительный излишек, если, оставив вещь произведет эффективное взыскание задолженности, так и существенные убытки, если стоимость новой вещи не будет превышать первоначально переданной должнику, а последний окажется несостоятельным. Ни один из вариантов право устраивать не может.

В связи с этим первое решение не может считаться оптимальным, поскольку игнорирование обеспечительного характера собственности кредитора приводит к справедливому результату в крайне редком количестве случаев.

2. *Обеспечительный характер собственности оказывает влияние на правила определения собственника вещи, возникшей в результате переработки*

Если, попытаться учитывать сущность сохраняющегося у кредитора права собственности в отношении переданной должнику вещи, можно обнаружить, что интерес титульного собственника заключается, скорее, не в использовании новой вещи, а в возможности ее изъятия из конкурсной массы неисправного должника и удовлетворения своих потребностей за счет ее реализации.

Исходя из этого последствия переработки вещи, являющейся предметом титульного обеспечения, нужно учитывать, что собственность кредитора является не подлинной, а носит обеспечительный характер.

2а. Спецификация произведена недобросовестным переработчиком

При подобном решении переработка должна приводить к возникновению у кредитора обеспечительной собственности на новую вещь.

Такое решение может быть аргументировано диспозитивным характером ст. 220 ГК РФ, а указанное в норме «иное» (в настоящем случае обеспечительный характер, возникающий в результате переработки собственности) следует из договора с использованием обеспечительной конструкции, заключенного между кредитором и должником.

Нормативным обоснованием возникновения у кредитора обеспечительной собственности в отношении новой вещи может служить аналогия с пп. 1 п. 2 ст. 345 ГК РФ[15].

С этой точки зрения изъятие новой вещи может происходить только посредством расторжения договора. Как я уже отмечал выше, положения ч. 3 ст. 220 ГК РФ в этом случае должны толковаться ограничительно и речь может идти, скорее, о физической передаче кредитору вещи, а не права собственности на нее.

Стоимость новой вещи (которая в большинстве случаев, видимо, будет выше первоначально переданной должнику вещи) должна учитываться при завершающих расчетах в рамках ликвидационной стадии обязательства.

Это решает проблему излишка на стороне кредитора и не позволяет действиями недобросовестного должника трансформировать обеспеченное требование в необеспеченное.

Решение не изменится и в том случае, если переработку осуществило третье лицо, знающее, что переработало не свои материалы.

Наступление условия, которое приводит к отпадению титульного обеспечения, повлечет переход права собственности должнику либо к спецификанту, когда им

[15] В настоящее время правоприменительная практика российских судов, опираясь на указанную норму, достаточно эффективно разрешает казусы, связанные с переработкой вещей, являющихся предметом залога.
См. например: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.07.2025 по делу № А75-905/2024 ; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.08.2025 по делу № А65-11389/2023 ; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.07.2025 по делу № А75-905/2024.

является третье лицо (в зависимости от программы обязательств между должником и третьим лицом).

2б. Спецификация произведена добросовестным переработчиком

При переработке, осуществленной добросовестным третьим лицом, кредитор не сможет противопоставить заключенный с должником договор, что повлечет возникновение у переработчика на новую вещь полноценного права собственности.

Возникновение собственности на новую вещь порождает у спецификанта обязанность выплатить кредитору компенсацию за переработанные материалы.

Выплата такой компенсации должна осуществляться в пользу кредитора с последующей корректировкой полученной кредитором суммы задолженности должника.

Поскольку размер компенсации, определяемый по правилам ст. 220 ГК РФ, может не совпадать с договорной ценой переданной должнику вещи, в завершающей стадии обязательства кредитор должен либо передать должнику сумму, превышающую его задолженность (если полученная компенсация перекрыла имеющуюся задолженность) либо взыскать недостающую часть с должника (если полученная компенсация недостаточна для погашения имеющейся задолженности должника).

Этот подход эффективно решает проблему получения кредитором излишка, но превращает его требование в необеспеченное.

При признании кредитора собственником новой вещи было бы крайне несправедливым, помимо лишения титульного способа обеспечения в отношениях с должником, возлагать на него обязанность по оплате компенсации труда спецификанта.

С этой точки зрения применение к обеспечительной собственности по аналогии правил о залоге должно приводить к тому, что компенсация должна выплачиваться должником, а размер произведенных выплат учитываться при расчетах с кредитором в завершающей стадии обязательства.

Подобное решение может считаться допустимым, поскольку у спецификанта изначально отсутствовало ожидание относительно компенсации от определенного лица.

Вывод

В качестве итога можно констатировать, что действующее законодательство не позволяет достичь справедливого результата при переработке вещи, право собственности на которую оставалось в качестве обеспечения у кредитора.

Прямое применение правил о переработке (обозначенное выше как первое решение) является, как выразился бы В. И. Ленин, формально правильным, а по сути издевательством.

В то же время при обосновании второго решения, учитывающего обеспечительный характер собственности кредитора, несмотря на более справедливый результат, к которому он приводит, возникает определенная сложность.

Поскольку право собственности на вещь, полученную в результате переработки, возникает по первоначальному основанию, ее поражение обеспечительными

правами кредитора выглядит весьма сомнительными и не опирающимися на корпус норм раздела II ГК РФ.

Я также полагаю, что расширение сферы применения титульного обеспечения является нежелательным, поскольку усложняет правоприменение, вынуждая суды каждый раз устанавливать содержание и особенности обеспечительной конструкции.

Эффективным решением рассмотренного вопроса могло бы стать введение в ГК РФ (например, в гл. 23) положений, предусматривающих, что переработка вещи, выступающей в качестве титульного обеспечения, влечет возникновение залога в пользу кредитора.

В отсутствии же подобных норм преодоление несправедливых решений придется осуществлять посредством судебного толкования обеспечительного характера собственности кредитора.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Cases, Materials and Text on National, Supranational and International Property Law / S. (JHM) van Erp, B. Akkermans (eds). — Oxford : Hart Publishing, 2012. — 1170 p.
2. *Davies W.* Romalpa thirty years on — still an enigma? // Hertfordshire Law Journal. — 2006. — Vol. 4. — № 2. — P. 2—23.
3. Grüneberg BGB Kommentar 2025 (vormals Palandt). 84. Auflage. — C. H. Beck, 2025. — 3400 S.
4. *Kieninger E.-M.* Security Rights in Movable Property in European Private Law. — Cambridge University Press, 2004. — 777 p.
5. *Kirchner M.* Der Eigentumserwerb nach § 950 BGB // ZJS 4/2021. — P. 466—471.
6. *Lee (Kit) J. W.* The Viability of Retention of Title Clauses // Durham Law Review. — 2022. February — Vol. VII. — Part 1. — P. 3—15.
7. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of reference (DCFR). — Full Edition. — Prepared by the Study Group on a European Civil Code and the Research Group on EC Private Law (Acquis Group) / ed. by Christian von Bar and Eric Clive. — Vol. I—VI. — Munich, 2009. — 4795 p.
8. *Prütting H.* Sachenrecht. 38., neu bearbeitete Auflage. — C. H. Beck, 2024. — 440 S.
9. *Rutgers J. W.* International reservation of title clauses: A study of Dutch, French and German Private International Law in the Light of European Law. — TMC Asser Press, The Hague, 1999. — 233 p.
10. *Van Vliet L.* A factual assessment of book Book VIII of the Draft Common Frame of Reference (Acquisition and Loss of Ownership of Goods) // Maastricht European Private Law Institute, 2011. — Working paper. — № 2011/23.
11. *Wichers J. E.* Natrekking, vermenging en zaaksvorming (diss. Groningen). — Deventer : Kluwer, 2002. — 338 S.

Обязательства по выполнению работ

Екатерина Борисовна ПОДУЗОВА,
доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
ebpoduzova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ в механизме создания искусственного интеллекта

Аннотация. *Автор анализирует договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, применяемые в области разработки искусственного интеллекта и основанных на его использовании технологий искусственного интеллекта. С опорой на цивилистические методологические подходы, выделены квалифицирующие признаки ИИ и ТИИ, предопределяющие специфику содержания и исполнения договоров НИОКР, направленных на разработку указанных высокотехнологичных комплексов. Рассмотрен правовой статус заказчика выполнения работ по договорам НИОКР, применяемым в области создания ИИ и ТИИ. С учетом особенностей указанного статуса обоснована необходимость разработки технического задания заказчиком. Отмечено, что по причине сложноструктурности ИИ и ТИИ выполнение работ по договорам НИОКР должно осуществляться исполнителем самостоятельно, без привлечения третьих лиц. Проанализированы подходы законодателя к определению принадлежности заказчику или исполнителю исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, созданный по договорам НИОКР. Обоснована необходимость включения в договоры НИОКР условия о принадлежности заказчику исключительного права на разработанный ИИ (ТИИ).*

Ключевые слова: *договоры НИОКР, искусственный интеллект, технологии искусственного интеллекта, создание, специфика содержания*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.068-077

© Подузова Е. Б., 2026

Ekaterina B. PODUZOVA,
Associate professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
ebpoduzova@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Contracts for the Performance of Research, Development, and Technological Work in the Mechanism for Creating Artificial Intelligence

Abstract. *The author analyzes contracts for research, development, and engineering work used in the development of artificial intelligence and related artificial intelligence technologies. Drawing on civil law methodological approaches, the author identifies the qualifying features of AI and TII that determine the specifics of the content and execution of R&D contracts aimed at developing these high-tech systems. The author examines the legal status of the customer performing work under R&D contracts used in the field of AI and TII creation. Given the specifics of this status, the need for the customer to develop technical specifications is substantiated. It is noted that, due to the complex structure of AI and TII, work under R&D contracts must be performed by the contractor independently, without the involvement of third parties. The author analyzes legislative approaches to determining whether the customer or contractor owns the exclusive right to the result of intellectual activity created under R&D contracts. The need to include in R&D contracts a condition on the customer's exclusive right to the developed AI (TII) is substantiated.*
Keywords: *R&D contracts, artificial intelligence, artificial intelligence technologies, creation, content specifics*

Введение

С 01.03.1996 введена в действие часть вторая Гражданского кодекса РФ[1]. За 30-летний период договорные конструкции, закрепленные в части второй ГК РФ, нашли широкое практическое применение. Договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (НИОКР) не стали исключением. Создание таких высокотехнологичных комплексов как ИИ (искусственный интеллект) и ТИИ (основанные на его использовании технологии искусственного интеллекта) — сложный и многоэтапный процесс. Для разработки указанных объектов необходимо провести научные исследования с целью определения возможности создания ИИ (ТИИ), выполняющего определенные функции;

[1] Федеральный закон от 26.01.1996 № 15-ФЗ «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 06.02.1996. № 23.

разработать пробные версии отдельных элементов рассматриваемых цифровых объектов; создать экспериментальную версию ИИ (ТИИ), закрепленную в объективной форме; подготовить техническую и (или) конструкторскую документацию. С целью договорной регламентации осуществления данного технически сложного процесса применяются договоры НИОКР[2]. Подчеркнем, что в цивилистической доктрине договоры НИОКР в анализе создания ИИ (ТИИ) авторами подробно не рассматриваются.

ИИ[3] и ТИИ как новые объекты обладают спецификой в части не только юридической природы, но и правового режима. В развитие вывода, сделанного Е. А. Сухановым[4], полагаем, что под правовым режимом следует понимать установленный законодателем порядок совершения юридически значимых действий с объектами гражданских прав (правами на них)[5]. Следовательно, изучение договоров НИОКР, применяемых для разработки ИИ (ТИИ), является необходимым для исследования правового режима рассматриваемых цифровых объектов. Полагаем, что особенности договоров НИОКР, применяемых в области разработки ИИ (ТИИ), обусловлены спецификой создаваемых объектов. Так, анализ легального определения понятий «искусственный интеллект» и «технологии искусственного интеллекта» (пп. 2, 3 п. 1 ст. 2 Закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ[6]) позволяет сделать вывод, что рассматриваемые цифровые объекты представляют

---

[2] См.: Российское гражданское право / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2011. Т. 2 (автор главы — Е. А. Суханов) ; *Трахтенгерц Л. А.* «Единая технология» и система охраны исключительных прав // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 36—38 ; *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. М. : Проспект, 2021. Т. 3 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. С. 102—107 (автор главы — Л. Ю. Василевская).

[3] См. об этом подробнее: *Вавилин Е. В.* Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 135—146 ; *Его же*. Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта: формирование новых правовых режимов // Проблемы гражданского процесса. 2021. № 6. С. 13—35 ; *Его же*. Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 147—158.

[4] См.: *Суханов Е. А.* Вещное право : науч.-познават. очерк. М. : Статут, 2017.

[5] О залоге см. подробнее: *Василевская Л. Ю.* Особенности правовой конструкции залога по российскому и германскому законодательству // Хозяйство и право. 2003. № 6. С. 107—117 ; *Ее же*. Особенности правовой конструкции залога обязательственных прав // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6 (79). С. 90—98.

[6] Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 24.04.2020.

собой комплексные технологические системы[7], обеспечивающие посредством сложного программирования автоматизацию высокотехнологичных процессов[8]. Исследуемые комплексные технологические системы являются идеальными по своей природе объектами, объективированными в цифровой форме посредством цифрового языка[9].

Выбор создателем ИИ (ТИИ) языка (языков) программирования[10], а также способов соединения компонентов в структуре ИИ (ТИИ) является одним из проявлений творческого характера деятельности по созданию рассматриваемых цифровых объектов. Поскольку указанные цифровые продукты существуют в объективной реальности благодаря цифровой форме, повреждение (или утрата) этой формы влечет за собой уничтожение содержания ИИ и ТИИ, означающее утрату рассматриваемых цифровых продуктов как результатов творческого труда их разработчиков.

Раскрывая особенности договоров НИОКР, применяемых в сфере создания ИИ и ТИИ, необходимо, по образному выражению Л. Ю. Василевской, избегать механицизма в праве[11], проявляющегося в применении технического методологического инструментария, чуждого науке гражданского права. В этой связи анализ рассматриваемых договоров должен осуществляться на базе цивилистических методологических подходов: 1) комплекса цивилистических методов, разработанного Г. Ф. Шершеневичем[12] и Е. В. Васьковским[13]; 2) структурно-функционального подхода, актуальность которого обоснована Е. В. Вавилиным[14].

---

[7] Об ИИ как системе см. подробнее: *Аюшеева И. З., Василевская Л. Ю.* Гражданский оборот в условиях цифровизации: проблемы и перспективы развития : монография / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2025. С. 52, 53 (автор параграфа — Л. Ю. Василевская).

[8] См.: *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б.* Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития digital-медицины (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. М. : Проспект, 2021. Т. 2 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. С. 246—267 (автор раздела — Е. Б. Подузова).

[9] См.: *Василевская Л. Ю.* Цифровизация объектов гражданского оборота: от трансформации к новым правовым режимам // Lex russica. 2025. Т. 78. № 9. С. 12—13, 18—19.

[10] См.: *Василевская Л. Ю.* Цифровизация объектов гражданского оборота. С. 12—13, 16—20.

[11] См.: *Василевская Л. Ю.* Цифровизация объектов гражданского оборота. С. 11 ; *Аюшеева И. З., Василевская Л. Ю.* Указ. соч. С. 18 (автор параграфа — Л. Ю. Василевская).

[12] См.: *Шершеневич Г. Ф.* Общее учение о праве и государстве : лекции / Московское общество народных университетов. М. : тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. С. 148 ; *Его же.* Задачи и методы гражданского правоведения // Избранное / вступ. сл., сост. П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2016. С. 324, 330, 347—348, 353, 359.

[13] См.: *Васьковский Е. В.* Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 53, 100—123, 142—151, 229—242.

[14] См.: *Вавилин Е. В.* Об актуальности структурно-функционального подхода в цивилистике // Методологические проблемы цивилистических исследований : сборник научных статей. 2017. Вып. 2 / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М. : Статут, 2017. С. 74—81.

Специфика содержания и исполнения договоров НИОКР в механизме создания ИИ (ТИИ)

Как уже отмечалось, особенности договоров НИОКР, применяемых в области разработки ИИ (ТИИ), обусловлены спецификой создаваемых объектов. ИИ и ТИИ являются особыми сложноструктурными результатами интеллектуального труда их разработчиков (высокотехнологичными комплексами), зафиксированными в структурирующей их содержание цифровой форме, утрата или повреждение которой приведет к уничтожению рассматриваемых цифровых объектов. Все вышеизложенное предопределяет специфику содержания и исполнения договоров НИОКР, применяемых в исследуемой сфере деятельности. Остановимся подробнее на ее рассмотрении.

Во-первых, по договорам НИОКР, используемым для создания ИИ и ТИИ, техническое задание разрабатывается заказчиком. Подчеркнем, что норма п. 2 ст. 774 ГК РФ носит диспозитивный характер, и стороны договоров НИОКР вправе выбрать одну из двух моделей разработки технического задания: 1) его разработка заказчиком; 2) создание технического задания исполнителем и согласование его с заказчиком (абз. 2 ст. 773 ГК РФ).

Подчеркнем, что в судебной практике техническое задание квалифицируется как способ закрепления условия о предмете договоров НИОКР[15]. Считаем, что разработка технического задания исполнителем может привести к ряду практических проблем, связанных с соответствием ожидаемого заказчиком результата выполненных по договорам НИОКР работ фактически достигнутому результату. Если техническое задание разрабатывается исполнителем, указанное соответствие может быть нарушено. Вместе с тем заказчик не вправе предъявить исполнителю требования, предусмотренные п. 1 ст. 723 ГК РФ, поскольку отступления от технического задания не могут быть им подтверждены.

Как уже отмечалось, ИИ и ТИИ являются особыми сложноструктурными результатами интеллектуальной деятельности (высокотехнологичными комплексами), создание указанных результатов предполагает множественность лиц на стороне разработчиков. Л. Ю. Василевская приходит к выводу, что ИИ является сложным объектом[16]. Полагаем, что ТИИ, основанные на использовании ИИ, также обладают признаками сложного объекта (п. 1 ст. 1240 ГК РФ). В этой связи возникает вопрос о статусе организатора создания рассматриваемых объектов. Организатор создания ИИ (ТИИ) выступает лицом, координирующим процесс их

[15] См.: постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 27.01.2005 № Ф04-9615/2004(7969-А81-36) ; постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 31.03.2011 по делу № А46-6888/2010 ; решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 21.02.2019 по делу № А56-89582/2018 ; постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.07.2021 № 19АП-3267/2021 по делу № А48-11982/2019 ; постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 03.08.2023 по делу № А33-2491/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[16] См.: *Василевская Л. Ю.* Цифровизация объектов гражданского оборота. С. 17.

разработки, а также участвующим в их создании[17]. Следовательно, организатор разработки рассматриваемых объектов может одновременно являться заказчиком по договорам НИОКР, направленным на их создание. Совпадение в одном лице организатора разработки ИИ (ТИИ) и заказчика по договорам НИОКР предопределяет необходимость подготовки технического задания заказчиком.

Во-вторых, договоры НИОКР о разработке ИИ (ТИИ) содержат условие о создании данных цифровых объектов непосредственно исполнителем. Для разработки ИИ и ТИИ степень технической подготовленности и личность исполнителя имеют определяющее значение. Привлечение с согласия заказчика третьих лиц для проведения работ (п. 1 ст. 770 ГК РФ), а также применение правил о генеральном подряде (ст. 706, п. 2 ст. 770 ГК РФ) представляются недопустимыми для выполнения научно-исследовательских, опытно-конструкторских или технологических работ по созданию ИИ и ТИИ. В рамках системы генерального подряда исполнитель по своему усмотрению находит субисполнителей (п. 1 ст. 706 ГК РФ) для выполнения рассматриваемых высокотехнологичных работ, при этом заказчик в правоотношение с субисполнителями не вступает (п. 1, 3 ст. 706 ГК РФ).

Если исполнитель для выполнения опытно-конструкторских или технологических работ по созданию ИИ и ТИИ привлекает третьих лиц, заказчик как организатор создания данных объектов утрачивает непосредственный контроль над процессом их разработки. В этом случае возрастает риск создания ИИ (ТИИ) с конструктивными недостатками, которые могут быть выявлены за пределами срока обнаружения ненадлежащего качества результата работы (ст. 724, 778 ГК РФ). Привлечение третьих лиц для выполнения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ по созданию ИИ и ТИИ также сопряжено с опасностью раскрытия конфиденциальной информации о разрабатываемых высокотехнологичных комплексах.

В-третьих, в договорах НИОКР, применяемых в области создания ИИ (ТИИ), закрепляется условие о принадлежности исключительного права на данный результат интеллектуальной деятельности заказчику. Анализ норм п. 1 и 2 ст. 772 ГК РФ позволяет сделать вывод, что, если условия использования результатов интеллектуальной деятельности не предусмотрены в договорах НИОКР, «заказчик имеет право использовать переданные ему исполнителем результаты работ, а исполнитель вправе использовать полученные им результаты работ для собственных нужд»[18]. Вместе с тем договоры НИОКР заключаются для создания ИИ и ТИИ, впоследствии применяемых заказчиком в коммерческих целях. Использование данных результатов для собственных нужд исполнителя не представляется приемлемым для реализации интересов заказчика в применении результатов выполнения работ по договорам НИОКР, а также в распоряжении исключительными правами на них.

[17] См.: Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование). Т. 3. С. 81 (автор главы — Л. Ю. Василевская).

[18] См. об этом также: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». П. 135 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

Подчеркнем, что согласно п. 3 ст. 772 ГК РФ, если во исполнение договоров НИОКР были созданы «результаты работ, которым предоставляется правовая охрана как результатам интеллектуальной деятельности», то права исполнителя и заказчика на них определяются в соответствии с правилами разд. VII ГК РФ. ИИ и ТИИ не закреплены в ГК РФ в качестве новых результатов интеллектуальной деятельности. Анализ подходов законодателя к определению принадлежности исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, созданный по договорам НИОКР, позволяет сделать следующие выводы. Если предметом договора было создание произведения (п. 1 ст. 1296 ГК РФ) или промышленного образца (п. 1 ст. 1372 ГК РФ), то исключительные права на них по общему правилу принадлежат заказчику. Вместе с тем, если договоры НИОКР прямо не предусматривали создание программы для ЭВМ, базы данных или иного произведения (абз. 1 п. 1 ст. 1297 ГК РФ), изобретения, полезной модели или промышленного образца (абз. 1 п. 1 ст. 1371 ГК РФ), то исключительные права на указанные результаты интеллектуальной деятельности по общему правилу принадлежат исполнителю.

Предметом договоров НИОКР о создании ИИ (ТИИ) выступает разработка указанного высокотехнологичного комплекса — сложноструктурного результата творческого труда, закрепленного в цифровой форме. Следуя рассматриваемому подходу законодателя, считаем необходимым включать в договоры НИОКР условие о принадлежности исключительного права на ИИ (ТИИ) заказчику. Закрепление в договорах НИОКР условия о принадлежности исключительного права на разработанный ИИ (ТИИ) заказчику даст ему возможность впоследствии беспрепятственно использовать указанный высокотехнологичный комплекс, а также распоряжаться исключительным правом на него. Как уже отмечалось, организатор разработки рассматриваемых объектов может выступать в роли заказчика по договорам НИОКР, направленным на их создание. В этой связи полагаем, что нормы абз. 2 п. 1 ст. 1240 ГК РФ нуждаются в пересмотре законодателем.

В-четвертых, в судебной практике в качестве существенного условия договоров НИОКР квалифицируется условие о цене, зафиксированное в смете[19]. Анализ позиции законодателя, закрепленной в абз. 1 ст. 778 ГК РФ, позволяет сделать вывод, что к отношениям по согласованию сторонами условия о цене[20] договоров НИОКР подлежит применению п. 1 ст. 709 ГК РФ, в силу которого условие о цене договоров НИОКР может определяться по правилам п. 3 ст. 424 ГК РФ.

Полагаем, что определение условия о цене договоров НИОКР, направленных на разработку ИИ (ТИИ), в порядке, закрепленном в п. 3 ст. 424 ГК РФ, является недопустимым. Указанные договоры направлены на выполнение работ

---

[19] См.: постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.09.2021 № 13АП-23567/2021 по делу № А56-126997/2019 ; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.09.2021 № Ф09-6718/21 по делу № А07-11253/2020 ; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.09.2021 № Ф04-4596/2021 по делу № А03-4661/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[20] См.: Гражданское законодательство и судебная практика: проблемы взаимодействия : монография / отв. ред. В. Л. Слесарев. М. : Проспект, 2017. С. 62—73 (автор параграфа — Е. Б. Подузова).

уникального характера, цена которых не может быть установлена с учетом «сравнимых обстоятельств». ИИ и ТИИ представляют собой инновационные результаты творческого труда разработчиков, не имеющие сравнимых аналогов. Подчеркнем, что ГК РФ не содержит правил о том, как установить условие о цене выполнения работ по договорам НИОКР в случае невозможности определения данного условия при «сравнимых обстоятельствах». На основании вышеизложенного считаем, что условие о цене договоров НИОКР, направленных на создание ИИ (ТИИ), является существенным и должно быть согласовано сторонами при заключении рассматриваемых договоров.

В-пятых, согласно п. 1 ст. 771 ГК РФ стороны обязаны обеспечить конфиденциальность определенных сведений, «касающихся предмета договора, хода его исполнения и полученных результатов». Обратим внимание, что, закрепляя необходимость согласования в договорах НИОКР условий об объеме сведений, признаваемых конфиденциальными (п. 1 ст. 771 ГК РФ), законодатель не признает эти условия существенными, кроме того, в п. 1 ст. 771 ГК РФ не закреплена обязательность согласования в договорах НИОКР условий о мерах обеспечения конфиденциальности информации.

Подчеркнем, что обеспечение конфиденциальности рассматриваемых сведений приобретает особое значение при создании инновационных продуктов, таких как ИИ и ТИИ. Считаем, что в договорах НИОКР, направленных на разработку ИИ (ТИИ), необходимо закрепить условия об обеспечении конфиденциальности информации. Указанные условия должны стать гарантией неразглашения сторонами сведений о создаваемых объектах, подпадающих под квалификацию результатов интеллектуальной деятельности.

Полагаем, что к ним относятся условия:

1) о перечне информации ограниченного доступа (сведений о разрабатываемых структурных элементах ИИ и ТИИ);
2) мерах по обеспечению конфиденциальности информации (включая способы ее передачи в цифровой форме);
3) порядке идентификации и аутентификации субъектов электронного взаимодействия;
4) перечне лиц, имеющих доступ к конфиденциальным сведениям, а также лиц, уполномоченных их передавать;
5) порядке взаимодействия сторон договоров НИОКР в рамках соблюдения требований по обеспечению конфиденциальности информации;
6) мерах гражданско-правовой ответственности, применяемых за нарушение условий договоров об обеспечении конфиденциальности сведений (например, взыскание неустойки).

Заключение

Специфика содержания и исполнения договоров НИОКР, применяемых в области создания ИИ и ТИИ, предопределена квалифицирующими признаками указанных цифровых объектов. Они являются результатами творческого труда их разработчиков (высокотехнологичными комплексами), зафиксированными в

структурирующей их содержание цифровой форме. Проведенный анализ особенностей содержания и исполнения договоров НИОКР, используемых в исследуемой сфере, позволяет сделать вывод о необходимости пересмотра законодателем отдельных положений ГК РФ о договорах НИОКР, о результатах интеллектуальной деятельности, а также о сложном объекте, включающем несколько охраняемых результатов творческого труда.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аюшеева И. З., Василевская Л. Ю.* Гражданский оборот в условиях цифровизации: проблемы и перспективы развития : монография / отв. ред. Л. Ю. Василевская. — М. : Проспект, 2025. — 312 с.
2. *Вавилин Е. В.* Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права // Вестник Томского государственного университета. — Право. — 2021. — № 42. — С. 135—146.
3. *Вавилин Е. В.* Об актуальности структурно-функционального подхода в цивилистике // Методологические проблемы цивилистических исследований : сборник научных статей : ежегодник. — 2017. — Вып. 2 / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. — М. : Статут, 2017. — С. 74—89.
4. *Вавилин Е. В.* Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. — Право. — 2022. — № 45. — С. 147—158.
5. *Вавилин Е. В.* Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта: формирование новых правовых режимов // Проблемы гражданского процесса. — 2021. — № 6. — С. 13—35.
6. *Василевская Л. Ю.* Особенности правовой конструкции залога обязательственных прав // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 6 (79). — С. 90—98.
7. *Василевская Л. Ю.* Особенности правовой конструкции залога по российскому и германскому законодательству // Хозяйство и право. — 2003. — № 6 — С. 107—117.
8. *Василевская Л. Ю.* Цифровизация объектов гражданского оборота: от трансформации к новым правовым режимам // Lex russica. — 2025. — Т. 78. — № 9. — С. 9—23.
9. *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б.* Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития digital-медицины (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. — М. : Проспект, 2021. — Т. 2 / отв. ред. *Л. Ю. Василевская*. — 280 с.
10. *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. — М. : Проспект, 2021. —Т. 3 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. — 288 с.
11. *Васьковский Е. В.* Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. — М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. — 508 с.

12. Гражданское законодательство и судебная практика: проблемы взаимодействия : монография / отв. ред. В. Л. Слесарев. — М. : Проспект, 2017. — 176 с.
13. Российское гражданское право / отв. ред. Е. А. Суханов. — М. : Статут, 2011. Т. 2.
14. *Суханов Е. А.* Вещное право: науч.-познават. очерк. — М. : Статут, 2017.
15. *Трахтенгерц Л. А.* «Единая технология» и система охраны исключительных прав // Журнал российского права. — 2010. — № 3. — С. 30—39.
16. *Шершеневич Г. Ф.* Задачи и методы гражданского правоведения // Избранное / вступ. сл., сост. П. В. Крашенинников. — М. : Статут, 2016. — С. 324—366.
17. *Шершеневич Г. Ф.* Общее учение о праве и государстве: лекции / Моск. о-во нар. ун-тов. — М. : тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. — 159 с.

Александра Владимировна РОДИНА,
старший преподаватель кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
avrodina@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

К вопросу о предмете договора о проведении клинического исследования лекарственного препарата

Аннотация. *Первостепенным при установлении отношений на основании любой гражданско-правовой сделки является достижение договоренности, составляющей взаимное согласование воли сторон. С ростом численности проводимых клинических испытаний лекарственных препаратов важно детально рассмотреть ключевые условия заключаемого при этом соглашения с исполнителем и организатором исследования как первоначального факта, оказывающего влияние на условия возникновения иных отношений, затрагивающих значительное число граждан, впоследствии участвующих в данном исследовании. Подробное изучение предмета договора о проведении клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения актуально для повышения эффективности проводимых исследований, обеспечения юридической определенности и соблюдения этических норм. В настоящей работе излагаются основные сформировавшиеся цивилистические подходы к определению предмета любого гражданско-правового договора, в том числе и договора о проведении клинического исследования, описывается проблема неопределенности при установлении и согласовании данного существенного условия. Автором предпринята попытка выделить набор специфических параметров, входящих в предмет, позволяющих говорить о заключенности сделки и делается вывод о комплексном характере рассматриваемого условия, включающего для возникновения прав и обязанностей у сторон необходимость согласования дизайна исследования, наименования лекарственного препарата как объекта исследования, цели проведения испытаний и полученного результата.*

Ключевые слова: *клиническое исследование, лекарственный препарат, договор о проведении клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.078-085

© Родина А. В., 2026

Alexandra V. RODINA,
Senior Lecturer of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
avrodina@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

On the issue of the subject of Clinical Study Agreement

Abstract. *The primary thing in establishing relations based on any civil law transaction is to come to an agreement that constitutes the mutual agreement of the will of the parties. With the growing number of ongoing clinical trials, it is important to consider in detail the key terms of the agreement concluded with the contractor and the organizer of the study, as an initial fact that affects the conditions for the emergence of other relationships affecting a significant number of citizens who subsequently participate in this study. A detailed study of the subject matter of the contract for conducting a clinical trial of a medicinal product for medical use is relevant to increase the effectiveness of ongoing research, ensure legal certainty and compliance with ethical standards. This paper highlights the main civil approaches that have developed regarding the definition of the subject of a civil law contract in general and a contract for conducting a clinical trial in particular, and describes the problem of uncertainty in the establishment and approval of this essential condition. The author attempts to identify a set of specific parameters included in the subject, allowing us to talk about the conclusion of the transaction, and concludes that the complex nature of the condition under consideration includes, for the parties to have rights and obligations, the need to coordinate the design of the study, the name of the medicinal product as an object of research, the purpose of the study and the obtained result.*
Keywords: *clinical study, medicinal product, Clinical Study Agreement*

Введение

Лица, имеющие намерение заключить гражданско-правовое соглашение, в первую очередь обязаны установить, о чем им предстоит договориться, и согласовать условия взаимодействия друг с другом. В литературе выделяется несколько групп договорных условий: существенные, обычные и случайные[1]. Существенными признаются условия, названные в качестве таковых в законе. Такие условия обособлены в отдельную группу для целей обеспечения ясности,

[1] Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420—453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов // СПС «КонсультантПлюс».

четкости и предсказуемости во взаимоотношениях сторон, что влияет на стабильность гражданского оборота.

Надлежащее согласование существенных условий имеет приоритетное значение, поскольку при их отсутствии или недостаточной конкретизации договор не будет признаваться юридическим фактом, из него не смогут возникнуть правовые последствия, на которые участники рассчитывали, выражая желанию вступить во взаимоотношения. Такая сделка будет незаключенной, не имеющей юридической силы и не порождающей права и обязанности для сторон. Хотя закон и суды исходят из того, что принятие исполнения одной из сторон без возражений лишает ее права заявлять о несогласованности сторонами существенных условий договора, указанное правило не может в полной мере восполнить возможную неопределенность между сторонами[2].

Выявление и анализ существенных условий особенно важны для непоименованных договоров, поскольку отсутствие четких правовых рамок, а иногда и доступного изложения норм способствует увеличению правовых рисков для сторон и третьих лиц. Обычные условия, в отличие от существенных, содержатся в тех или иных диспозитивных нормах, которые могут быть изменены участниками на стадии согласования текста соглашения, а случайные — дополняют требования закона, устанавливая важные для сторон особенности.

О проблеме надлежащего согласования предмета договора о проведении клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения

Любое гражданско-правовое соглашение имеет свой предмет. Согласно ст. 432 ГК РФ предмет является существенным условием и должен быть согласован сторонами на стадии заключения сделки. Он помогает отличить одну договорную конструкцию от другой. В широком понимании предмет включает в себя основные аспекты и характеристики того, о чем стороны договорились.

В юридической литературе нет единого подхода к его определению. В работах Г. Ф. Шершеневича указывалось, что предмет договора считается согласованным при установлении «юридических последствий, на которые направлена воля двух или более лиц»[3]. О. С. Иоффе, а за ним и М. И. Брагинский предлагали рассматривать предмет в узком смысле в качестве объекта материального мира и в широком — как действия[4]. Другой точки зрения придерживался Д. И. Мейер, рассуждая о предмете как об установленном в соглашении праве требовать от другой стороны совершения определенных действий[5], в то время как В. И. Синайский,

---

[2] Постановление Федерального арбитражного суда Уральского федерального округа от 11.06.2002 по делу № Ф09-955/02-ГК // СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Шершеневич Г. Ф.* Избранное : в 6 т. М., 2017. Т. 2. С. 74.

[4] См.: Советское гражданское право / под ред. О. С. Иоффе, Ю. К. Толстого, Б. Б. Черепахина. Л., 1971. Т. 1. С. 168—172 ; *Брагинский М. И.* Общее учение о хозяйственных договорах. Минск, 1967. С. 138—139.

[5] См.: *Мейер Д. И.* Русское гражданское право. М., 2003. С. 161.

как и В. В. Витрянский, определял предмет договора через совокупность действий, которые должны совершить обе стороны по отношению друг к другу[6].

Наиболее обоснованным представляется компромиссный подход, определяющий предмет сделки как совокупность основных действий сторон и объекта, на который эти действия направлены[7]. Мнения по поводу предмета договора на выполнение научных исследований, к которым относится договор о проведении клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения, также расходятся. Ряд ученых под предметом такого соглашения понимает только работы, имеющие первостепенное значение для участников договора[8].

Результат работ, в свою очередь, лишь подтверждает факт осуществления действий исполнителем. При этом договор считается выполненным, даже если стороны не получили ожидаемого результата или же получили отрицательный результат. Другие полагают, что предмет согласован, если стороны конкретизировали непосредственно результат работ, так как именно результат назван в ст. 128 ГК РФ в качестве объекта гражданских прав[9]. Высказывается точка зрения, что предмет соединяет в себе работы и результат, определяемый сторонами на стадии подписания[10].

Существует несколько выраженных в юридической литературе позиций относительно достаточности детализации и индивидуализации условия о предмете в договоре о проведении клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения. Некоторые авторы подчеркивают, что необходимым является установление в соглашении характера и объема исследований[11]. Другие добавляют к данной точке зрения обязательность формулирования дополнительно цели осуществления испытаний[12], а также указание на конкретный лекарственный препарат как объект исследования, протокол, на основании которого проводятся испытания, и сроков[13].

В то же время, например, детерминирование предмета договора о проведении клинического исследования лекарственного препарата для медицинского

---

6 См.: *Синайский В. И.* Русское гражданское право М., 2002. С. 295—296 ; *Витрянский В. В.* Существенные условия договора в отечественной цивилистике и правоприменительной практике // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2002. № 6. С. 78—79.

7 См.: *Гавзе Ф. И.* Обязательственное право (общие положения). Минск, 1968. С. 26.

8 См.: *Минц Б. И.* Правовое обеспечение научно-технических разработок. Свердловск, 1989. С. 62.

9 См.: *Толстой В. С.* Исполнение обязательства. М., 1973. С. 28.

10 См.: *Каморников А. Н.* Некоторые аспекты правового регулирования осуществления высшими учебными заведениями МВД России фундаментальных и прикладных научных исследований, а также опытно-конструкторских работ по заказам иностранных юридических лиц // Бизнес в законе. 2010. № 2. С. 78.

11 См.: *Гришаев С. П.* Комментарий к Федеральному закону от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // СПС «КонсультантПлюс».

12 См.: *Балибардина Н. Г.* Договор на проведение клинических исследований лекарственных средств : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 101, 130.

13 *Мелихов О. Г., Цепова Е. А.* Основные элементы договора о проведении клинического исследования // Ремедиум. 2015. № 11. С. 54—58.

применения в качестве совокупности работы и результата возможно проследить в трудах О. Г. Мелехова, который подчеркивает необходимость согласования сторонами самого исследования на основании протокола и содержания отчета о его результатах. На практике встречаются также положения об определении предмета договора путем ссылки на протокол клинического исследования[14]. Анализ норм права, судебной практики, научных работ и природы договора о проведении клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения позволяет сделать вывод о том, что предмет данной сделки является комплексным, включающим в себя ряд элементов.

По договору о проведении клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения исполнитель (подрядчик) должен совершить строго определенное действия по изучению *конкретного* объекта (лекарственного препарата), преследуя *установленные* цели, что диктуется нормами гл. 7 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств»[15]. По своему характеру деятельность по проведению клинических испытаний является многообразной и предполагает совершение целой совокупности разнородных по природе действий, поэтому невозможно на законодательном уровне заранее ограничиться указанием на единые черты выполняемых по договору работ, присущие всем исследованиям в целом.

Вместе с тем определение в соглашении основных параметров деятельности подрядчика по изучению лекарственного препарата и получению новых знаний о нем — критически важное условие, формулирование которого в последующем позволит избежать неопределенности между сторонами. Указанные действия должны быть детально прописаны в дизайне исследования, являющемся частью договора и определяющем «что» и «как» необходимо выполнять. Дизайн исследования содержит указание на характер проводимых работ, их объем и содержание. Он непосредственно влияет на основные обязанности исполнителя и поэтому входит в предмет рассматриваемой сделки.

Существенность характера и объема работ как условия реализует задачу обеспечить конкретизацию основных правовых последствий соглашения. При этом для признания заключенным договора о проведении клинического исследования лекарственного препарата описанная деятельность также должна быть детализирована путем согласования сторонами цели (целей) проведения испытания, от которой (которых) зависят работы исполнителя и полученный результат.

Изучение свойств лекарственного препарата проводится в соответствии с одной или несколькими целями, названными в ст. 38 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств». Указанная норма является императивной. Целями проведения исследований могут быть определение эффективности препарата, дозировки, схем лечения, его безопасности, на получение сведений о новых свойствах препарата и др.

---

[14] Официальный сайт Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова. URL.: http://www.rsmu.ru.

[15] Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.

Клиническое испытание направлено на изучение свойств конкретного лекарственного препарата, который выступает объектом исследования. Информация, позволяющая идентифицировать лекарственный препарат и выделить его из числа других средств, заносится во все документы, касающиеся клинических исследований, в том числе в те, которые в последующем предоставляются в уполномоченные государственные органы, в том числе в соответствии с пп. 10—11 п. 2 ст. 39 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств». Для получения разрешения на проведение клинических испытаний обязательно предоставление в Министерство здравоохранения РФ информации о составе лекарственного препарата для медицинского применения и содержащихся в нем показателях, а также иных сведений о лекарственном препарате.

Замена препарата или изменение его основной формулы не допускаются. Более того, для участников исследования жизненно важно знать, какой именно препарат они получают и как он действует. Указанные сведения добровольцы получают при их информировании до проведения клинических испытаний. Заключение договора без указания в нем наименования и характеристик, конкретизирующих предмет соглашения, невозможно. Такой договор должен признаваться незаключенным.

Не вызывает сомнения также тот факт, что конечной целью или мотивом проведения испытаний заказчиком выступает введение в гражданский оборот исследуемого объекта. Согласно ст. 13 Закона «Об обращении лекарственных средств» введение в оборот препарата возможно только после его регистрации Министерством здравоохранения РФ. При рассмотрении дел судебными органами не раз отмечалось, что основная задача проверки безопасности и эффективности препарата проявляется именно в возможности для заказчика его последующей регистрации на территории Российской Федерации[16]. Законодатель устанавливает предоставление заявления и документации, перечисленной в п. 15 приказа Минздрава России от 21.09.2016 № 725н[17], в качестве обязательной предпосылки, инициирующей процедуру получения регистрации конкретного лекарственного средства. К таким документам относится и отчет о проведении испытаний, которых должен быть приложен к заявлению в обязательном порядке.

Полученная подрядчиком информация в виде новых знаний о препарате (эффективность, безопасность, дозировка, влияние на организм и т.д.), должна быть зафиксирована на материальном носителе в виде отчета исполнителя, содержащего результат проделанных работ. При этом все документы, в том числе отчет о проведении исследований, должны соответствовать закрепленным нормативно требованиям к структуре и содержанию[18], что делает процесс оформления ре-

[16] Решение Арбитражного суда Московской области от 28.06.2017 по делу № А41-49677/16 // СПС «КонсультантПлюс».

[17] Приказ Минздрава России от 21.09.2016 № 725н «Об утверждении Административного регламента Министерства здравоохранения Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по государственной регистрации лекарственных препаратов для медицинского применения» // СПС «КонсультантПлюс».

[18] Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 79 «Об утверждении Правил надлежащей клинической практики Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс».

зультата клинических исследований более формализованным по сравнению с результатами иных научно-исследовательских работ в других сферах и областях. Названные положения в обязательном порядке должны быть учтены сторонами при согласовании данного договорного условия.

Заключение

Таким образом, предмет договора о проведении клинического исследования лекарственного препарата сложен, для целей признания его заключенным необходимо согласовать дизайн исследования, соответствующий выбранной сторонами цели или нескольким целям, сформулировать ожидаемый результат и идентифицировать объект исследования. При этом, исходя из важности сферы применения и повышенного контроля за деятельностью исполнителя со стороны государственных органов, представляется, что указанные условия должны быть определенными и не могут быть определимыми. Пробелы по данным положениям, характеризующим предмет договора, являются невосполнимыми. До фиксации их содержания в тексте соглашения договор о проведении клинического исследования как юридический факт должен считаться не возникшим.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Балибардина Н. Г.* Договор на проведение клинических исследований лекарственных средств : дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2006.
2. *Брагинский М. И.* Общее учение о хозяйственных договорах. — Минск, 1967.
3. *Витрянский В. В.* Существенные условия договора в отечественной цивилистике и правоприменительной практике // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2002. — № 6.
4. *Гавзе Ф. И.* Обязательственное право (общие положения). — Минск, 1968.
5. *Гришаев С. П.* Комментарий к Федеральному закону от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420—453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов // СПС «КонсультантПлюс».
7. *Каморников А. Н.* Некоторые аспекты правового регулирования осуществления высшими учебными заведениями МВД России фундаментальных и прикладных научных исследований, а также опытно-конструкторских работ по заказам иностранных юридических лиц // Бизнес в законе. — 2010. — № 2.
8. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право. — М., 2003.
9. *Мелихов О. Г., Цепова Е. А.* Основные элементы договора о проведении клинического исследования // Ремедиум. — 2015. — № 11.
10. *Минц Б. И.* Правовое обеспечение научно-технических разработок. — Свердловск, 1989.
11. *Синайский В. И.* Русское гражданское право. — М., 2002.

12. Советское гражданское право / под ред. О. С. Иоффе, Ю. К. Толстого, Б. Б. Черепахина. — Л., 1971. — Т. 1.
13. *Толстой В. С.* Исполнение обязательства. — М., 1973.
14. *Шершеневич Г. Ф.* Избранное : в 6 т. — М., 2017. — Т. 2.

Анжелика Владимировна УСТИНОВА,
старший преподаватель кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук
anzhelika-ustinova@list.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Проблемы в правовом определении технологий[1]

Аннотация. *В статье анализируются правовые основы формирования технологического суверенитета Российской Федерации в условиях глобальной конкуренции и вызовов современности. Современная цель законодателя в научно-технологической сфере состоит в необходимости построения единой согласованной правовой системы, способной управлять сложными процессами, начиная от фундаментальных научных исследований и завершая введением в гражданский оборот высокотехнологичной продукции. Автор выявляет правовую неопределенность термина «технология» в доктрине и действующем российском законодательстве и приходит к выводу, что она вызвана разными моделями правового регулирования. Анализируется ключевая роль договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ для регулирования правовых отношений в технологической сфере. Обосновывается важность системного подхода, при котором следует построить единую целостную систему правового регулирования отношений в технологической сфере, где технология — целостная управляемая система, а объекты, в том числе техника, — ее компоненты. В заключение предлагаются конкретные законодательные изменения, направленные на унификацию терминологии и повышение правовой определенности в технологической сфере развития.*

Ключевые слова: *технологический суверенитет, технология, техника, интеллектуальная собственность, НИОКР, договор подрядного типа*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.086-095

© Устинова А. В., 2026

[1] Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Anzhelika V. USTINOVA,
Senior lecturer of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)
anzhelika-ustinova@list.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Problems in the legal definition of technologies

Abstract. *This article analyzes the legal foundations for shaping the technological sovereignty of the Russian Federation in the context of global competition and contemporary challenges. The current goal of legislators in the scientific and technological sphere is the need to build a unified, coordinated legal system capable of managing complex processes, ranging from fundamental scientific research to the introduction of high-tech products into civil circulation. The author identifies the legal ambiguity of the term "technology" in doctrine and current Russian legislation and concludes that this is due to different models of legal regulation. The key role of contracts for research, development, and technological work in regulating legal relations in the technological sphere is analyzed. The importance of a systems approach is substantiated, which requires building a unified, comprehensive system of legal regulation of relations in the technological sphere, where technology is defined as a holistic and manageable system, and objects, including equipment, are its components. The article concludes by proposing specific legislative amendments aimed at unifying terminology and increasing legal certainty in the field of technological development.*
Keywords: *technological sovereignty, technology, engineering, intellectual property, R&D, contract type agreement*

> Научный, технологический суверенитет без всякого преувеличения, — вопрос настоящего и будущего России[2].
>
> *Президент РФ В. В. Путин*

Введение

Современная эпоха стремительно меняет традиционный уклад человеческой жизни, смещая акцент с физического труда и ресурсов на информационные системы. Все это ставит перед правовой системой задачу адаптации к новым реалиям. В этой связи справедливо писали Э. Бриниолфсон и Э. Макафи о том, что

[2] Доклад Президента Российской Федерации на заседании Совета по науке и образованию 08.02.2021 // URL: https://tass.ru/ekonomika/10649913 (дата обращения: 20.09.2025).

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ВЫПОЛНЕНИЮ РАБОТ

«технологии — это не судьба. Мы сами определяем свою судьбу»[3]. Итак, ключевым фактором устойчивого развития становится не столько сама технологическая составляющая, сколько институциональная среда, в которой она функционирует.

В ответ на указанные вызовы Российская Федерация активно предпринимает шаги по реформированию различных сфер жизни. Конституционные поправки 2020 г. закрепили в ве́дении Российской Федерации вопросы «информационных технологий» и «научно-технологического развития» (ст. 71 Конституции РФ), а также возложили на Правительство РФ обязанность по обеспечению «государственной поддержки научно-технологического развития» (ст. 114 Конституции РФ)[4]. Данные положения формируют конституционно-правовую основу технологического суверенитета нашего государства, подчеркивая его важность, наряду с такими аспектами как обеспечение законности, оборона, социальная защита и т.д. В этой связи постулат приоритета технологического развития требует основательного и последовательного подхода к разработке и реализации соответствующих механизмов.

Общее представление о технологии

Прежде чем приступать к формированию правового представления о технологии, важно обратиться к ее генезису. Сам термин «технология» изначально представлял собой совокупность знаний и умений для практико-ориентированного преобразования окружающей среды. С развитием промышленности и науки его содержание расширилось за счет включения механизмов, процессов и методов, а в XXI веке — алгоритмов и информационных систем.

В современной научной литературе предлагаются самые разные дефиниции этого термина. Так, в энциклопедических словарях под технологией понимается «совокупность приемов и способов обработки материалов»[5] или «научное описание способов производства»[6]. Более широкое понимание дают Т. Дерри и Т. Уильямс, определяя технологию как «множество знаний и умений, благодаря которым человек изменяет среду своего обитания, поэтому история технологии — предмет комплексный и многообразный»[7]. Эта трактовка особенно значима для права, поскольку акцентирует внимание не на технических аспектах, а на способности человека трансформировать реальность с помощью системы знаний.

---

[3] *Бриньолфсон Э., Макафи Э.* Вторая эра машин. Работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий / пер. с англ. П. Миронова. М. : АСТ, 2017. С. 331.

[4] Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Большая советская энциклопедия // URL: https://gufo.me/dict/bse/технология.

[6] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1991.

[7] *Дерри Т., Уильямс Т.* Краткая история технологий. Идеи, процессы и устройства, при помощи которых человек изменяет окружающую среду с древности до наших дней. М., Центрполиграф, 2019. С. 10.

В юридической доктрине единого подхода к определению технологии не сложилось. Так, П. Е. Власов характеризует ее как «...алгоритмическая совокупность знаний, навыков, приемов, использование или применение которых в соответствующей области науки, ремесле, учении позволяет существенно упростить достижение искомого результата»[8].

Интересный подход предложен А. М. Рожковой и О. В. Исаевой, предложившими разграничить слова «технический» и «технологический» в зависимости от семантического компонента[9]. В цифровизационном контексте особое значение приобретает определение Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина, рассматривающих информационно-коммуникационные технологии как «интегрированную систему методов, процессов и программно-технических средств для работы с информацией»[10].

Все перечисленные подходы к пониманию технологии отражают разные ее аспекты: философский (технологии в целом как любая человеческая деятельность) и предметно-технический (ограничение конкретной отраслью или конкретным подвидом технологий). Таким образом, до настоящего момента ученые не сформулировали единообразного понимания технологии как правового явления.

Понятие технологии в нормативных актах

Следующим закономерным этапом формирования представления о технологиях будет обращение к российским нормативным актам.

Конституция России постулирует ключевые основы научно-технологической деятельности. В частности, она устанавливает гарантии свободы научного и творческого труда, право на получение, распространение и доступ к информации (ст. 29), право на охрану интеллектуальной собственности (ст. 44) и т.д., которые раскрываются в иных законодательных актах. При этом закрепление научно-технологического развития в качестве конституционного приоритета[11], как указывалось ранее, повлекло за собой формирование единой системы правового регулирования в этой сфере.

Представляется, что сравнительный анализ источников следует начать с Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее — Закон о науке) и Федерального закона от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

---

[8] *Власов П. Е.* Содержание понятия «современные технологии» и риски их использования в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2025. № 5. С. 28—32.

[9] См.: *Рожкова М. А., Исаева О. В.* Понятие «технология» в контексте российского права // Хозяйство и право. 2021. № 3. С. 21—29.

[10] См.: *Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. С. 90.

[11] Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. Ст. 71 // СПС «КонсультантПлюс».

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ВЫПОЛНЕНИЮ РАБОТ

(далее — Закон о технологической политике), поскольку сфера действия данных актов непосредственно является технологической.

Закон о науке рассматривается как классический правовой акт, определяющий основы государственной политики в научно-технической сфере. Согласно преамбуле, предмет его регулирования охватывает отношения, касающиеся реализации функций государства в научно-технической сфере. Чтобы понять цель принятия данного акта, а также содержательный аспект, важно обратиться к историко-политическим и социальным аспектам.

С начала 1990-х гг. динамика государственного финансирования отечественной науки, а следовательно, численность работников, занятых исследованиями, стремительно снижались[12]. Данный этап определяется как «дезинтеграция и выживание научно-технологической системы»[13]. Распад СССР привел к кризису научной инфраструктуры, утечке кадров и прекращению долгосрочных исследовательских программ.

В этих условиях отечественный законодатель осознавал ключевую важность сохранения национального научно-технического актива. Именно данный посыл и стал главным для формирования новой правовой модели, закрепленной в Законе о науке, посредством которого законодатель стремился стабилизировать существующую систему, определить правовой статус субъектов научно-технической деятельности, определить функции государства в названном направлении. Поэтому закономерно закрепление в ст. 2 анализируемого акта понятий «научная (научно-исследовательская) деятельность», «научно-техническая деятельность», «государственная научно-техническая политика» и т.д. Резюмируя, можно сказать, что изначальная направленность Закона о науке концентрировалась на стадиях научного исследования и разработок. Отсюда вполне объяснимо, что в тексте акта активно используется термин «техника» и производные от него словосочетания.

В условиях «встраивания в глобальное научное пространство и глобальные производственно-технологические цепочки»[14] необходимость реализации в гражданском обороте произведенной на основе научно-исследовательской деятельности продукции привела к пониманию, что одной только отечественной научно-исследовательской деятельности недостаточно. В этой связи в 2011 г. в анализируемый акт внесены важные изменения, в том числе посредством дополнения его текста понятиями «коммерциализация научных и (или) научно-технических результатов», «инновационная деятельность», «научный и (или) научно-технический результат» и т.д.[15]

---

[12] Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года, утв. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике 15.02.2006. М. : Минобрнауки РФ, 2006.

[13] Концепция технологического развития на период до 2030 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р // СПС «КонсультантПлюс».

[14] Концепция технологического развития на период до 2030 года.

[15] Определение термина «технология» можно найти в ряде законодательных актов, принятых позднее, чем Закон о науке: в Федеральном законе от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», в части четвертой Гражданского

Современный период развития нашего государства характеризуется как «третий этап технологического развития российской экономики»[16], символизирующий переход к «инновационно ориентированному экономическому росту» и лидерству в критически важных направлениях в части технологий. Вместе с тем Закон о науке всецело не нацелен на создание для гражданского оборота научно-технологического результата. Потребовался правовой акт, который регулировал отношения в научно-технологической сфере с учетом системных вызов современности. Таковым стал принятый в 2025 г. Закон о технологической политике. Последний существенно отличается от Закона о науке четкостью целей, которые он преследует, и прикладным характером поставленных задач (внедрение критических и сквозных технологий, создание и внедрение в гражданский оборот высокотехнологичной продукции, создание инфраструктуры развития технологий и т.д. (ст. 4 Закона)).

Особое значение имеет закрепленное в п. 15 ст. 3 Закона о технологической политике определение понятия технологии как «совокупности научно и практически обоснованных методов, средств, операций и (или) процессов, необходимых для преобразования энергии, вещества, информации в целях производства одного или нескольких видов продукции, выполнения работ, оказания услуг». Толкование указанной дефиниции определяет технологию как переход от научных знаний к производственно-коммерческой реализации[17].

Отказ в Законе о науке от термина «техника» — это шаг в сторону правовой трансформации к модели обеспечения технологического суверенитета. Представляется, что техника являет собой некое благо, которое может быть объектом правоотношений для удовлетворения имущественных и неимущественных потребностей; технология же — совокупность элементов, которыми можно управлять, а значит, урегулировать посредством правовых норм и принципов, начиная от карт технологической кооперации до обязательств по созданию собственных

кодекса РФ, до 01.01.2022, в ГОСТ Р 57194.1-2016 «Национальный стандарт Российской Федерации. Трансфер технологий. Общие положения» (п. 3.9).

[16] Концепция технологического развития на период до 2030 года.

[17] Похожее понимание термина «технология» можно обнаружить в других нормативных актах. Например, в соответствии со Стандартом Банка России «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Общие положения» СТО БР ИББС-1.0-2014, принятым и введенным в действие распоряжением Банка России от 17.05.2014 № Р-399, технология — совокупность взаимосвязанных методов, способов, приемов предметной деятельности. Также Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 59853-2021 «Информационные технологии. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Автоматизированные системы. Термины и определения», утв. и введенный в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 19.11.2021 № 1520-ст, содержит следующее понимание информационных технологий: приемы, способы и методы применения средств вычислительной техники при выполнении функций сбора, хранения, обработки, передачи и использования данных.

линий разработки в рамках технологий[18]. При этом данное заключение не исключает того, что техника может быть результатом технологии.

Нельзя не сказать, что приведенный в Законе о технологической политике содержательный компонент понятия «технология» находится в противоречии с положениями законодательных актов в иных сферах. В качестве иллюстрации приведем следующее: алгоритм искусственных нейронных сетей может быть квалифицирован следующим образом:

— технология — совокупность методов и процессов для преобразования информации;
— объект интеллектуальной собственности (программа для ЭВМ, база данных, изобретение, ноу-хау);
— результат научно-технической деятельности в рамках договоров на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ[19] (далее — договоры на выполнение НИОКР).

Таким образом, отсутствие единого понятия технологии в российском законодательстве — результат смены моделей правовой парадигмы. Закон о науке, часть четвертая Гражданского кодекса РФ и иная нормативная база созданы в период, когда стратегической задачей регулирования были создание, учет и охрана результатов научно-технической деятельности как продукта интеллектуального труда. Напротив, Закон о технологической политике нацелен на период технологического суверенитета, где приоритетом становится сам процесс коммерциализации объекта, требующий управления. Кроме того, Закон о технологической политике комплексно подошел к бюджетной составляющей исследований, предусмотрев финансирование фундаментальных научных исследований со стороны государства, в которых не всегда заинтересованы коммерческие организации, желающие получить прибыль за счет прикладных исследований. В этой связи органы государственной власти для реализации поставленный задач уже создают и будут в дальнейшем создавать соответствующие условия, в том числе для стимулирования выполнения НИОКР.

Гражданские договоры на выполнение НИОКР играют определяющую роль в части регулирования правовых отношений в технологической сфере. Это объясняется прежде всего тем, что их целевая направленность связана с получением определенного нового результата, в том числе патентоспособного объекта интеллектуальной собственности. Договоры на выполнение НИОКР непосредственно предназначены для правового оформления отношений, направленных на создание новых знаний, технических решений и технологий, что требуется для современной России. В этой связи понятна была законодательная логика

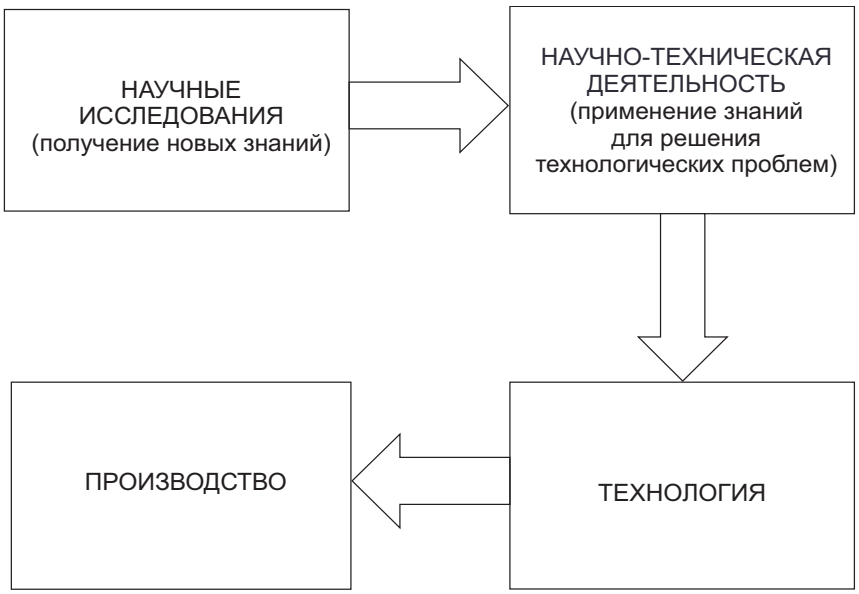
[18] Подобную практику целеполагания можно найти в нормативной базе других государств. К примеру, США Закон о чипах принимался в 2022 г. для стимулирования национальных научных исследований и производства полупроводников как ответ на геополитическую конкуренцию со стороны других государств. Этот акт предусматривает целевые инвестиции, стимулирует создание собственных линий разработки и производства, устанавливает жесткие критерии для получения государственной поддержки.

[19] Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Гл. 38 // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

необходимости выделения данного явления в качестве отдельного института гражданского права с установлением особых положений о субъектном составе, распределении рисков, правах и обязанностях сторон и т.д.

Вместе с тем анализ ст. 8 Закона о науке показывает, что данный акт использует терминологию, которая находится в явном противоречии с положениями Гражданского кодекса РФ. К примеру, речь идет об использовании собирательного понятия договоров без указания на однозначно сформировавшуюся терминологическую базу[20], нашедшую воплощение в гл. 38 ГК РФ. Безусловно, подобный подход создает коллизии, в том числе при квалификации возникающих отношений в практической деятельности.

Можно заключить, что производство представляет собой практическую реализацию технологии для создания конкурентоориентированной продукции (товаров, работ, услуг). Данный производственный цикл можно представить в виде схемы.



Учитывая изложенное, можно утверждать, что современная цель законодателя в научно-технологической сфере состоит в необходимости построить единую согласованную правовую систему, способную управлять сложными процессами развития — от фундаментальных научных исследований до обеспечения введения в гражданский оборот высокотехнологичной продукции.

Более того, анализ законодательства в технологической сфере позволил предложить возможность внесения следующих изменений.

[20] Так, ст. 8 Закона о науке указывает на «договоры (контракты) на создание, передачу и использование научной и (или) научно-технической продукции, оказание научных, научно-технических, инженерно-консультационных и иных услуг, а также другие договоры...».

Во-первых, в условиях постулата технологического развития необходимо закрепить в ст. 2 Закона о технологической политике приоритет данного акта над иными в указанной сфере.

Во-вторых, Классификатор правовых актов, утвержденный Указом Президента РФ от 15.03.2000 № 511[21], имеет подраздел «Наука» об основных моментах научно-технической деятельности, куда следует добавить словосочетание «технологическая деятельность».

В-третьих, толкование конституционных положений и Закона о технологической политике позволяет сделать вывод о возможности принятия на региональном и муниципальном уровнях программ и политики в части научно-технологического развития. Поэтому в соответствии с концепцией технологического развития изменения должны коснуться не только федерального уровня, но и регионального и даже местного. В качестве иллюстрации приведем закон Республики Башкортостан от 02.03.1994 «О научной и научно-технической деятельности в Республике Башкортостан», в основу которого положена научно-техническая деятельность без ориентации на введение произведенной на основании нее продукции в гражданский оборот[22].

Заключение

Научная составляющая в России становится основой для технологических инноваций, тем самым обеспечивается создание устойчивых, инновационно ориентированных производственных цепочек, способных обеспечить технологический суверенитет и долгосрочное экономическое развитие нашего государства. Вместе с тем правовая неопределенность термина «технология» в действующем законодательстве вызвана разными моделями правового регулирования.

Для предотвращения правовой неопределенности важно построить единую систему правового регулирования отношений в технологической сфере, где технология — целостная, управляемая, стратегически значимая для государства система, а объекты, в том числе техника, — только ее компоненты.

[21] Указ Президента РФ от 15.03.2000 № 511 «О классификаторе правовых актов» // СПС «КонсультантПлюс».

[22] Закон Республики Башкортостан от 02.03.1994 № ВС-22/39 «О научной и научно-технической деятельности в Республике Башкортостан» // URL: https://docs.cntd.ru/document/935107797 (дата обращения: 23.09.2025).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). — М. : ИКАР, 2009.
2. Большая советская энциклопедия // URL: https://gufo.me/dict/bse/технология (21.10.2025).
3. *Бриньолфсон Э., Макафи Э*. Вторая эра машин. Работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий / пер. с англ. П. Миронова. — М. : АСТ, 2017.
4. *Вавилин Е. В.* Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права // Вестник Томского государственного университета. — Право. — 2021. — № 6 (42).
5. *Власов П. Е.* Содержание понятия «современные технологии» и риски их использования в уголовном судопроизводстве // Российский судья. — 2025. — № 5.
6. *Гумеров Л. А.* Регулирование правоотношений в научно-технологической сфере : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. — М., 2022.
7. *Деррi Т., Уильямс Т*. Краткая история технологий. Идеи, процессы и устройства, при помощи которых человек изменяет окружающую среду с древности до наших дней. — М. : Центрполиграф, 2019.
8. *Козлова Е. Б.* Дефекты правового регулирования договорных отношений в сфере трансфера технологий // Цивилист. — 2024. — № 4.
9. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М., 1991.
10. *Рожкова М. А., Исаева О. В.* Понятие «технология» в контексте российского права // Хозяйство и право. — 2021. — № 3.
11. *Устинова А. В.* Гражданско-правовая охрана интернет-вещания : монография / отв. ред. А. Г. Матвеев. — М. : Юстицинформ, 2024.

Обязательства по оказанию услуг

Договор консигнации: проблемы правовой квалификации

Людмила Юрьевна ВАСИЛЕВСКАЯ,
профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
ljvasilevskaja@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *В целях определения правовой природы договора консигнации анализируются нормы различных договоров в ГК РФ, делается вывод о консигнации как разновидности посреднических услуг. Опираясь на базовые положения науки гражданского права, автор рассматривает особенности договорной конструкции консигнации как особого вида договора комиссии. Рассматриваются сфера применения и конститутивные признаки договора консигнации, отделяющие его от классической договорной конструкции комиссии и определяющие основную сферу действий консигнатора (посредника) — сделки в сфере оптовой торговли. Делается вывод о необходимости закрепления правового механизма участия консигнатора в гражданском обороте и установления правил для совершения им сделок с третьими лицами от своего собственного имени, но за счет консигнанта (собственника товара) по модели косвенного представительства.*

Ключевые слова: *договор, консигнация, возмездное оказание услуг, договор комиссии, комиссионная продажа товаров, консигнант, консигнатор, косвенное представительство*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.096-105

© Василевская Л. Ю., 2026

Liudmila Ju. VASILEVSKAYA,
Professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation
ljvasilevskaja@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Consignment Agreement: Legal Qualification Issues

Abstract. *In order to determine the legal nature of the consignment agreement, the norms of various agreements in the Civil Code of the Russian Federation are analyzed, and is made a conclusion about consignment as a type of intermediary services. Based on the basic provisions of the science of civil law, the author considers the peculiarities of the contractual construction of consignment as a special type of commission agreement. The scope and constitutive features of the consignment agreement are considered, separating it from the classic contractual design of the commission and determining the main scope of the consignor (intermediary) — transactions in the field of wholesale trade. It is concluded that it is necessary to consolidate the legal mechanism of the consignor's participation in civil circulation and establish rules for him to make transactions with third parties on his own behalf, but at the expense of the consignee (owner of the goods) according to the indirect representation model.*

Keywords: *agreement, consignment, provision of services for a fee, commission agreement, commission sale of goods, consignor, consignee, indirect representation*

Для цивилистики и юридического сообщества 2026 г. является знаковым: с момента принятия Федерального закона от 26.01.1996 № 15-ФЗ «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российский Федерации» прошло 30 лет. В соответствии со ст. 1 указанного Закона, Гражданский кодекс РФ введен в действие с 01.03.1996. В 30-летний юбилей со дня принятия части второй ГК РФ многие юристы-теоретики и практики отмечают жизнеспособность и устойчивость различных договорных конструкций, сформированных в цивилистике благодаря принятым еще в далеком 1996 г. нормам Кодекса, позволяющим на практике успешно решать не только вопросы правовых последствий неисполнения или ненадлежащего исполнения конкретных договорных обязательств, но и проблемы регулирования отношений при пробельности в праве и законодательстве. К таким отношениям относятся отношения консигнации.

Отсутствие нормативного регулирования консигнации, частично восполняемого (допускаемого предписаниями ст. 6 ГК РФ) применением гражданского законодательства по аналогии, порождает на практике немало проблем, связанных прежде всего с необходимостью формирования новых правовых конструкций,

поиска определения их места в системе договорного права и соответствующей надлежащей регламентации.

Вопросы о правовых особенностях договора консигнации поднимались в науке гражданского права за последние годы неоднократно. Экономические отношения консигнации (лат. consignatio, англ. consignment — документ, письменное доказательство) в доктрине чаще всего связывают с возмездным оказанием услуг по комиссионной продаже товаров. Речь идет об особой (видовой) конструкции комиссии, предназначенной для использования прежде всего во внешней торговле[1]. Эта позиция, первоначально высказанная известным дореволюционным и советским цивилистом В. А. Краснокутским, разделяется в настоящее время многими авторами[2]: консигнация традиционно считается инструментом внешнеторговой деятельности, «порождением международной коммерческой практики»[3].

Вместе с тем не существует законодательного запрета для трактовки консигнации как вида договора комиссии, приспособленного к применению на внутреннем рынке в сфере оптовой торговли, о чем свидетельствует и судебная практика. Поскольку консигнация является прежде всего институтом современного lex mercatoria, считается, что стороны договора консигнации должны принадлежать к разным государствам, так как консигнация опосредует экспортно-импортные операции. Если принять во внимание факт распространения отношений консигнации в сфере не только в транснациональной, но и национальной торговли, то данный признак не является существенным[4].

В доктрине по вопросу определения понятия договора консигнации, его юридической природы и конститутивных признаков, позволяющих отграничить данный договор от сходных правовых конструкций, высказаны различные суждения. Так, по мнению М. А. Зинковского, консигнация в большинстве случаев опосредует отношения продавца (поставщика, консигнанта) и покупателя (консигнатора) — субъектов предпринимательской деятельности, поэтому к нему применимы положения ГК РФ о договоре поставки[5]. По мнению автора, в этом договоре как разновидности посреднических сделок содержатся элементы договора комиссии и договора хранения. Договор консигнации может, как считает автор, содержать также элементы соглашения об оказании услуг (маркетинг, мониторинг рынка, транспортная экспедиция, доставка, логистика и т.д.)[6].

---

[1] См.: *Краснокутский В. А.* Договор комиссии. М., 1925. С. 20.

[2] См.: *Пугинский Б. И.* Коммерческое право России. М. : Зерцало-М, 2009. С. 103—105 ; *Стригунова Д. П.* Некоторые проблемы конвенционного регулирования договора международной купли-продажи // Международное публичное и частное право. 2017. № 3. С. 26—29 ; *Вилкова Н. Г., Комаров А. С., Присяжнюк А. Н.* Правовое регулирование международных торговых операций в Российской Федерации : учебное пособие / под ред. А. С. Комарова. 2-е изд., испр. и доп. М. : ВАВТ Минэкономразвития России, 2009. § 4.3.

[3] См.: *Бирюков А. А.* Использование конструкции консигнации в договорных связях российских хозяйствующих субъектов // Российская юстиция. 2015. № 9. С. 16—18.

[4] См.: *Бирюков А. А.* Указ. соч. С. 16—18.

[5] См.: *Зинковский М. А.* Договор консигнации в торговой практике // Хозяйство и право. 2010. № 7. С. 40.

[6] См.: *Зинковский М. А.* Указ. соч. С. 40.

Позиция М. А. Зинковского отражает не только многообразие подходов в трактовке консигнации как договора, связанного с оказанием услуг, но и основной изъян в вариационной палитре суждений авторов — отсутствие надлежащей правовой аргументации, во многом связанной с тем, что в законодательстве не содержатся нормы, регулирующие отношения консигнации.

Суть договора многими авторами сводится к тому, что консигнант — собственник товара — передает его на консигнационный склад консигнатору, который в течение определенного времени обязуется продать его за согласованное в договоре вознаграждение. В зависимости от условий конкретной сделки договор консигнации, как считают многие авторы, может сочетать в себе разные элементы из вышеуказанных договоров[7].

Следуя принципу свободы договора, стороны при определении существенных условий договора консигнации, могут, по мнению авторов, применять нормы ГК РФ о комиссии, поставке, хранении, а также положения иных нормативных актов, позволяющих квалифицировать данный договор как смешанный, в котором в качестве главного условия предусмотрено проведение консигнатором складских операций с товаром консигнанта с его последующей реализацией (продажей) третьим лицам.

В случае рассмотрения консигнации как смешанного договора стороны, формулируя его условия, могут использовать отдельные элементы договора поставки. Например, можно предусмотреть передачу товара на склад консигнатора партиями, в определенные периоды (ст. 508 ГК РФ). Исходя из специфики склада, консигнатор может быть заинтересован в определенном ассортименте товара (ст. 467, 512 ГК РФ), доставке товара на склад определенным видом транспорта, в определенной таре или упаковке и т.д.

Следует обратить внимание на два подхода в доктрине к правовой квалификации договора консигнации. Суть первого подхода: договор консигнации представляет собой смешанный договор, сочетающий условия договоров хранения и комиссии, поставки и комиссии, хранения и агентского договора (рассматриваемого по модели комиссии)[8]. Сущность второго подхода в ином — в трактовке договора консигнации как особого вида договора комиссии.

Рассмотрение консигнации как видовой конструкции договора комиссии в настоящее время представлено в трудах многих известных авторов — В. В. Витрянского[9], Б. И. Пугинского[10], А. С. Комарова[11], В. А. Канашевского[12] и др. Этот

---

[7] См.: *Одегнал Е. А., Анучкина А. Д.* Немодельные договоры в современной правовой системе России // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9. С. 1913—1918 ; Предпринимательское право : учебник : в 2 т. М. : Проспект, 2023. Т. 2 / под ред. В. Ф. Попондопуло. С. 28—39 (автор гл. 21 — К. К. Лебедев).

[8] См.: *Одегнал Е. А., Анучкина А. Д.* Указ. соч. С. 1913—1918.

[9] См.: *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Книга третья : Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М. : Статут, 2002. С. 421—422.

[10] См.: *Пугинский Б. И.* Указ. соч. С. 103, 105.

[11] См.: *Вилкова Н. Г., Комаров А. С., Присяжнюк А. Н.* Указ. соч. § 4.3.

[12] См.: *Канашевский В. А.* Агентские соглашения и договоры комиссии во внешнеторговом обороте // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 96—104.

подход нашел отражение и в учебной литературе — в учебниках по гражданскому праву под редакцией известных цивилистов Е. А. Суханова[13], Ю. К. Толстого и А. П. Сергеева[14] и др.

В отличие от доктринального подхода к трактовке договора консигнации как смешанного договора, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (п. 3 ст. 421 ГК РФ), отечественная судебная практика, в том числе и МКАС, идет по пути толкования договора консигнации в качестве особого вида договора комиссии[15]. Нередко суды в своих решениях отождествляют консигнацию с комиссией[16].

Таким образом, опираясь на преобладающую позицию судов по вопросу правовой квалификации консигнации, доктринальную трактовку консигнации как одного из видов комиссионных договоров, а также учитывая специфику правоотношения[17] между участниками договора и влияние правоприменительной практики на регламентацию гражданских правоотношений[18] можно сделать вывод о том, что консигнация — это особый вид посреднических услуг, с помощью которых происходит правовое оформление отношений консигнанта (собственника товара) и консигнатора (посредника), принимающего на себя обязанность по поручению консигнанта совершить сделки по оптовой продаже товара, переданного на склад консигнатора.

---

[13] См.: Российское гражданское право : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов : в 2 т. М. : Статут, 2017. Т. 2 : Обязательственное право. Гл. 45. § 5.

[14] См.: Гражданское право : учебник : в 3 т. М. : ТК Велби, Проспект, 2005. Т. 2 / отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. С. 659—660.

[15] См.: определение Верховного Суда РФ от 22.05.2023 № 309-ЭС23-6723 по делу А50-1746/2021 ; постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.11.2023 № 20АП-7321/2023 по делу № А54-1365/2023 ; решение Арбитражного суда г. Москвы от 01.07.2022 по делу № А40-161563/2021-104-1187 ; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.02.2023 № 09АП-3364/2023 по делу № А40-177742/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[16] См.: определение Верховного Суда РФ от 06.10.2020 № 305-ЭС20-14080 по делу № А40-314275/2019 ; решение Арбитражного суда Краснодарского края от 17.09.2025 по делу № А32-21369/2024 ; постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.10.2022 № 11АП-14781/2922 по делу № А65-2002/2022 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.12.2022 № Фщ5-30769/2022 по делу № А40-161563/2021 ; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.09.2022 № 09АП-56702/2022-ГК по делу № А40-161563/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[17] См.: *Вавилин Е. В.* Гражданское правоотношение в механизме реализации субъективного права и исполнения субъективной обязанности // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 49—59 ; *Вавилин Е. В.* Проблемы защиты гражданских прав // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 1. С. 174—178.

[18] См.: Гражданское законодательство и судебная практика: проблемы взаимодействия : монография / отв. ред. В. Л. Слесарев. М. : Проспект, 2017. С. 24—28 (автор § 3 гл. 1 — Б. А. Булаевский) ; Модернизация гражданского законодательства: правовой опыт и направления развития: монография / под общ. ред. Е. В. Вавилина, Л. Ю. Василевской. М. : Проспект, 2025. С. 338—358 (автор § 1 гл. 6 — Е. Б. Козлова).

Рассматривая консигнацию как вид комиссии, необходимо обратить внимание на ее видообразующий признак, отделяющий ее от классической конструкции комиссии и определяющий основную сферу юридических действий консигнатора — это сделки в сфере оптовой торговли, что дает возможность выделить основные родовые признаки консигнации как особого (видового) договора комиссии:

— консигнация относится к группе договоров, опосредующих возмездное оказание услуг по модели косвенного представительства;
— консигнатор совершает сделки продажи товара с третьим лицом от своего собственного имени, но за счет консигнанта.

Отнесение консигнации к определенному виду услуг вовсе не означает, что правовое регулирование рассматриваемых отношений должно подпадать под действие норм гл. 39 ГК РФ. Специфика консигнации как вида договора комиссии, приспособленного к его использованию в торговле, исключает возможность применения норм гл. 39 ГК РФ о возмездном оказании услуг.

Как отмечает известный цивилист В. В. Витрянский, «выделив договоры поручения, комиссии и иные, прямо упомянутые в ГК одноименные договоры, действительно обладающие признаками возмездного оказания услуг, законодатель тем самым заведомо противопоставил их любому другому указанному в ГК типу (виду) договоров. В данном случае он, в частности, исходил из того, что договоры, наделенные иными, чем предусмотренные в п. 1 ст. 779 ГК, признаками, к договорам на возмездное оказание услуг именно по этой причине относиться не могут»[19]. Поэтому рассмотрение консигнации в рамках предусмотренной в гл. 51 ГК РФ правовой модели комиссии расходится не только с основными принципами построения гл. 39 ГК РФ о возмездном оказании услуг, но и с предусмотренными законодателем особенностями конструкции правоотношений в указанной главе Кодекса.

Следовательно, регулирование отношений консигнации должно опираться прежде всего на нормы гл. 51 ГК РФ («Комиссия»). Пункт 3 ст. 990 главы ГК РФ о комиссии допускает, что законом и иными правовыми актами могут быть предусмотрены особенности отдельных видов договора комиссии. По мнению В. В. Витрянского, указанная норма позволяет сделать вывод о приоритете положений, включенных в ГК РФ[20]. Это означает, что к числу актов, применяемых для регулирования отношений консигнации, в субсидиарном порядке могут относиться те из них, которые посвящены различной по характеру деятельности, в рамках которой принимает участие консигнатор, например, такие акты, как, например:

— Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ (в ред. от 28.12.2024) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (гл. 60 «Таможенный представитель»);
— Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (гл. 55 «Таможенный представитель»);

[19] *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Указ. соч. С. 226.
[20] *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Указ. соч. С. 423.

— Правила продажи непродовольственных товаров, принятых на комиссию (п. 32—34)[21].

Применение в субсидиарном порядке приводимых выше актов связано с тем, что консигнационные соглашения[22] получили широкое распространение в сфере таможенной деятельности, что связано с использованием таможенного склада консигнатора, получившего товар от собственника-консигнанта. В числе актов, специально посвященных определенному виду комиссионной деятельности консигнатора, можно назвать и Правила продажи непродовольственных товаров, принятых на комиссию и утвержденных Правительством РФ от 31.12.2020 № 2463, которыми регулируются не только внутренние консигнационные отношения между консигнантом и консигнатором, но и внешние отношения (по продаже товаров) между консигнатором и третьим лицом (покупателем товара, находящемся на складе консигнатора).

Важное практическое значение для регулирования отношений консигнации имеют и обзоры практики рассмотрения судами отдельных категорий споров, утвержденных Президиумом Верховного Суда РФ (а ранее — информационные письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ). Правовые позиции Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ по разрешению споров по договору комиссии[23], не являясь источниками права, представляют собой рекомендации, которые определенным образом ориентируют суды в решении вопросов консигнации, а следовательно, и участников судебных споров, тем самым содействуя установлению единообразия в понимании и применении судами гражданско-правовых норм о комиссии в отношении такой его видовой конструкции, как консигнация.

Таким образом, рассмотренные выше особенности консигнации позволяют сформулировать не только определение договора консигнации, но и отразить в нем определяющие признаки.

По договору консигнации одна сторона (консигнатор) обязуется за вознаграждение в течение определенного срока продать от своего имени, но за счет

---

[21] См.: постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 (ред. от 17.05.2024) «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[22] См.: *Василевская Л. Ю.* Договор и соглашение в гражданском праве: критерии разграничения понятий // Юрист. 2017. № 22. С. 9—13.

[23] См.: Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.11.2004 № 85 «Обзор практики разрешения споров по договору комиссии» ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС «КонсультантПлюс».

другой стороны (консигнанта) товары, переданные ему консигнантом[24]. Такой подход позволяет выделить не только общее и особенное в двух договорных конструкциях — консигнации и комиссии, но и обратить внимание на отличия консигнации от комиссии.

1. Из определения договора консигнации следует, что он обладает набором сходных с комиссией признаков, а именно: по правовой природе он *является консенсуальным, двусторонне обязывающим и возмездным.* Договор считается *заключенным с момента подписания его сторонами* — консигнантом и консигнатором. Кроме *выплаты консигнационного вознаграждения*, консигнант обязывается к уплате *дополнительного вознаграждения* в случае, когда консигнатор принял на себя ручательство за исполнение сделки третьим лицом (*делькредере*).

2. Следует обратить внимание на специфику юридического посредничества в отношениях между консигнантом и консигнатором. Смысл юридической услуги консигнатора — *в получении консигнатором возможности выступать в качестве стороны сделки, действуя от своего имени, но в чужих интересах — интересах консигнанта.* Речь идет о так называемом *косвенном представительстве*, предполагающем совершение посредником (консигнатором) от своего имени сделки с третьим лицом, вследствие чего посредник приобретает права и становится обязанным по отношению к третьему лицу, а затем переносит посредством уступки и перевода долга эти права и обязанности на консигнанта.

3. *Суть действий консигнатора — в совершении не любых сделок, а лишь сделок купли-продажи,* в которых консигнатор выступает *продавцом.* Договор консигнации оформляет отношения *торгового посредничества*: речь идет только *о продаже консигнатором товаров, собственником которых является консигнант.* Сфера его применения — *оптовая торговля.*

В отличие от договора консигнации, сделки, совершаемые комиссионером по исполнению комиссионного поручения, не исчерпываются договорами продажи товара, эти сделки могут заключаться и для покупки товаров комиссионером. Сделки комиссионера не ограничиваются куплей-продажей товара. «Комиссионная задача, — как отмечал известный цивилист дореволюционной России Г. Ф. Шершеневич, — может состоять в совершении операций по страхованию, по подписке на акции, по акцепту векселя, по отправке товаров»[25]. Это означает, что *договор комиссии оформляет отношения коммерческого посредничества, выходящего за рамки торгового посредничества по продаже товаров***,** сфера его применения распространяется от бытовых сделок в комиссионных магазинах до торгово-посреднических операций и биржевой торговли.

4. Если комиссионер обязуется совершить одну или несколько сделок от своего имени, но за счет комитента (п. 1 ст. 990 ГК РФ), то консигнатор обязуется на совершение сделок по продаже товара консигнанта лишь в рамках определенного срока. Следовательно, *консигнатор заинтересован совершить от своего*

[24] Для сравнения определения договора консигнации см., например: Экспортно-импортные операции. Правовое регулирование : сборник / под ред. В. С. Позднякова. М. : Международные отношения, 1970. С. 276.

[25] *Шершеневич Г. Ф.* Курс торгового права. М. : Статут, 2003. Т. 2 : Товар. Торговые сделки. С. 159. (Серия : Классика российской цивилистики).

имени, но за счет консигнанта и в рамках определенного договором срока то количество сделок, которое позволит ему исполнить свою договорную обязанность по продаже оптового товара консигнанта.

5. *Отношения комиссионного посредничества, в том числе и консигнационного, построены по модели косвенного представительства.*

Стороной заключенных в интересах консигнанта сделок становится *консигнатор (посредник)*, который действует *от своего имени,* поэтому *он приобретает по этим сделкам права и обязанности, передаваемые впоследствии консигнанту***.** Этот переход прав и обязанностей подчиняется, как отмечалось выше, общим правилам об уступке требования и переводе долга. Следовательно, все спорные вопросы по продаже товара контрагент должен решать с консигнатором, а не с консигнантом.

В отношениях торгового посредничества в консигнации есть одно существенное отличие от комиссионного посредничества: консигнатор всегда выступает продавцом товара консигнанта, а комиссионер — это не только продавец товара комитента, но, возможно, в зависимости от условий договора, и приобретатель товара для комитента.

6. *Возмездный характер* консигнации и комиссии, обусловленный отношениями коммерческого (в том числе и торгового) посредничества при комиссии и консигнации, *исключает личностно-доверительный характер этих договоров* — договоров консигнации и комиссии. По общему правилу и у комиссионера и консигнатора, действующих в рамках поручений со стороны своих контрагентов — комитента или консигнанта, нет обязанности исполнить поручение лично, если личный характер исполнения этого поручения не согласован сторонами в договорах комиссии и консигнации.

7. Сфера применения договора консигнации (оптовая торговля) определяет и особенности его субъектного состава. *Консигнантом и консигнатором* могут быть *индивидуальные предприниматели и коммерческие организации.* Деятельность консигнанта и консигнатора относится *к предпринимательской***.** Участие профессионального торгового посредника (консигнатора) избавляет как консигнанта (собственника товара), так и третьего лица — покупателя товара от многих проблем, связанных с поиском контрагентов, оформлением и исполнением совершенных с ними сделок. В отличие от консигнанта, комитентом может быть физическое лицо, не имеющее статуса индивидуального предпринимателя, поскольку договор комиссии можно заключать и для совершения бытовых сделок в комиссионных магазинах.

Таким образом, предложенный нами подход к разграничению двух договорных конструкций — консигнации и комиссии — дает возможность решить проблему правовой неопределенности в квалификации консигнации как договора. Это означает необходимость закрепления правового механизма участия консигнатора в гражданском обороте и установления правил для совершения им сделок с третьими лицами от своего собственного имени, но за счет консигнанта (собственника товара) по модели косвенного представительства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бирюков А. А.* Использование конструкции консигнации в договорных связях российских хозяйствующих субъектов // Российская юстиция. — 2015. — № 9. — С. 16—18.
2. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Книга третья : Договоры о выполнении работ и оказании услуг. — М. : Статут, 2002. — 1038 с.
3. *Вавилин Е. В.* Гражданское правоотношение в механизме реализации субъективного права и исполнения субъективной обязанности // Журнал российского права. — 2007. — № 7. — С. 49—59.
4. *Вавилин Е. В.* Проблемы защиты гражданских прав // Известия высших учебных заведений. — Правоведение. — 2009. — № 1. — С. 174—178.
5. *Василевская Л. Ю.* Договор и соглашение в гражданском праве: критерии разграничения понятий // Юрист. — 2017. — № 22. — С. 9—13.
6. Гражданское законодательство и судебная практика: проблемы взаимодействия : монография / отв. ред. В. Л. Слесарев. — М. : Проспект, 2017. — 176 с.
7. *Зинковский М. А.* Договор консигнации в торговой практике // Хозяйство и право. — 2010. — № 7. — С. 40—49.
8. *Канашевский В. А.* Агентские соглашения и договоры комиссии во внешнеторговом обороте // Журнал российского права. — 2014. — № 3. — С. 96—104.
9. *Краснокутский В. А.* Договор комиссии. — М., 1925. — 80 с.
10. Модернизация гражданского законодательства: правовой опыт и направления развития : монография / под общ. ред. Е. В. Вавилина, Л. Ю. Василевской. — М. : Проспект, 2025. — 416 с.
11. *Одегнал Е. А., Анучкина А. Д.* Немодельные договоры в современной правовой системе России // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 9. — С. 1913—1918.
12. *Стригунова Д. П.* Некоторые проблемы конвенционного регулирования договора международной купли-продажи // Международное публичное и частное право. — 2017. — № 3. — С. 26—29.
13. *Шершеневич Г. Ф.* Курс торгового права. — М. : Статут, 2003. — Т. 2 : Товар. Торговые сделки. — 544 с. (Серия : Классика российской цивилистики).

Татьяна Владимировна СОЙФЕР,
профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор
tvsojfer@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Действия в чужом интересе без поручения в фокусе судебной практики

Аннотация. *В статье рассматриваются сущность и значение правового института действий в чужом интересе без поручения с учетом позиций судебной практики, сформированных за 30-летний период применения норм гл. 50 ГК РФ. В результате анализа выявлено отсутствие единообразия в понимании ряда вопросов, в частности касающихся условий, необходимых для квалификации действий как совершаемых в чужом интересе без поручения, порядка извещения заинтересованного лица, допустимых вариантов выражения им мнения по поводу осуществляемых для него действий. Также уделяется внимание критериям соотношения обязательств из действий в чужом интересе без поручения со сходными правовыми категориями, в том числе обязательствами вследствие неосновательного обогащения, исследуются подходы к их оценке со стороны судебных органов. В результате сделан вывод о необходимости устранения выявленных правовых неопределенностей, создания условий для формирования однородной и позитивной судебной практики.*

Ключевые слова: *действия в чужом интересе без поручения, действующее лицо, заинтересованное лицо, одобрение действий, неосновательное обогащение, внедоговорные обязательства*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.106-115

Tatiana V. SOYFER,
Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor
tvsojfer@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Actions in another Person's Interest without Authorization in the Focus of Judicial Practice

Abstract. *The article examines the essence and significance of the legal institution of acting in someone else's interest without authorization, taking into account the positions of judicial practice, that have developed over a 30-year period of application of the provisions of Chapter 50 of the Civil Code of the Russian Federation. The analysis reveals a lack of uniformity in the understanding of a number of issues, in particular regarding the conditions necessary for qualifying actions as performed in the interest of another without authorization, the procedure for notifying an interested person, and acceptable options for expressing an opinion regarding actions performed*

© Сойфер Т. В., 2026

for them. Attention is also paid to the criteria for the correlation of obligations from actions in another person's interest without authorization with similar legal categories, including obligations resulting from unjust enrichment, and to examining approaches to their assessment by judicial authorities. As a result, it is concluded that it is necessary to eliminate the identified legal uncertainties and create conditions for the development of uniform and positive judicial practice.

Keywords: *actions in another person's interest without authorization, acting person, interested person, approval of actions, unjust enrichment, non-contractual obligations*

Экономические преобразования в России в 90-х гг. прошлого века обусловили трансформацию общественных связей и предопределили необходимость формирования новых обязательственных конструкций и институтов, законодательное закрепление которых было предложено во второй части ГК РФ. Одним из них стал институт действий в чужом интересе без поручения, прообразом которого явилась римская правовая модель ведения чужих дел (negotiorum gestio)[1].

В дореволюционном отечественном праве подобные отношения специальным образом не регулировались, хотя проект Гражданского уложения Российской империи[2] предполагал принятие правил о ведении чужих дел без поручения (ст. 2586—2595). В советское время в ГК РСФСР 1964 г. предусматривались нормы лишь о двух элементах данного института — о последствиях заключения сделки неуполномоченным лицом (ст. 63) и о возмещении вреда, понесенного при спасании социалистического имущества (ст. 472). Эти положения получили развитие в ст. 118 Основ гражданского законодательства 1991 г.[3], определившей последствия ведения чужих дел без поручения, а именно: совершения не имеющим полномочий субъектом сделки в интересах другого лица и действий по предотвращению угрозы ущерба чужому имуществу.

С принятием части второй ГК РФ отношениям, связанным с совершением действий в чужом интересе без поручения, была предоставлена самостоятельная правовая регламентация посредством закрепления в гл. 50 комплекса специальных норм. Изначально они получили положительную оценку[4], однако за

[1] См.: Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М. : Юрист, 1994. С. 503—509 (автор — И. Б. Новицкий).

[2] Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии). Т. 1 / под ред. И. М. Тютрюмова ; сост. А. Л. Саатчиан. СПб., 1910.

[3] Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик, утв. Верховным Советом СССР 31.05.1991 № 2211-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

[4] См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть вторая) / под ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковского, С. А. Хохлова. М., 1996 (автор — Е. А. Суханов) // СПС «КонсультантПлюс».

30-летний период их применения выявился ряд практических, во многом спорных с позиций судебной практики вопросов, касающихся как сущности отдельных элементов данного института, так и его разграничения с внешне сходными юридическими категориями.

Суть рассматриваемого института состоит в том, что вследствие совершенного в чужом интересе без поручения действия возникает обязательство, в силу которого заинтересованное лицо должно возместить понесенные расходы тому, кто это действие совершил, причем независимо от того, был ли достигнут предполагаемый положительный результат. Правовая природа подобных действий как юридических фактов определяется неоднозначно. Одни авторы относят их к односторонним сделкам[5], другие — указывают на возможность выступления в соответствующем качестве также фактических действий — юридических поступков[6]. Причем отмечается, что в большинстве случаев действия в чужих интересах подпадают именно под режим поступка[7]. Напротив, некоторые авторы предлагают исключать из сферы применения данного института юридические действия, так как они опосредуются нормами иных гражданско-правовых институтов (представительства, по оказанию услуг и др.)[8].

Характер обязательств из действий в чужих интересах без поручения также оценивается в доктрине по-разному. Их определяют как внедоговорные охранительные обязательства, в рамках которых реализуются меры защиты[9]. При этом подчеркивается, что такая защита интересов добросовестно действовавшего в чужом интересе лица осуществляется, когда другие правовые средства применить невозможно либо наименее выгодно[10]. Вместе с тем высказывается и мнение о двойственном характере складывающегося правоотношения, о возможности признания его как охранительным, так и регулятивным в зависимости от того, возникли у действовавшего лица расходы и иной реальный ущерб или нет[11].

Согласно п. 1 ст. 980 ГК РФ действия признаются совершенными в чужом интересе без поручения и порождают соответствующие правовые последствия при наличии ряда условий. Их нормативное определение призвано обеспечить

---

[5] См., например: Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй : в 3 т. М., 2011. Т. 3 / под ред. П. В. Крашенинникова. С. 264 (автор — П. В. Крашенинников).

[6] См., например: *Балыкин Д. А.* Действия в чужом интересе без поручения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 7.

[7] См.: *Чурилов А. Ю.* Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового обязательства. М., 2019.

[8] См.: *Свалова Н. А.* Обязательства вследствие действий в чужом интересе без поручения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 7—8.

[9] См.: *Шевченко Г. Н.* Обязательства, возникающие из действий в чужих интересах без поручения: понятие, юридическая природа, практика применения // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 143.

[10] См.: *Пискунова Н. И.* Действия в чужом интересе без поручения: проблемы теории и практики // Российское правосудие. 2021. № 8. С. 34.

[11] См.: *Кархалев Д. Н.* Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений. М., 2022.

защиту лиц, в интересах которых действия совершаются, что неоднократно отмечалось Конституционным Судом РФ[12]. Действия должны совершаться без поручения, иного указания или заранее обещанного согласия заинтересованного лица; иметь направленность на обеспечение его непротивоправных интересов; совершаться исходя из очевидной выгоды или пользы заинтересованного лица, его действительных или вероятных намерений; с необходимой по обстоятельствам дела заботливостью и осмотрительностью.

В дополнение к этим законодательно закрепленным условиям в правоприменительной практике учитываются и иные факторы, к примеру, отсутствие между действующим и заинтересованным лицами личных отношений[13], совершение лицом действий за свой счет[14]. Конкретная причина осуществления действия в чужом интересе значения не имеет, оно может быть обусловлено как исполнением общественного долга, так и личной инициативой[15]. При этом судами единодушно признается, что порождающие юридический результат действия в чужом интересе должны совершаться не по произвольному желанию любого лица, а лишь с соблюдением установленных законом требований, иначе они не получают признание закона и не влекут правовых последствий[16].

Прежде всего лицо должно осуществлять действия исключительно в чужом, а не в собственном интересе. В связи с этим Верховным Судом РФ выражено мнение, что совершающее действия лицо должно осознавать их направленность на обеспечение интересов другого лица, а его основной целью должно являться улучшение положения другого лица, а не собственного положения[17].

---

[12] См., например: определение Конституционного Суда РФ от 29.11.2024 № 3205-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Володарского Алексея Михайловича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 980, абзацем первым п. 1 статьи 984 и подпунктом 4 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации» ; определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2024 № 1888-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рагозина Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 980 и пунктом 1 статьи 981 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[13] См.: определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21.01.2025 по делу № 8Г-38372/2024, 88-1631/2025, 88-34590/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

[14] См.: постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.10.2023 № 20АП-5718/2023 по делу № А62-6916/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[15] См., например: решение Октябрьского районного суда города Самары от 17.06.2021 по делу № 2-2054/2021 ; апелляционное определение Верховного суда Республики Марий Эл от 17.11.2020 по делу № 33-1769/2020, 2-569/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[16] См., например: постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.08.2025 № 20АП-3251/2025 по делу № А23-4768/2023 ; постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 01.03.2024 по делу № А74-1686/2023 ; постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.01.2024 № 17АП-13556/2023-ГК по делу № А71-14246/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[17] См., например: определение Верховного Суда РФ от 03.02.2023 № 303-ЭС22-19452 ; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.03.2018 № 11-КГ17-37 // СПС «КонсультантПлюс».

Соответственно, рассматриваемое условие отсутствует, когда лицо совершает действия для реализации одновременно как чужих, так и своих интересов. Таковыми, к примеру, были признаны действия отдельных конкурсных кредиторов, направленные на пополнение конкурсной массы должника[18]. Кроме того, судебные органы исходят из того, что лицо не только должно осознавать направленность действий, но и не преследовать цели возникновения какого-либо иного гражданско-правового обязательства.

Согласно ст. 987 ГК РФ, если действия не были непосредственно направлены на обеспечение чужого интереса, в том числе вследствие ошибочного предположения лица, что оно действует в своем интересе, и привели к неосновательному обогащению другого лица, подлежат применению правила гл. 60 ГК РФ. Тем самым основой разграничения обязательств из действий в чужом интересе и неосновательного обогащения служит волевой признак. Если воля действующего лица направлена на создание имущественной выгоды для другого, его действия признаются совершенными в чужом интересе без поручения. Когда такое осознанное намерение отсутствовало, но фактически выгоды другим лицом получены, имеет место неосновательное обогащение. То есть складывающееся отношение не может одновременно рассматриваться и как действия в чужом интересе, и как неосновательное обогащение. Именно поэтому соответствующие обязательства, имеющие разные основания возникновения и неодинаковое содержание, оцениваются в науке как антиподы[19]. Между тем на практике эти категории необоснованно смешиваются. Установив факт осуществления действий именно в чужом интересе без поручения суды достаточно часто выносят решения о взыскании понесенных действующим лицом расходов, руководствуясь нормами о неосновательном обогащении[20].

Следует также обратить внимание на различия в подходах к рассмотрению многочисленных однородных споров, связанных с допускаемым п. 1 ст. 45 НК РФ перечислением денежных средств в счет исполнения обязанности налогоплательщика по уплате налога иным лицом. Одни суды полагают, что уплата налога за другое лицо без его поручения является действием в чужом интересе, и применяют к отношениям нормы гл. 50 ГК РФ. Соответственно, если установлено, что налогоплательщик не был извещен о совершаемых в его интересах действиях и не одобрил их, расходы действующего лица не возмещаются[21]. Другие суды придерживаются аналогичной позиции в части правовой квалификации данных действий, но учитывают их специфику и считают, что необходимость извещения

---

[18] См.: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.07.2023 № Ф04-5098/2016 по делу № А46-1008/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

[19] См.: *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Кн. 3. М., 2002. С. 383—384 (автор — М. И. Брагинский).

[20] См., например: решение Кировского районного суда города Саратова от 19.12.2024 по делу № 2-3560/2024 ; апелляционное определение Московского городского суда от 22.11.2023 № 33-47368/20234 // СПС «КонсультантПлюс».

[21] См., например: решение Никулинского районного суда города Москвы от 17.06.2024 по делу № 2-2331/2024 ; решение Троицкого районного суда города Москвы от 14.03.2024 по делу № 2-420/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

налогоплательщика и получения его одобрения в данном случае отсутствует. Так, суд отметил, что заинтересованное лицо не предпринимало мер к установлению обстоятельств оплаты за него налоговых платежей и не поставило налоговый орган в известность об ошибочности совершенных другим лицом действий по уплате налогов, что свидетельствует об их одобрении. В результате был сделан вывод о применении к отношениям сторон положений ст. 982 ГК РФ и необходимости возмещения действующему лицу понесенных расходов[22]. Вместе с тем судами выражается и принципиально иная позиция, что осуществление налогового платежа за другое лицо при отсутствии иных взаимных обязательств порождает право на получение обратно уплаченных сумм в виде неосновательного обогащения[23].

В литературе высказывается мнение о возможности признания совершенными в чужом интересе без поручения действий, которые осуществляются стороной договора, но за пределами определенного в нем предмета, к примеру, при выполнении подрядчиком дополнительных работ[24] или при сотрудничестве сторон договора строительного подряда[25]. Представляется, что такая квалификация допустима, лишь когда соответствующие действия сторонами договора предварительно не согласованы, а также присутствуют иные условия, в том числе невозможность такого согласования и объективная необходимость совершения действий в интересах контрагента. Однако внешние обстоятельства нередко игнорируются судебными органами, которые признают действия, объем которых выходит за рамки предусмотренного договором предмета, в качестве совершенных в чужом интересе без поручения при отсутствии указанных условий[26].

Необходимо также отметить сложившиеся подходы к квалификации отношений, возникающих при исполнении обязательств за должника. В соответствии с п. 1 ст. 313 ГК РФ, если исполнение возложено должником на третье лицо, кредитор обязан его принять. Очевидно, что в подобных случаях действия в интересах должника не осуществляются произвольно, а их последствия регулируются соглашением с должником или по правилам п. 5 ст. 313 ГК РФ[27]. В целом суды обоснованно исходят из того, что подобные ситуации предполагают совершение третьим лицом действий в своих интересах[28].

---

[22] См.: решение Ленинского районного суда города Курска от 28.03.2018 № 2-1080/15/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[23] См.: апелляционное определение Московского областного суда от 11.11.2024 по делу № 33-39986/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

[24] См.: *Егоров К. Ф.* Принцип сотрудничества сторон договора строительного подряда // Проблемы строительного права : сборник статей / сост. и отв. ред. Н. Б. Щербаков. Вып. 3. М., 2024.

[25] См.: *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Указ. соч. С. 146.

[26] См., например: решение Арбитражного суда г. Москвы от 27.01.2017 по делу № А40-194632/16-93-1706 // СПС «КонсультантПлюс».

[27] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении». П. 21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

[28] См., например: постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.04.2025 № Ф07-2148/2025 по делу № А56-73719/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

Вместе с тем п. 2 ст. 313 ГК РФ предусматривает два случая, когда кредитор обязан принять исполнение, предложенное третьим лицом по собственной инициативе. Во-первых, если третье лицо подвергается опасности утратить свое право на имущество должника вследствие обращения на него взыскания. В этом случае действия третьего лица продиктованы его собственным интересом, что исключает применение к его отношениям с должником норм гл. 50 ГК РФ. Во-вторых, если имеет место просрочка исполнения денежного обязательства. В подобной ситуации уплата чужого просроченного денежного долга может рассматриваться как совершение действий в чужом интересе без поручения, если соблюдены установленные ст. 980 ГК РФ условия. На практике при правовой оценке подобных отношений суды учитывают их основания и характер, причем если при разрешении дела не раскрыты суть взаимосвязи должника и лица, исполнившего за него обязанность, а также мотивы и интерес лица в погашении чужой задолженности, формулируется вывод о применении норм гл. 50 ГК РФ[29].

Обязанностью действующего в чужом интересе без поручения лица является извещение заинтересованного лица при первой возможности о совершаемых для него действиях (п. 1 ст. 981 ГК РФ). Ее неисполнение не признается судебной практикой безусловным основанием для отказа в удовлетворении требований о возмещении действующему лицу понесенных расходов[30], однако на него возлагается ответственность за результат таких действий[31]. Уведомление не требуется лишь в случаях, когда действия предпринимаются в присутствии заинтересованного лица (п. 2 ст. 981 ГК РФ). Направив сообщение, действующее лицо обязано выждать в течение разумного срока решения об одобрении или неодобрении предпринятых действий, кроме случаев, когда такое ожидание может повлечь для заинтересованного лица серьезный ущерб.

Решение заинтересованного лица может быть выражено посредством специального письменного или устного заявления. Также допустимым признается совершение конклюдентных действий[32]. При этом в доктрине отмечается, что молчание заинтересованного лица в данном случае нельзя рассматривать как одобрение действий (за исключением его присутствия при их совершении), так как законодательно презумпция одобрения не предусмотрена[33]. Между тем практика придерживается иного мнения на том основании, что действия в чужом

---

[29] См.: постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.11.2020 № 11АП-12859/2020 по делу № А65-24866/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[30] См.: решение Арбитражного суда Владимирской области от 07.11.2023 по делу № А11-6536/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[31] См., например: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.04.2021 № 46-КГ20-30-К6 ; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.07.2023 № Ф04-5098/2016 по делу № А46-1008/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

[32] См., например: решение Краснoперекопского районного суда города Ярославля от 25.10.2023 по делу № 2-1214/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[33] См.: *Гришаев С. П., Свит Ю. П., Богачева Т. В.* Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая (автор — Ю. П. Свит) // СПС «КонсультантПлюс».

интересе пресекает только неодобрение, поэтому именно оно должно иметь активную форму. Что касается одобрения, то напротив, оно может быть выражено и в форме бездействия (молчания)[34]. Соответственно, судами признается факт одобрения действий без его специального выражения, если отсутствуют доказательства обратного.

Действия, совершенные после того, как стало известно, что они не одобряются заинтересованным лицом, не влекут для него обязанностей ни в отношении совершившего эти действия, ни в отношении третьих лиц (п. 1 ст. 983 ГК РФ). Исходя из этого, основное значение правоприменительной практикой придается факту совершения действий после того, как действующему лицу стало известно об их неодобрении, тогда как извещение заинтересованного лица о совершении для него действия зачастую признается обстоятельством, не имеющим значения[35]. Если на момент совершения действий лицу не было известно об их неодобрении, к отношениям применяются положения гл. 50 ГК РФ. Вместе с тем выражается и иная точка зрения, что с позиций гл. 50 ГК РФ требовать возмещения понесенных расходов действовавшее в чужих интересах лицо вправе, только если его действия все-таки были одобрены. Соответственно, факт их совершения до получения сведений о неодобрении заинтересованным лицом не является достаточным основанием для удовлетворения требования о возмещении действовавшим лицом понесенных расходов[36].

Нередко выводы об осведомленности заинтересованного лица и согласии с совершенными для него действиями судами формулируются исходя из его последующего поведения[37], а также характера и длительности совершаемых действий. Так, суд указал на несостоятельность доводов заинтересованного лица об отсутствии одобрения выполненных для него работ, поскольку они производились около года, в связи с чем при должной осмотрительности и добросовестности оно не могло не знать об их выполнении[38]. Еще одним примером являются действия по содержанию и обеспечению жизни физического лица, направленность и длительность которых позволили суду сформулировать вывод о безусловном их одобрении[39]. Рассматривая спор, связанный с исполнением кредитного обязательства за заемщика, суд сделал вывод о фактическом ободрении действий,

---

[34] См., например: апелляционное определение Самарского областного суда от 07.06.2021 № 33-5648/2021 по делу № 2-842/2021 ; апелляционное определение Верховного Суда Республики Марий Эл от 17.11.2020 по делу № 33-1769/2020, 2-569/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[35] См.: апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 11.05.2021 № 33-8437/2021 по делу № 2-4990/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[36] См.: определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 10.12.2019 № 88-405/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[37] См., например: решение Талдомского районного суда Московской области от 30.10.2024 № 2-928/2024~М-763/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

[38] См.: решение Советского районного суда города Воронежа от 06.11.2024 по делу № 2-2581/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

[39] См.: апелляционное определение Московского городского суда от 22.10.2024 № 33-40389/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

поскольку от заемщика не поступало возражений и не было заявлено об отказе от зачисления средств в счет погашения его долга перед банком[40].

Столь разнородные подходы в части значения и допустимых вариантов выражения одобрения заинтересованным лицом совершаемых для него действий создают правовые неопределенности, поскольку именно с ним закон связывает преобразование возникших отношений в договорные и применение к ним правил о договоре, соответствующем характеру предпринятых действий (ст. 982 ГК РФ).

В целом анализ практики применения положений гл. 50 ГК РФ свидетельствует об отсутствии единообразного понимания правовой сути института действий в чужом интересе без поручения и обстоятельств, необходимых для квалификации поведения в соответствующем качестве. Наиболее верным представляется мнение, основанное на толковании ст. 981 ГК РФ, что обязательным условием для признания лица действующим в чужом интересе без поручения является отсутствие на момент начала действий реальной возможности получить согласие заинтересованного лица на их совершение[41]. Соответственно, в сложившейся ситуации действующее лицо не имеет возможности установить волю заинтересованного лица и действует исходя из его предполагаемой воли. Именно поэтому нормативно закреплена обязанность действующего лица известить о своих действиях с целью получения одобрения. Когда имелась реальная возможность согласовать планируемые действия до начала их совершения, обязательство из действий в чужом интересе без поручения возникать не должно.

Необходимо отметить, что законодательство иных государств в большей степени ориентировано на признание особых, неординарных внешних условий, при которых совершаются действия в чужом интересе без поручения. Так, в соответствии со ст. 827 ГК Республики Узбекистан[42] при невозможности уведомления заинтересованного лица начавший действия без поручения обязан довести их до конца, приняв все зависимые от него меры по предотвращению отрицательных имущественных последствий для этого лица. Согласно ст. 971 ГК Грузии[43] лицо, ведущее дела другого, должно продолжить начатые дела до тех пор, пока это другое лицо не сможет действовать само. Эти положения, отсутствующие в российском законодательстве, дополнительно свидетельствуют о нестандартности возникающих обстоятельств, срочности и неотложности совершаемых действий, а также об объективной невозможности установления договорных отношений. Однако отечественными судами подобные факторы не учитываются и признается, что действия в чужом интересе могут состоять, к примеру, в строительстве жилого дома, осуществляемом на протяжении 11 лет на земельном участке, принадлежащем заинтересованному лицу[44].

---

[40] См.: заочное решение Балашихинского городского суда Московской области от 25.10.2023 № 2-8534/2023~М-7204/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[41] См.: *Чурилов А. Ю.* Указ. соч.

[42] URL: https://lex.uz/docs/180550#191771 (дата обращения: 30.10. 2025).

[43] URL: https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/31702?publication=126 (дата обращения: 30.10.2025).

[44] См.: апелляционное определение Курганского областного суда от 16.06.2020 по делу № 2-11275/2019, 33-866/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, несмотря на 30-летний период применения норм гл. 50 ГК РФ, ряд ключевых аспектов института действий в чужом интересе без поручения сохраняет спорный характер, а формулируемые судами позиции не всегда имеют достаточные основания и нередко противоречат существу законодательного регулирования. Эта ситуация, во многом связанная с неопределенностью и непоследовательностью правовых положений, требует разрешения путем уточнения нормативных предписаний, а также выражения Верховным Судом РФ мнения по наиболее актуальным и значимым вопросам.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Балыкин Д. А.* Действия в чужом интересе без поручения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002. — 22 с.
2. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Кн. 3. — М. : Статут, 2002. — 1055 с.
3. Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии). — Т. 1 / под ред. И. М. Тютрюмова ; сост. А. Л. Саатчиан. — СПб. : Кн. маг. «Законоведение», 1910. — 606 с.
4. *Гришаев С. П., Свит Ю. П., Богачева Т. В.* Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая // СПС «КонсультантПлюс».
5. *Егоров К. Ф.* Принцип сотрудничества сторон договора строительного подряда // Проблемы строительного права : сборник статей / сост. и отв. ред. Н. Б. Щербаков. — Вып. 3. — М. : Статут, 2024. — 620 с.
6. *Кархалев Д. Н.* Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений. — М. : Инфотропик Медиа, 2022. — 892 с.
7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть вторая) / под ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковского, С. А. Хохлова. — М. : МЦФЭР, 1996. — 696 с.
8. *Пискунова Н. И.* Действия в чужом интересе без поручения: проблемы теории и практики // Российское правосудие. — 2021. — № 8. — С. 34—37.
9. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй : в 3 т. М. : Статут, 2011. — Т. 3 / под ред. П. В. Крашенинникова. — 574 с.
10. Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. — М. : Юрист, 1994. — 544 с.
11. *Свалова Н. А.* Обязательства вследствие действий в чужом интересе без поручения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2008. — 29 с.
12. *Чурилов А. Ю.* Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового обязательства. — М. : Юстицинформ, 2019. — 200 с.
13. *Шевченко Г. Н.* Обязательства, возникающие из действий в чужих интересах без поручения: понятие, юридическая природа, практика применения // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2021. — № 3. — С. 140—152.

Надежда Александровна БУТАКОВА,
профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент
nabutakova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Перспективы становления автономного и полуавтономного флота

Аннотация. *Развитие автономного флота является одной из важнейших современных тенденций, способной кардинально преобразовать мореплавание и военно-морскую сферу. Рассмотрим подробно этот процесс и проанализируем возможные последствия внедрения беспилотных технологий в морском секторе.*

Происходит смена парадигмы в коммерческой и военной навигации, обещающая повысить безопасность, снизить негативное воздействие на окружающую среду и уменьшить эксплуатационные расходы благодаря внедрению автономных судов. Беспилотные суда недавно стали предметом пристального интереса среди исследователей морского права. Многочисленные научные исследования сосредоточены на объединении инновационных решений, позволяющих кораблям совершать плавание через океаны и моря без участия экипажа на борту и управляться удаленно.

Инициативы и проекты, нацеленные на реализацию этих идей и развитие мирового судоходства, привлекают значительное внимание общественности. Данная статья посвящена будущему беспилотных судов в коммерческом и военном секторах, рассматриваются также потенциальные трудности, возникающие при эксплуатации таких судов.

В статье сделан вывод, что внедрение автономных судов приведет к увеличению их вместимости, сокращению затрат на оплату труда экипажа и значительному снижению эксплуатационных издержек благодаря замене человеческих ресурсов передовыми технологиями. Помимо этого, замена бортового экипажа технологиями способна повысить уровень безопасности в морской отрасли, поскольку именно человеческий фактор часто становится источником многих происшествий и аварий.

Ключевые слова: *полуавтономное судно, полностью автономное судно, беспилотное судно, безопасность, дистанционное управление, кибератака*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.116-123

© Бутакова Н. А., 2026

Nadezhda A. BUTAKOVA,
Professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law)
nabutakova@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Prospects for the Development of Autonomous and Semi-Autonomous Fleet

Abstract. *The development of autonomous fleets is one of the most important modern trends, capable of radically transforming maritime and naval operations. We will examine this process in detail and analyze the potential implications of introducing unmanned technologies in the maritime sector.*
A paradigm shift is underway in commercial and military navigation, promising to improve safety, reduce environmental impact, and lower operating costs through the introduction of autonomous vessels. Unmanned vessels have recently become a topic of intense interest among maritime researchers. Numerous academic studies are focused on combining innovative solutions that allow ships to navigate oceans and seas without a crew on board and under remote control.
Initiatives and projects aimed at realizing these ideas and developing global shipping are attracting significant public attention. This article examines the future of unmanned vessels in the commercial and military sectors, also considering the potential challenges faced in operating such vessels. The article concludes that the introduction of autonomous vessels will increase their capacity, reduce crew costs, and significantly lower operating costs by replacing human resources with advanced technology. Furthermore, replacing onboard crew with technology could improve safety in the maritime industry, as human error is often the cause of many incidents and accidents.
Keywords: *semi-autonomous vessel, fully autonomous vessel, unmanned vessel, security, remote control, cyberattack*

Введение

Автономные суда в недавнем прошлом привлекли значительное внимание ученых, поскольку инициативы и проекты, направленные на их внедрение, дадут импульс для развития мирового судоходства. Многие исследовательские и опытно-конструкторские проекты посвящены возможности консолидации усилий в этой сфере, чтобы позволить судам пересекать океаны и моря без экипажа на борту и управляться дистанционно. В этой связи считается, что автономные транспортные средства (беспилотники), вскоре найдут широкое применение в морях. Специалистами признан данный вектор развития технологий из-за связанных с ним экономических выгод.

Автономные суда представляют собой новый вид морского транспорта главным образом потому, что они могут значительно снизить затраты. Обычные суда в настоящее время используют автономные платформы, такие как измерительные, гидрографические, океанографические приборы. Однако большинство операций при этом проводятся в порту и в контролируемом месте испытаний. Кроме того, автономные суда нашли значительное применение в современных морских транзитах, а скандинавские страны и Япония начали разрабатывать полностью автономные суда. Их основная цель — получить пассажирские и грузовые суда, которые полностью автоматизированы и могут обслуживать текущие мировые потребности в морском транзите по низкой стоимости.

Однако выбор оптимальной технологии для грузовых судов, обеспечивающей экономичность и снижение расхода топлива, представляет собой самую сложную задачу. Несмотря на потенциальную эффективность автономных судов по сравнению с традиционными управляемыми экипажем судами, первые все еще имеют ряд недостатков, способных затормозить их дальнейшее распространение. Пока остается неопределенным вопрос, примет ли морская отрасль в ближайшем будущем частично автоматизированную концепцию судоходства либо же перейдет сразу к полной автономии.

Автоматизация судов и принципы управления

Понятие «автоматизация» применительно к современным технологиям отличается разнообразием значений в зависимости от сферы и выполняемых функций. По отношению к автономному флоту автоматизацию можно рассматривать с позиций оборудования, программного обеспечения, принципов функционирования и конструктивных решений. Соответственно, выделяются три основных уровня автоматизации морских судов:

1. Дистанционное управление

Дистанционное управление относится к устройству, машине или сложной системе, которые самостоятельно инициируют действие управления и получают команду управления от удаленного центра управления. Этот центр управления может быть расположен в море или на берегу в зависимости от того, как будет использоваться система. Управление таким судном осуществляется на суше, и экипаж на борту отвечает только за управление или отмену управления функциями и системами судна[1].

Дистанционное управление часто требует присутствия оператора, который будет управлять судном из удаленного места. Это приводит к снижению стоимости судна с точки зрения проектирования. Однако вся конструкция также влечет высокие затраты из-за характера технологических систем, необходимых для сбора и передачи информации в реальном времени обратно в центр управления. Такая технология является капиталоемкой и оказывает очень малое влияние на эксплуатационные расходы, это не лучший вариант в современных морских технологиях

[1] *Wróbel K., Montewka J., Kujala P.* Towards the development of a system-theoretic model for safety assessment of autonomous merchant vessels // Reliability Engineering and System Safety. 2018. Vol. 178. P. 334.

2. Полуавтономное управление

Полуавтономное управление относится к устройству или системе, которые управляются частично людьми и частично компьютерными системами[2]. Это система, которая способна учитывать динамические условия в реальном времени и в то же время допускает вмешательство человека. Система является гибридом дистанционно управляемой системы и полностью управляемой автономной системы.

3. Полностью автономное управление

Автономное управление судном подразумевает использование заранее запрограммированных алгоритмов, обеспечивающих функционирование всех систем судна. Радиосигналы обрабатываются бортовыми системами и запускают необходимые управляющие команды. Такая система оперативно передает информацию в центральный пункт управления при возникновении неполадок, аварийных ситуаций или угроз, позволяя операторам своевременно вмешиваться удаленно. Однако создание подобной сложной инфраструктуры требует значительных финансовых вложений и применения высоких технологий, способных распознавать разнообразные внешние условия и адекватно реагировать на них. Такие решения чаще всего используются в оборонных системах, особенно в области морской автоматики. Стоит отметить, что содержание экипажа традиционно обходится весьма дорого, составляя значительную долю операционных затрат. Использование же полностью автоматизированных судов позволяет сократить число членов экипажа, давая одному диспетчеру возможность контролировать сразу несколько судов одновременно из единого командного пункта[3].

Обзор судостроительной промышленности и автономных судов

Продолжающийся технологический прогресс в области морского машиностроения привел к появлению ряда модернизированных систем автоматизации. Контейнерная отрасль морских перевозок серьезно пострадала от многих бедствий, таких как мировой финансовый кризис 2007—2008 гг. После последующей великой рецессии развитие судостроительной отрасли снизилось из-за ослабления мировой экономики и избыточной вместимости судов[4]. Этот медленный рост судоходной отрасли после великой финансовой рецессии подтолкнул компании к получению очень низкой прибыли. Например, в 2017 г. седьмая по величине

[2] *Gupta S. G., Ghonge D., Jawandhiya P. M.* Review of unmanned aircraft system (UAS) // International Journal of Advanced Research in Computer Engineering & Technology (IJARCET). 2013. № 2 (4). P. 1646.

[3] *Porathe T.* Remote Monitoring and Control of Unmanned Vessels — The MUNIN Shore Control Centre. Proceedings of the 13th International 52 Conference on Computer Applications and Information Technology in the Maritime Industries (COMPIT'14). 2014. P. 460—467.

[4] *Munim Z. H., Schramm H.-J.* Forecasting Container Shipping Freight Rates for the Far East-Northern Europe Trade Lane // Maritime Economics & Logistics. 2017. Vol. 19. P. 106—125.

в мире судостроительная отрасль в Южной Корее, Hanjin, рухнула[5]. Хотя появление Китая как глобальной экономической державы стало многообещающим для судостроительных компаний, торговая война Китая и США, недавний Brexit Великобритании стали препятствиями для судостроения. Выход на новые рынки путем изменения модели грузового судна может увеличить спрос на судоходство и способствовать развитию судостроительной промышленности.

Освоение новых рыночных направлений стимулирует увеличение потребности в контейнерных судах и приближает достижение экологически устойчивых целей. Применение передовых инженерных решений дает возможность проектировать легкие конструкции судов, избавляясь от необходимости оборудовать помещения для экипажа, мостики и создавать прочую инфраструктуру, что снижает общий вес судна. Дополнительно открываются возможности освоения альтернативных путей доставки грузов, таких как Северный морской путь, что помогает сокращать затраты и повышать конкурентные преимущества транспортных компаний. Заключение соглашений между транспортными операторами демонстрирует существенный потенциал и играет ключевую роль в обеспечении стабильного роста судостроительной промышленности в будущем.

Автономные суда

В морской инженерии основная проблема судна с дистанционным управлением заключается в разработке системы, отвечающей требованиям надежности, прочности и безопасности. В автономных судах можно использовать четыре важных уровня морской автоматизации[6]:

1) обычные суда, которые включают в себя автоматическую систему поддержки принятия решений, например систему предотвращения столкновений;
2) автономные суда с системой ночной активации, обычно используемые в условиях хорошей погоды в открытом океане;
3) полностью автономные суда, которые включают в себя помещения для экипажа и контролируются экипажем из портов;
4) полностью автономные суда, которые не включают в себя помещения для экипажа на борту.

Максимальная выгода от автономных судов может быть реализована, если будет принят четвертый подход — применение полностью автономных судов без помещений для экипажа на борту. Поскольку полностью автономная система не предусматривает помещения для экипажа на борту, она отличается от предыдущих подходов к проектированию, на которых сосредоточились инженеры.

---

[5] *Song D. W., Seo Y. J., Kwak D. W.* Learning from Hanjin Shipping's Failure: A Holistic Interpretation on Its Causes and Reasons // Transport Policy. 2019. Vol. 82. P. 77—87.

[6] *Rødseth Ø. J., Kvamstad B., Porathe T., Burmeister H.-C.* Communication architecture for an unmanned merchant ship. 2013 MTS/IEEE OCEANS, Bergen, Norway, 2013. P. 1–9. DOI: 10.1109/OCEANS-Bergen.2013.6608075.

Полуавтономные суда

Использование автономных транспортных средств стало обычным явлением в настоящее время во многих индустриальных и развивающихся странах. Использование беспилотных автономных судов в грузовых перевозках имеет ряд преимуществ по сравнению с полуавтономными судами. Например, устранение бортового экипажа, кондиционирования воздуха, канализационных систем и электричества может повысить топливную эффективность судна и увеличить грузоподъемность со значительными экономическими выгодами. Беспилотные суда могут экономить много топлива и при этом покрывать бóльшие расстояния, чем пилотируемые суда.

Однако на начальных этапах проекта эти автономные суда все еще могут иметь на борту некоторую команду. Поэтому, прежде чем морские технологии станут полностью автономными, многообещающее будущее ждет дистанционно управляемые и контролируемые полуавтономные грузовые суда. Таким судам может потребоваться прямой контроль со стороны «команды управления» при отстыковке и выходе из портовых вод. В этом контексте «команда управления» и портовые власти могут вмешиваться всякий раз, когда судну требуются сложные маневры в ограниченных водах. В этом начинании обычно необходим вертолет или катер для оказания помощи «команде управления» при высадке с полуавтономного судна, как только судно покидает гавань, прежде чем оно будет передано под управление оператора в SCC. Затем оператор на берегу в SCC берет на себя полное управление судном и управляет им удаленно.

Человеческий фактор и несчастные случаи

Человеческая ошибка рассматривается как ключевой фактор, который должен определять необходимость использования автономных судов в будущем. Относительное число причин морских аварий, таких как столкновения, объясняется человеческой ошибкой. Существует общая предрасположенность к тому, что человеческая ошибка является основной причиной аварий на море. Полностью автономные и полуавтономные суда предназначены для обеспечения большей безопасности, чем современные суда с экипажами.

Кибератаки и безопасность

Существует несколько категорий проблем безопасности, с которыми сталкиваются современные обычные суда с экипажем. Это безопасность движения на море, безопасность судна, безопасность людей, безопасность груза, охрана окружающей среды. Неясно, может ли внедрение автономных судов обеспечить требуемую безопасность на море (например, пилотирование судна на случай аварий). Правила Международной конвенции по охране человеческой жизни на море (СОЛАС) требуют, чтобы капитан или лицо, ответственное за управление

судном, оказывало помощь людям, терпящим бедствие на море, оно обязано со всей возможной скоростью направляться к ним на помощь.

Отсутствие экипажа на автономных судах вызывает серьезные опасения относительно способности компенсировать риски, связанные с отсутствием человеческого присутствия. Нельзя игнорировать тот факт, что угроза пиратства и террористической активности сохраняется в открытом море. Инновационность автономного флота делает его еще более привлекательным объектом для преступников и киберугроз. Судна без экипажа становятся легкой добычей для злоумышленников, стремящихся похитить груз либо захватить судно ради выкупа. Террористы могут целенаправленно выбирать транспортные средства, перевозящие опасные грузы, такие как взрывчатка, химикаты или горючие вещества, превращая их в оружие против других судов. Высок риск кибератак на автономные суда, использующие коммуникационные системы, что создает опасность для сохранности транспортируемых товаров. Взлом спутникового оборудования и сетей передачи данных может привести к успешной атаке, что становится источником доходов для хакеров. Хотя подобные угрозы характерны и для традиционных систем управления, отсутствие экипажа усиливает беспокойство общественности и ослабляет доверие к новым технологиям.

Заключение

Морская транспортная сфера и оборонные структуры переживают смену ориентиров, обещающую появление более безопасных, экологически чистых и финансово выгодных автономных судов. В данной статье рассмотрены перспективы внедрения беспилотных судов в коммерческих и военных целях, обращается внимание на возможные трудности, возникающие в связи с внедрением новых технологий. Анализируя полученные выводы, можно заключить, что судостроительная отрасль приближается к эпохе перехода к автономным судам и постепенному отказу от ручного пилотирования.

Считается, что использование автономных судов повышает грузоподъемность судна, сокращает расходы на экипаж и, следовательно, способствует уменьшению эксплуатационных расходов. Замена человеческих ресурсов новыми технологическими решениями способна принести пользу промышленности путем снижения расходов и повышения эффективности транспортировки грузов.

Вместе с тем, несмотря на очевидные преимущества перед традиционными управляемыми судами, автономные суда обладают некоторыми существенными ограничениями, способствующими замедлению темпов их распространения. Полностью автономное судно вызывает беспокойство, поскольку пока не известно, сможет ли оно полноценно заменить экипаж. Так, отсутствие экипажа на борту потенциально делает судно привлекательной целью для пиратских нападений и террористических атак. Поэтому целесообразнее оборудовать подобные суда аналогичными традиционному типу системами контроля и экстренного управления, которыми мог бы воспользоваться резервный экипаж в критической ситуации.

Наиболее разумным подходом представляется внедрение специализированных центров удаленного мониторинга, которые обеспечат своевременную

реакцию на инциденты и снизят потребности в персонале на борту. Вопрос о том, станут ли морские перевозки преимущественно полуавтономными или полностью автоматизированными в обозримом будущем, остается открытым, однако очевидно, что любая форма подобной трансформации неизбежна.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Gupta S. G., Ghonge D., Jawandhiya P. M.* Review of unmanned aircraft system (UAS) // International Journal of Advanced Research in Computer Engineering & Technology (IJARCET). — 2013. — № 2 (4). — P. 1646—1656.
2. *Munim Z. H., Schramm H.-J.* Forecasting Container Shipping Freight Rates for the Far East-Northern Europe Trade Lane // Maritime Economics & Logistics. — 2017. — Vol. 19. — P. 106—125.
3. *Porathe T.* Remote Monitoring and Control of Unmanned Vessels — The MUNIN Shore Control Centre // Proceedings of the 13th International 52 Conference on Computer Applications and Information Technology in the Maritime Industries (COMPIT'14). — 2014. — P. 460—467.
4. *Rødseth Ø. J., Kvamstad B., Porathe T., Burmeister H.-C.* Communication architecture for an unmanned merchant ship. 2013 MTS/IEEE OCEANS, Bergen, Norway, 2013. — P. 1–9. — DOI: 10.1109/OCEANS-Bergen.2013.6608075.
5. *Song D. W., Seo Y. J., Kwak D. W.* Learning from Hanjin Shipping's Failure: A Holistic Interpretation on Its Causes and Reasons // Transport Policy. — 2019. — Vol. 82. — P. 77—87.
6. *Wróbel K., Montewka J., Kujala P.* Towards the development of a system-theoretic model for safety assessment of autonomous merchant vessels // Reliability Engineering and System Safety. — 2018. — Vol. 178. — P. 209—224.

Алексей Владимирович АНИСИМОВ,
доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук
avanisimov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Договор морского агентирования в системе посреднических договоров[1]

Аннотация. *В статье исследуется правовая природа договора морского агентирования как особого вида посреднического договора, применяемого в сфере морских перевозок. На основе анализа норм Кодекса торгового мореплавания РФ и Гражданского кодекса РФ выявляются ключевые особенности данного договора, его предмет, структура и место в системе гражданско-правовых обязательств. Автор проводит сравнительно-правовой анализ договора морского агентирования с агентским договором, договорами комиссии, поручения и транспортной экспедиции. Особое внимание уделено вопросам территориального действия договора, ограничениям полномочий агента и защите интересов добросовестных третьих лиц. Обосновывается вывод о том, что договор морского агентирования представляет собой разновидность агентского договора с отраслевой спецификой, характеризующейся сочетанием прямого и косвенного представительства. Делается акцент на возмездном, двусторонне обязывающем и консенсуальном характере обязательства, а также на его значении для обеспечения правового регулирования деятельности в области морского судоходства.*

Ключевые слова: *морское агентирование, агентский договор, посреднические договоры, представительство*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.124-132

© Анисимов А. В., 2026

[1] Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Alexey V. ANISIMOV,
Associate professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)
avanisimov@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Marine Agency Agreement in the System of Intermediary Agreements

Abstract. *The article examines the legal nature of the maritime agency agreement as a special type of intermediary contract used in maritime transport. Based on the analysis of the provisions of the Merchant Shipping Code of the Russian Federation and the Civil Code of the Russian Federation, the author identifies the main features, subject matter, and structure of this agreement, as well as its place within the system of civil law obligations. A comparative analysis is conducted between the maritime agency agreement and the general agency, commission, mandate, and freight forwarding agreements. Special attention is given to the territorial scope of the contract, the agent's powers and limitations, and the protection of bona fide third parties. The study concludes that the maritime agency agreement represents a specific form of agency contract with sectoral peculiarities, combining elements of both direct and indirect representation. The author emphasizes its bilateral, remunerative, and consensual nature, highlighting its importance for the legal regulation of maritime transport operations.*
Keywords: *maritime agency, agency agreement, intermediary contracts, representation*

Введение

Договор морского агентирования является ключевым в осуществлении морской перевозки грузов. Сложно представить ситуацию, в которой лица, участвующие в морской перевозке, не прибегают к услугам морских агентов. Правовая природа этого договора при всей его распространенности остается до сих пор предметом дискуссий. Особый интерес представляет место этого договора в системе посреднических договоров в части второй Гражданского кодекса РФ.

Категория посреднических договоров до сих пор в доктрине не является однородной, доктрина зачастую расходится с судебной практикой в части отнесения того или иного договора к посредническим. Посреднические договоры можно определить как договоры, в соответствии с которыми одна сторона обязуется совершить в интересах другой стороны определенные действия, чаще всего сделки[2].

[2] *Фоков А. П.* Современное состояние договоров посредничества в частном праве России и Китая // Международное публичное и частное право. 2022. № 3. С. 41—44.

Часто данные договоры определяются как предпринимательские[3], однако такая характеристика представляется спорной в связи с тем, что посредничество возможно и за пределами осуществления предпринимательской деятельности (например, договор поручения).

Ключевыми чертами посреднических договоров являются: обязанность совершить действия в интересах другого лица, необходимость передачи полномочий на совершение таких действий и зачастую возмездный характер осуществления таких действий. Представляется необходимым рассмотреть договор морского агентирования, урегулированный Кодексом торгового мореплавания РФ (КТМ РФ) с точки зрения применения к нему категории посреднических договоров.

Договор морского агентирования как агентский договор

В статье 232 КТМ РФ указано: по договору морского агентирования одна сторона — морской агент — обязуется за вознаграждение совершать по поручению и за счет другой стороны — судовладельца — юридические и иные действия от своего имени или от имени судовладельца в определенном порту или на определенной территории.

Исходя из определения, данного в КТМ, предмет договора включает:

— юридические действия — заключение сделок, оформление документов, представительство перед органами;
— фактические действия — организация снабжения, координация грузовых и портовых операций, оформление прихода и отхода судна.

Важно отметить, что действие договора носит территориальный характер и может ограничиваться одним портом (например, назначение агента в порте Владивостока) или охватывать территорию (агентирование во всех портах Северо-Западного федерального округа). Такой территориальный принцип позволяет сторонам свободно выбирать конструкцию взаимодействия, а судовладельцем заключать договоры с одним или несколькими агентами на разных территориях.

Анализируя положения КТМ РФ, можно сделать вывод, что правовая природа договора морского агентирования очень близка к агентскому договору, закрепленному в гл. 52 ГК РФ. Однако есть существенные отличия, которые ставят вопрос о соотношении этих договоров. Так, положения КТМ РФ содержат существенные ограничения для рассматриваемого договора. Сфера действий агента заранее ограничена морским судоходством. Субъектный состав тоже ограничен — к нему относятся только судовладельцы и морские агенты. Агент не имеет права выходить за рамки указанной сферы, представляя интересы принципала. Функции агента строго закреплены в ст. 237 КТМ РФ, он не имеет право осуществлять дополнительные функции, которые не вытекают непосредственно из правоотношений, отличных от морской перевозки. Также КТМ РФ устанавливает особый режим ограничения полномочий агента и защиты третьих лиц (ст. 234 КТМ РФ), предусматривая возможность судовладельца устанавливать ограничения для

[3] См., например: *Андреева Л. В.* Коммерческое (торговое) право : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : КноРус, 2012.

общих полномочий агента, при этом добросовестное третье лицо будет нести ответственность по сделке, только если знало о таких ограничениях.

В доктрине уже ставился вопрос о том, стоит ли считать договор морского агентирования самостоятельным договором или разновидностью договора агентирования. Аргументация в пользу особой правовой природы рассматриваемого договора обосновывается чаще всего особенностями сторон договора, предметом договора, а также местом исполнения договора[4]. По мнению М. И. Брагинского и В. В. Витрянского, «договор морского агентирования относится к агентскому договору как вид к роду, являясь отдельным видом агентского договора»[5]. Дальше ученые делают вывод о том, что, несмотря на отсутствие прямого указания, к морскому агентированию возможно применять в субсидиарном порядке нормы, содержащихся в гл. 52 ГК (ст. 1005—1011 ГК РФ). Аналогичной точки зрения придерживался и С. П. Кондрашин в комментарии КТМ РФ[6].

Правовая природа договора морского агентирования близка к договорам, которые регулируют оказание возмездных услуг, однако не совпадает полностью с их правовой природой. Само использование термина «агентирование» подсказывает, что договор морского агентирования является видом агентского договора. Любопытно, что судебная практика часто подтверждает тезис об соотношении морского агентирования и агентирования, применяя в судебной практике субсидиарно нормы ст. 1005 ГК РФ[7].

Согласно ст. 1005 ГК РФ агент обязуется за вознаграждение совершать юридические и иные действия от имени и за счет принципала либо от своего имени, но за счет принципала.

Перечисляя элементы агентского договора, можно выделить следующие особенности:

— двусторонне обязывающий характер договора;
— возмездный характер этого договора;
— возможность избрать модель представительства (от чьего имени будут выполняться действия);
— обязанность агента отчитываться и передавать все полученное по договору (ст. 1008 ГК РФ);
— право агента на вознаграждение и возмещение расходов (ст. 1006 ГК РФ);
— возможность привлечения субагента (ст. 1009 ГК РФ).

---

[4] См.: *Алешина А. В., Косовская В. А.* К вопросу о правовой природе договора морского агентирования // Актуальные проблемы юридической науки и практики. Государственный институт экономики, финансов, права и технологий (Гатчина), 2017. Т. 1. С. 115—118.

[5] *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Книга 4 : Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. М., 2002.

[6] Комментарий к Кодексу торгового мореплавания Российской Федерации / под ред. Г. Г. Иванова. М., 2000. С. 393—394 (автор соответствующего Комментария — С. П. Кондрашин).

[7] См., например: постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 19.03.2013 № 13537/12 по делу № А32-26605/2011 ; информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.08.2004 № 81. Пункт 10 // СПС «КонсультантПлюс».

Морское агентирование — это специальный случай агентского договора, который характеризуется помимо указанных выше особенностей, следующими чертами:

— расширенный перечень полномочий агента (ст. 237 КТМ РФ) — оформление судозахода, взаимодействие с властями, организация снабжения, оформление коносаментов, инкассация фрахта и др.;
— диспозитивность (ст. 233 КТМ РФ) — нормы главы КТМ РФ применяются, если иное не установлено соглашением сторон;
— возможность «двойного агентирования» (ст. 235 КТМ РФ) — агент может действовать и в интересах другой стороны (фрахтователя или грузовладельца) при согласии судовладельца;
— субагентирование (ст. 236 КТМ РФ) — агент может заключить договор субагентирования, но ответственность перед принципалом остается за ним.

Рассмотрим практическую ситуацию. Судовладелец заключил договор с агентом в порту Владивосток. В договоре было указано: агент не вправе подписывать коносаменты. Однако агент в отсутствие капитана подписал коносамент на погрузку партии груза. По правилам агентского договора (ГК РФ) такая сделка могла бы быть оспорена, если агент превысил полномочия. Однако в рамках применения к отношениям норм КТМ РФ (ст. 234) судовладелец будет связан действиями агента, если грузовладелец не знал и не должен был знать об ограничении полномочий. В рамках договора морского агентирования судовладелец имеет право впоследствии взыскать убытки с агента. Можно сделать вывод, что в морском агентировании приоритет отдается защите добросовестных третьих лиц, даже если агент действовал с превышением полномочий. Это существенно отличает морское агентирование от агентского договора в ГК РФ. На такую особенность договора агентского агентирования уже обращалось внимание учеными, исследовавшими природу агентских отношений[8].

Чаще всего договор морского агентирования используется:

— при единичном заходе судна в порт (single call agency);
— при работе на линейных маршрутах, где агент обслуживает регулярные рейсы (в этой ситуации агент часто также оказывает маркетинговые услуги судовладельцу и «продвигает» возможность использования регулярных рейсов. Оказание таких дополнительных услуг может вызвать вопрос о соблюдении требований по ограничению сферы применения договора морского агентирования, однако на практике такие договоры заключаются именно в рамках данной договорной конструкции);
— в формате генерального агентирования, когда одно лицо ведет дела судовладельца в нескольких портах региона.

Возможность выбора различных конструкций договора морского агентирования также отличает его от агентского договора, который предполагает длительное представительство интересов принципала.

---

[8] *Егоров А. В.* Агентский договор: опыт сравнительного анализа законодательных и теоретических конструкций // Ежегодник сравнительного правоведения, 2002. М. : Норма, 2003. С. 121—178.

М. И. Брагинский и В. В. Витрянский относят данный договор к фидуциарным сделкам[9]. По мнению ученых, фидуциарность данного договора состоит в том, что принципал выражает особое доверие агенту. Данный факт влияет на ряд правовых последствий, например, особые основания прекращения договора, оценку поведения агента судом при определении добросовестного поведения и др. С такой позицией достаточно сложно согласиться, потому что и судовладелец, и агент в данной ситуации являются предпринимателями, поэтому (как в агентском договоре в ГК РФ), доверительность отношений не является мерой определения добросовестности, а значит, и значимым элементом этого договорного правоотношения.

Морское агентирование и другие договорные конструкции

Если определять место договора морского агентирования в системе посреднических договоров, то ближайшими сходными договорными конструкциями будут договор поручения (гл. 49 ГК РФ) и договор комиссии (гл. 51 ГК РФ). При сравнении регулирования можно выделить следующие особенности. От договора комиссии морское агентирование отличается тем, что агент вправе действовать как от своего имени, так и от имени принципала, в свою очередь, комиссионер действует только от своего имени. Отличие от договора поручения состоит в том, что агент вправе действовать и от своего имени, поверенный же ограничен только действиями от имени доверителя.

Дополнительно можно сравнить регулирование договора морского агентирования с общей конструкцией возмездного оказания услуг, закрепленного в гл. 39 ГК РФ. Все посреднические договоры по виду договора относятся именно к договорам услуг, потому что их предметом является осуществление действий, однако посреднические договоры имеют свои особенности в рамках действия гл. 39 ГК РФ. Необходимо обратить внимание, что ГК РФ содержит в ст. 779 пункт 2 о том, что правила гл. 39 не распространяются на договоры поручения и комиссии. Агентирование в качестве исключенного договора не указывается. В отличие от договора возмездного оказания услуг, договор морского агентирования включает элемент представительства, т.е. морской агент представляет в сделках с третьими лицами интересы судовладельца. Договор морского агентирования является посредническим договором, и хотя его предметом являются услуги, его регулирование не подпадает под действие гл. 39 ГК РФ.

Договор морского агентирования содержит черты представительских договоров, поскольку морской агент действует по поручению и за счет судовладельца. В данном договоре присутствуют элементы как прямого (действия от имени судовладельца), так и косвенного (от своего имени) представительства.

Отдельно стоит отметить отличие договора морского агентирования от договора транспортной экспедиции (гл. 41 ГК РФ). Определение договора транспортной экспедиции содержится в ст. 801 ГК РФ. По сути, договор транспортной экспедиции направлен на оказание услуг по сопровождению груза за деньги.

[9] *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Указ. соч.

Помимо сопровождения, экспедитор может оказывать и дополнительные услуги, такие как, например, оформление документов, необходимых для транспортировки грузов, заполнение таможенных документов, проверка количества и состояния груза, его погрузка и выгрузка, уплата пошлин, сборов и других расходов, возлагаемых на клиента, хранение груза, его получение в пункте назначения и др. Деятельность транспортного экспедитора похожа на деятельность морского агента, однако существенное отличие этих договоров в том, что в ситуации транспортной экспедиции экспедитор не берет на себя функции представления грузоотправителя, в то время как в морском агентировании агент является представителем судовладельца[10].

Договор морского агентирования презюмируется возмездным (агент всегда получает вознаграждение), как и договор агентирования в целом. Обязательная возмездность данного договора вытекает из того, что стороны заключают этот договор в рамках предпринимательской деятельности (и судовладелец, и агент являются предпринимателями). Возмездность данного договора является его конституирующим признаком, так как КТМ РФ прямо указывает на вознаграждение агента, что является императивной нормой. Обязанность по выплате вознаграждения также сформулирована в законе в императивной форме.

Заключение

Обобщив все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что договор морского агентирования, хотя и входит в посреднические договоры, урегулированные ГК РФ, имеет свою отраслевую специфику и отражает особенности государственно-правовой защиты добросовестных третьих лиц в отношениях морской перевозки.

В таблице представлены общие черты и различия в посреднических договорах.

Критерий	Морское агентирование	Агентский договор	Комиссия	Поручение
Нормативная база	КТМ РФ, ст. 232—239, ГК РФ, ст. 1005—1011	ГК РФ, ст. 1005—1011	ГК РФ, ст. 990—1004	ГК РФ, ст. 971—979
Сфера применения	Исключительно морское судоходство (портовое обслуживание, судоходные операции)	Любая предпринимательская деятельность	Любая торговая и предпринимательская деятельность	Любые юридические действия, не ограниченные какой-то сферой

[10] Любопытной представляется возможность трактования договора морского агентирования, включающего услуги по транспортной экспедиции груза как смешанного. Подробнее см.: *Вайпан В. А.* Юридическая природа договора транспортной экспедиции и проблемы его правоприменения // Право и экономика. 2015. № 6. С. 34—44.

Критерий	Морское агентирование	Агентский договор	Комиссия	Поручение
Стороны	Судовладелец (принципал) и морской агент	Агент и принципал	Комитент и комиссионер	Доверитель и поверенный
Предмет договора	Оформление формальностей прихода/отхода, снабжение судна, инкассация фрахта, оформление коносаментов и др.	Совершение фактических и юридических действий	Совершение сделок комиссионером от своего имени, но за счет комитента	Совершение юридических действий поверенным от имени и за счет доверителя
От чьего имени действует	По выбору: от имени судовладельца или от своего имени (ст. 232 КТМ РФ)	От своего имени или от имени принципала	Всегда от своего имени	Всегда от имени доверителя
Кто несет обязательства перед третьими лицами	Судовладелец, если агент действует от его имени; агент, если действует от своего имени	Принципал	Комиссионер несет обязательства перед третьими лицами	Доверитель, так как поверенный действует от его имени
Полномочия агента/поверенного	«Каталог» в ст. 237 КТМ РФ + договорные полномочия	Определяются договором	Определяются договором комиссии	Определяются доверенностью и договором поручения
Ограничение полномочий	Внутренние ограничения не действуют против добросовестных третьих лиц (ст. 234 КТМ РФ)	Возможны в договоре	Третьи лица связаны только рамками договора	Третьи лица также связаны доверенностью
Субагентирование	Допустимо (ст. 236 КТМ РФ), ответственность несет агент	Допустимо (ст. 1009 ГК РФ)	Допустимо (ст. 994 ГК РФ)	Допустимо (ст. 976 ГК РФ) при передоверии
Вознаграждение	Обязательно (диспозитивно по размеру и форме)	Обязательно	Обязательно	Может быть как возмездным, так и безвозмездным
Форма договора	Письменная (ст. 161 ГК РФ + практика)	Письменная	Письменная при участии юридических лиц	Письменная при участии юридических лиц

Критерий	Морское агентирование	Агентский договор	Комиссия	Поручение
Прекращение договора	По истечении срока или по уведомлению за 3 месяца (ст. 239 КТМ РФ)	Общие основания ГК РФ	Общие основания ГК РФ	Общие основания ГК РФ

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алешина А. В., Косовская В. А.* К вопросу о правовой природе договора морского агентирования // Актуальные проблемы юридической науки и практики. — Государственный институт экономики, финансов, права и технологий (Гатчина), 2017. — Т. 1. — С. 115—118.
2. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Книга 4 : Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. — М., 2002.
3. *Вайпан В. А.* Юридическая природа договора транспортной экспедиции и проблемы его правоприменения // Право и экономика. — 2015. — № 6. — С. 34—44.
4. *Егоров А. В.* Агентский договор: опыт сравнительного анализа законодательных и теоретических конструкций // Ежегодник сравнительного правоведения. 2002. — М. : Норма, 2003. — С. 121—178.
5. *Фоков А. П.* Современное состояние договоров посредничества в частном праве России и Китая // Международное публичное и частное право. — 2022. — № 3. — С. 41—44.

Товарищеские объединения в банкротных правоотношениях

Диана Османовна ОСМАНОВА,
доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
doosmanova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *Договор простого товарищества вплоть до настоящего времени остается одним из наименее изученных, но в то же время наиболее перспективных для обширного применения. Регулирование, предложенное в главе 55 Гражданского кодекса РФ, оставляет место для научной дискуссии, в частности о субъектном составе такого объединения, о цели его создания, о ключевых признаках, определяющих подобный коллектив, и, соответственно, о возможности идентификации в качестве простого товарищества различных объединений. Обнаруживаются позиции о восприятии в качестве простого товарищества супругов, членов крестьянско-фермерского хозяйства, участников корпоративного договора и др. Особое внимание автора сосредоточено на анализе позиции об отнесении к числу товарищеских объединений сообщества кредиторов должника. В статье предложены ключевые особенности договора простого товарищества, позволяющие отграничить данную форму объединения лиц от иных (множественность участников, наличие общей цели, обязательность внесения вкладов и личного ведения дел и др.). Проведено соотношение данных критериев с сообществом кредиторов должника. Предложен вывод о недопустимости восприятия сообщества кредиторов в качестве участников простого товарищества с обоснованием причин такой позиции.*

Ключевые слова: *договор простого товарищества, товарищ, вклад, несостоятельность (банкротство), кредиторы, должник, множественность лиц*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.133-143

© Османова Д. О., 2026

Diana O. OSMANOVA,
Associate professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
doosmanova@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Partnerships in Bankruptcy Relations

Abstract. *The simple partnership agreement remains one of the least studied, yet most promising for widespread application. The regulation proposed in Chapter 55 of the Civil Code of the Russian Federation leaves room for scholarly discussion, in particular regarding the composition of such an association, the purpose of its creation, the key characteristics defining such a group, and, accordingly, the possibility of identifying various associations as simple partnerships. Positions are explored regarding the classification of spouses, members of a peasant farm, parties to a corporate agreement, and other entities as simple partnerships. The author focuses specifically on the classification of a debtor's creditors as partnerships.*

This article proposes key features of the simple partnership agreement that distinguish this form of association from other forms of association (multiple participants, a common goal, mandatory contributions and personal management, etc.). These criteria are compared with the debtor's creditor community. A conclusion is proposed regarding the inadmissibility of perceiving the creditor community as participants in a simple partnership, with a justification for this position.

Keywords: *partnership agreement, partner, contribution, insolvency (bankruptcy), creditors, debtor, plurality of persons*

Введение

Договор простого товарищества является одной из наиболее интересных по своему содержанию и недостаточно изученных правовых конструкций, область применения которой остается неизведанной. Несмотря на масштабную реформу гражданского законодательства, а также внесение точечных изменений в Гражданский кодекс РФ, указанный договор, по мнению автора, остался без должного внимания. При этом лаконичное регулирование, предложенное в гл. 55 ГК РФ, оставляет множество вопросов, касающихся как правовой сущности данного типа связи, так и возможности идентификации различных общностей в качестве товарищеского объединения. Один из таких вопросов касается допустимости идентификации сообщества кредиторов должника в качестве разновидности простого товарищества. Настоящее исследование раскрывает позицию автора и предлагает ответ на данный вопрос.

Признаки простого товарищества

Категория «товарищеские объединения» была предметом исследования множества различных авторов[1]. Результаты проведенных исследований могут быть представлены в виде перечня специфических черт, определяющих простое товарищество и позволяющих отграничить указанную форму объединения лиц от иных.

К числу таковых следует отнести: 1) это множественность лиц — участников такого объединения; 2) фидуциарный характер связи между членами такого коллектива; 3) объединение вкладов вовлеченных лиц; 4) совместное осуществление действий, направленных на достижение общей цели и ведение общих дел; 5) наличие единой цели, ради которой происходит объединение. Некоторые из указанных признаков требуют более подробного раскрытия.

Обязательность вовлечения нескольких лиц в указанную деятельность — первый и определяющий признак подобного договора. В литературе неоднократно отмечалось, что появление договоров о совместной деятельности является объективным результатом стремления субъектов гражданского права объединить свои усилия и ресурсы для достижения совместных целей[2]. Таким образом, никто не

---

[1] См. работы дореволюционных исследователей: *Квачевский А.* О товариществах вообще и акционерных обществах в особенности по началам права, русским законам и судебной практике в общедоступном изложении. Часть I. О товариществах вообще. СПб. : типография Правительствующего Сената, 1880 ; *Максимов В.* Законы о товариществах : справочная книга для юристов, действующих и возникающих товариществ. М. : Юрист, 1911 ; *Синайский В. И.* Русское гражданское право (пособие к изучению т. X ч. 1 и сенатской практики). Киев : типография А. М. Пономарева при участии И. И. Врублевского, 1912 ; *Соколовский П. Е.* Договор товарищества по римскому гражданскому праву. Киев : типография Императорского университета св. Владимира, 1893 ; *Мейер Д. И.* Русское гражданское право : в 2 ч. [По испр. и доп. 8-му изд., 1902]. 3-е изд., испр. М. : Статут, 2003 ; *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. СПб. : типография А. Бенке, 1880. Ч. 3 : Договоры и обязательства ; *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права : в 2 т. М. : Юрайт, 2025. Т. 2 : Особенная часть.

См. также современные исследования: *Горева А. А.* Общая цель и внесение вкладов как признаки договора простого товарищества : дис. … канд. юрид. наук. М., 2024 ; *Илюшников С. М.* Простое товарищество в российском гражданском праве : дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009 ; *Савельев А. Б.* Договор простого товарищества в российском гражданском праве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2003 ; *Тальчиков С. А.* Договор простого товарищества в гражданском праве России: исторические традиции и современность : монография. М. : Проспект, 2005 ; *Щукина Е. М.* Содержание и юридическая природа договора простого товарищества по российскому гражданскому праву : дис. … канд. юрид. наук. М., 2002 ; *Ястребов И. С.* Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих из договора простого товарищества : дис. … канд. юрид. наук. М., 2007.

[2] См., например: *Горева А. А.* Договор простого товарищества и его виды: российское право в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. 2020. № 6 ; *Максимов В. Я.* Законы о товариществах. Акционерные общества, товарищества на паях, торговые дома, артели и др. Порядок их учреждения и деятельности, с разъяснениями

отрицает обязательность вовлечения множества участников, оставляя место для дискуссии только в части субъектного состава указанного объединения.

С учетом положений п. 2 ст. 1041 ГК РФ участниками договора простого товарищества, заключенного с целью осуществления предпринимательской деятельности, могут быть только индивидуальные предприниматели и коммерческие организации. При создании товарищеских объединений для иных целей ограничений по субъектному составу не предусмотрено. Тем не менее открытым остается вопрос о возможности участия в предпринимательском товариществе в качестве простого товарища некоммерческих юридических лиц или граждан, не являющихся субъектами предпринимательской деятельности[3].

Не умаляя важность обозначенной проблематики, для целей настоящего исследования важен вывод о том, что для отдельных видов простого товарищества законом предусмотрены ограничения по субъектному составу соответствующей множественности.

Второй не менее важный аспект, обращающий на себя внимание, — это цель объединения. В отечественной научной литературе отмечено, что квалификация договора простого товарищества в качестве такового возможна только тогда, когда участники преследуют единую цель[4]. Например, С. М. Илюшников указывает, что договор простого товарищества — это организационный договор, заключение которого направлено на упорядочивание деятельности множественности лиц, которые выступают в качестве одной стороны правоотношения, направленного на достижение общей цели[5]. Н. Г. Вавин, развивая указанную мысль, подчеркивает, что общая цель является таковой только тогда, когда ее достижение приносит благо для всех товарищей, а не удовлетворяет индивидуальную потребность одного или нескольких из них. Так что общая цель — это потребность, существующая для всех участников объединения, и она не может быть такой, чтобы приносить

и приложением. 2-е изд. М. : Юрист, 1911. С. 173 ; *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. 9-е изд. М. : изд. Бр. Башмаковых, 1911. С. 565.

[3] См., например: Российское гражданское право : учебник: в 2 т. / В. В. Витрянский, В. С. Ем, Н. В. Козлова [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М. : Статут, 2011. Т. 2 : Обязательственное право ; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть вторая) / под ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковского, С. А. Хохлова. М. : МЦФЭР, 1996.

[4] См., например: *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Кн. 5 : в 2 т. 2-е изд., стереотип. М. : Статут, 2011 Т. 1 : Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований ; *Горева А. А.* Пределы свободы договора в вопросе распределения прибыли и покрытия убытков по договору простого товарищества // Вестник гражданского права. 2024. № 2. С. 60—99 ; *Щукина Е. М.* Указ. соч. С. 43.

[5] *Илюшников С. М.* Указ. соч. С. 8.

выгоду только одному из товарищей[6]. Аналогичная позиция встречается в работах М. И. Брагинского[7], К. П. Победоносцева[8], С. А. Тальчикова[9].

Отсутствие у товарищей единой цели исключает возможность квалификации множественности лиц в качестве простого товарищества. Необходимость достижения общей цели определяет права и обязанности участников товарищества, а также объясняет установленные законом ограничения.

Цель формирует потребность коллективности действий, объединения вкладов и личного вовлечения в деятельность указанного объединения.

Совершение действий, направленных на достижение общей цели, выводится из положений п. 1 ст. 1041 ГК РФ. В указанном пункте закреплена общая обязанность товарищей действовать для достижения той цели, которая указана в договоре простого товарищества. В научной литературе подчеркивается важность непосредственного участия в достижении цели, так как договор простого товарищества направлен на объединение лиц, а не капиталов[10], а значит, активное участие таких лиц — определяющий признак соответствующего союза. Совместное осуществление действий — определяющий критерий для обнаружения простого товарищества, при этом такое поведение воспринимается в самом широком смысле и подразумевает любые активные или пассивные действия, направленные на достижение общей цели[11].

Важность осуществления совместных действий отмечается в правоприменительной практике. Так, например, Высший Арбитражный Суд РФ указывал, что существенными условиями договора простого товарищества являются: внесение вкладов и совместный характер действий, которые необходимы для достижения общей цели. В рассмотренном споре один из участников предоставил земельный участок, в то время как второй — осуществил на нем строительство многоквартирного дома[12]. Иными словами, отсутствовали активные действия двух сторон, что исключило возможность восприятия такого объединения в качестве договора простого товарищества[13].

Совместное осуществление деятельности предполагает ведение общих дел товарищей, а также фидуциарный характер связи между ними.

Лично-доверительный характер отношений участников такой множественности проистекает из римского права, в рамках которого указанный договор носил

---

6 *Вавин Н. Г., Вормс А. Э.* Товарищества простое, полное и на вере // Научно-практический комментарий к ст. 276—317 Гражданских кодексов РСФСР и УССР. 2-е изд., испр. и доп. М. : Право и жизнь, 1928.

7 *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Указ. соч.

8 *Победоносцев К. П.* Указ. соч.

9 См., например: *Тальчиков С. А.* Указ. соч. С. 100.

10 См.: *Вавин Н. Г., Вормс А. Э.* Указ. соч. С. 21 ; *Суханов Е. А.* Сравнительное корпоративное право. М. : Статут, 2014 ; *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Указ. соч.

11 См.: *Горева А. А.* Договор простого товарищества… С. 53.

12 Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.03.2014 № 16768/13 по делу № А46-8936/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

13 Аналогичная позиция высказана, например, в определении Верховного Суда РФ от 12.07.2019 № 303-ЭС18-18778 по делу № А51-7622/2016 (СПС «КонсультантПлюс»).

строго личный характер. Тот, кто вступал в товарищество, выбирал себе в партнеры определенное лицо, а потому смерть последнего прекращала существование товарищества[14]. Иными словами, основу такого объединения составляли доверие и вера в отношениях между участниками. По этой причине было невозможно предсказать, могут ли распространиться такие особые отношения на то лицо, которое еще не известно[15].

В контексте современного регулирования фидуциарность договора простого товарищества имеет следующие проявления: 1) невозможность уступки прав участниками простого товарищества без согласия всех товарищей (п. 2 ст. 388 ГК РФ)[16] и 2) прекращение договора при выходе одного из участников или потери им правосубъектности, в частности смерти, ликвидации, банкротстве, недееспособности (ст. 1050 ГК РФ)[17].

Фидуциарный характер отношений предопределяет наличие соответствующих прав и обязанностей, например, важности раскрытия информации, выстраивания своего поведения определенным образом (чтобы не нарушать интересы иных членов объединения), разумности поведения с точки зрения не только собственного, но и группового интереса[18].

Не менее важной составляющей, позволяющей идентифицировать такой вид объединения, является обязательность объединения вкладов[19]. Без выполнения этого условия будет заключен договор другого рода, но не товарищества[20].

Понятие «вклад» может быть рассмотрено как в узком, так и широком смыслах. Широкое прочтение предполагает все виды действий и предоставлений, направленных на достижение общей цели. Тогда в качестве вклада воспринимается любой положительный эффект, например ограничение конкуренции, укрепление кредитоспособности товарищества, ожидаемое в результате присоединения товарища, договоренность с третьим лицом о заключении в будущем договора, предоставление информации[21] и др.

---

[14] См.: *Горева А. А.* Уступка прав по договору простого товарищества: поиск оптимальной модели // Закон. 2022. № 6. С. 42—55.

[15] *Zimmermann R.* The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition. Oxford ; New York : Oxford University press, 1996. P. 456.

[16] См., например: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.07.2000 № 56 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с договорами на участие в строительстве». Пункт 4 // Хозяйство и право. 2000. № 10 ; постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.08.2024 № 15АП-9190/2024 по делу № А32-36926/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[17] См.: *Горева А. А.* Договор простого товарищества… С. 38.

[18] В работе А. А. Горевой предложен анализ зарубежных источников, демонстрирующих, что подобные фидуциарные обязанности характерны для подобных форм объединений и в иных правопорядках — Германии, Англии, США и др. См.: *Горева А. А.* Договор простого товарищества… С. 42.

[19] См.: *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Указ. соч. ; *Горева А. А.* Договор простого товарищества… С. 45 ; *Щукина Е. М.* Указ. соч. С. 37 ; Российское гражданское право. С. 12.

[20] См.: *Квачевский А. А.* Указ. соч. С. 14.

[21] См.: *Горева А. А.* Договор простого товарищества… С. 45.

В узком смысле вклад увеличивает имущественные активы товарищества. Восприятие такого подхода в качестве основного существенно ограничило бы возможность для восприятия отдельных предоставлений в качестве вклада. В частности, были бы исключены все нематериальные обязательства, например не конкурировать и т.д., так как они не подлежат денежной оценке и не вполне укладываются в категорию «имущество»[22].

Необходимость внесения вклада следует из буквального текста закона о договоре простого товарищества: в силу п. 1 ст. 1041 ГК РФ по договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) двое или несколько лиц (товарищей) *обязуются соединить свои вклады* и совместно действовать без образования юридического лица для извлечения прибыли или достижения иной не противоречащей закону цели. Последующие положения указанной главы посвящены последствиям внесения таких вкладов (см., например, ст. 1043, 1046, 1048 и др. ГК РФ).

Внесение вкладов — важный этап создания товарищества, поскольку последствием их объединения является формирование общей имущественной массы товарищей. Имущественный пул, в свою очередь, обеспечивает защиту интересов участников данного договора, предотвращает возможность отчуждения одним из них своей части вклада и обращения взыскания со стороны кредиторов по личным обязательствам такого лица. Как отмечено в научной литературе, формирование общего имущества товарищей — это гарантия для существования товарищеских отношений и обеспечение достижения поставленной цели[23].

Столь широкий подход к содержанию категории «вклад товарища» наряду с допустимостью создания простого товарищества для иных целей (не предпринимательских) позволяет воспринимать в качестве товарищеского объединения различные множественности лиц. Например, в отдельных публикациях в качестве особой разновидности договора простого товарищества рассматривается семья[24]; в иных научных исследованиях в качестве разновидности простого товарищества рассматриваются участники корпоративного договора[25]; в качестве подобной разновидности предложено рассматривать соглашение о создании крестьянско-фермерского хозяйства[26] и т.д.

При этом отмечается, что гл. 55 ГК РФ необоснованно сужает перспективы использования конструкции простого товарищества, а потому перечисленные примеры ориентируют на анализ сущности таких объединений, но не обязательности использования положений, закрепленных в главе о договоре простого

---

[22] *Горева А. А.* Договор простого товарищества… С. 45.

[23] *Горева А. А.* Договор простого товарищества… С. 50—51.

[24] *Ильина О. Ю.* Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 12—15 ; *Михеева Л. Ю.* Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 3—5.

[25] *Асосков А. В.* Коллизионное регулирование договоров об осуществлении корпоративных прав (корпоративных договоров) // Закон. 2014. № 8. С. 31—42.

[26] *Корнеев С. М.* Избранное / сост. и науч. ред. П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2012.

товарищества[27]. При всей справедливости подобного высказывания, предполагается, что оно не вполне последовательно, поскольку ГК РФ не предлагает иных нормативных правил для регламентации подобных отношений, а потому восприятие какого-либо объединения в качестве простого товарищества неизбежно влечет необходимость применения норм гл. 55 ГК РФ, посвященной договору простого товарищества.

Особое место среди высказываний, отмечающих широту применения договора простого товарищества, занимают те, которые относят к его разновидности сообщество кредиторов должника при несостоятельности (банкротстве)[28]. Данная позиция должна быть далее рассмотрена подробнее.

Невозможность отнесения сообщества кредиторов должника к товарищескому объединению

Следует оговориться, что внешне общность кредиторов действительно может напомнить товарищеское объединение. Автор настоящей работы на определенном этапе изучения данной проблематики поддался идее допустимости квалификации возникающих множественностей в качестве товарищеских объединений[29]. Однако последующее изучение указанного вопроса привело к выводу об ошибочности подобного восприятия.

Предложенные в соответствующем разделе признаки такой формы множественности лиц, как простое товарищество, исключают возможность ее отождествления с множественностью, которую формируют кредиторы должника.

Прежде всего, вопреки позициям авторов, которые отстаивают данный подход, надо отметить, что у кредиторов должника отсутствует единая цель. Участники истинной множественности кредиторов должника обладают разнонаправленными интересами и преследуют взаимоисключающие цели: получить полное и быстрое удовлетворение по своему требованию. Исполнение цели одного из них делает невозможным достижение указанной цели для иных вовлеченных в правоотношения субъектов.

Консолидация указанных участников носит вынужденный характер. Ограничения и запреты, установленные специальным законодательством, направлены

---

[27] *Михеева Л. Ю.* Указ. соч.

[28] Например, об этом пишет А. И. Шайдуллин (URL: https://t.me/educatedyoungman/197, URL: https://t.me/educatedyoungman/187 (дата обращения: 01.10.2025)). В частности, автор указывает, что имеются все основания для вывода о том, что кредиторы в рамках соответствующего гражданско-правового сообщества собрания кредиторов в известном смысле являются товарищами, преследующими общую цель — наиболее полное удовлетворение своих требований, и имеют на этом основании обязанности лояльности подобно участникам корпораций. Таким образом, у кредиторов в процедуре возникают обязательства из ведения общего дела. На это же указывает О. Р. Зайцев (URL: https://t.me/Shokobear/2225 (дата обращения: 01.10.2025)).

[29] См.: *Османова Д. О.* Правовой режим основных множественностей в процедуре банкротства // Lex russica. 2021. Т. 74. № 11. С. 17—29.

на сдерживание глобального и неразрешимого конфликта интересов участников банкротных правоотношений. В совокупности это приводит к выводу об ошибочности обнаружения у данных лиц некой единой цели. Действия, которые они осуществляют, в том числе для пополнения конкурсной массы должника, направлены на удовлетворение эгоистичного личного интереса без учета прав иных лиц.

Иными словами, каждый член такой множественности желает достигнуть собственного, отличного от других результата, для чего предпринимает необходимые действия.

Не выполняются и иные признаки, характерные для простого товарищества:

— коллективное ведение дел (указанные отношения предполагают широкую дискрецию индивидуальных действий вовлеченных лиц, что представляется справедливым и разумным, учитывая количество злоупотреблений и возможность вовлечения дружественных должнику участников);
— фидуциарный характер связи (принимая во внимание, что множественности в банкротстве преимущественно носят недобровольный характер, едва ли отношения участников такого объединения отличаются лично-доверительным характером);
— объединение вкладов (множественности лиц в банкротстве не объединяют друг с другом вклады; они вносят свои вклады в имущественную массу и хозяйственную деятельность должника[30], однако не по отношению друг к другу);
— осуществление совместной деятельности (с учетом количества недобросовестных действий, направленных на эгоистичное удовлетворение интереса каждого участника таких отношений, допустимо сделать вывод об отсутствии какой-либо совместности действий; при этом в силу закона и разъяснений правоприменительной практики вовлеченные участники действительно могут в определенных ситуациях объединять свои усилия, что не исключает преследование ими личного, а не единого коллективного интереса).

Таким образом, невозможно согласиться с корректностью подхода о том, что объединение кредиторов должника — это разновидность простого товарищества. Некоторое внешнее сходство не должно вводить в заблуждение относительно правовой природы множественности лиц, формируемой в отношениях несостоятельности и в рамках простого товарищества.

Следует отметить, что даже те авторы, которые отстаивают указанную идею, высказывают несколько противоречивые замечания. Так, А. И. Шайдуллин приводит в качестве примера из правоприменительной практики определение Верховного Суда РФ от 14.11.2022 № 307-ЭС17-10793(26-28) по делу № А56-45590/20156, в котором группа лиц (объединяющая конкурсного управляющего и кредиторов) была привлечена к ответственности в форме возмещения убытков. Как полагает автор, исходя из данного судебного дела, имеются все основания для вывода о том, что кредиторы должника — это товарищи, преследующие общую цель, с той лишь особенностью, что они являются случайными — никто из

[30] Идея о том, что кредиторы должника фактически вносят свои вклады в деятельность последнего, автором уже высказывалась. См.: *Османова Д. О.* Указ. соч. С. 20.

них не влияет на их выбор. Далее автор указывает, что товарищество не обязательно предусматривает вклад в общее дело. Отсутствие указанных признаков, резюмирует он, не исключает возможность их восприятия в качестве такого объединения[31].

Однако важность личности для ведения общего дела, как и внесение вклада — это конститутивные признаки товарищеской общности. Такое вольное прочтение необходимости их наличия приводит к невозможности отграничения данной формы объединения от иного коллектива, а потому представляется не вполне верным. При этом не усматривается разумного обоснования принципиальной важности идентификации кредиторского объединения именно в качестве товарищеского, а не какого-либо иного. В совокупности это ставит под сомнение корректность избранного подхода об отождествлении кредиторского сообщества и простого товарищества.

Заключение

Договор простого товарищества как самостоятельная конструкция предоставляет широкие возможности для практического применения. Вероятно, следует согласиться с позицией о том, что нормативное отражение указанного соглашения в некоторой степени ограничивает границы его использования.

Тем не менее важно учитывать специфические черты подобной общности, позволяющие отграничить ее от иных форм коллективной деятельности. Недостаточная изученность наряду с предложенным регулированием открывает широкую научную дискуссию для идентификации в качестве простого товарищества разных видов объединений — брачного союза, корпоративного коллектива, членов крестьянско-фермерского хозяйства, а также сообщества кредиторов должника.

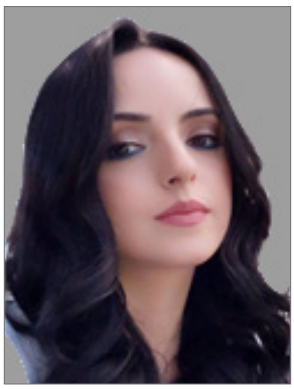
Последний пример представляется не вполне корректным ввиду отсутствия в такой общности всех признаков, имеющих принципиальное значение для простого товарищества. В целом на примере такого союза, как множественность кредиторов должника, автор настоящей работы считает необходимым подчеркнуть важность последующего более детального изучения правовой сущности простого товарищества для целей корректного отнесения различных объединений к такой общности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Асосков А. В.* Коллизионное регулирование договоров об осуществлении корпоративных прав (корпоративных договоров) // Закон. — 2014. — № 8. — С. 31—42.
2. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. — Кн. 5 : в 2 т. — 2-е изд., стереотип. — М. : Статут, 2011. — Т. 1 : Договоры о займе, банковском

[31] URL: https://t.me/educatedyoungman/187 (дата обращения: 01.10.2025).

кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований.
3. *Горева А. А.* Договор простого товарищества и его виды: российское право в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. — 2020. — № 6.
4. *Горева А. А.* Общая цель и внесение вкладов как признаки договора простого товарищества : дис. … канд. юрид. наук. — М., 2024.
5. *Ильина О. Ю.* Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. — 2019. — № 1. — С. 12—15.
6. *Квачевский А.* О товариществах вообще и акционерных обществах в особенности по началам права, русским законам и судебной практике в общедоступном изложении. — СПб. : типография Правительствующего Сената, 1880. — Часть I : О товариществах вообще.
7. *Максимов В.* Законы о товариществах : справочная книга для юристов, действующих и возникающих товариществ. — М. : Юрист, 1911.
8. *Михеева Л. Ю.* Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий // Семейное и жилищное право. — 2020. — № 3.
9. *Османова Д. О.* Правовой режим основных множественностей в процедуре банкротства // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 11. — С. 17—29.
10. *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. — СПб. : типография А. Бенке, 1880. — Ч. 3 : Договоры и обязательства.
11. Российское гражданское право : учебник: в 2 т. / В. В. Витрянский, В. С. Ем, Н. В. Козлова [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд., стереотип. — М. : Статут, 2011. — Т. 2 : Обязательственное право. — 1208 с.
12. *Тальчиков С. А.* Договор простого товарищества в гражданском праве России: исторические традиции и современность : монография. — М. : Проспект, 2005.
13. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права : в 2 т. — М. : Юрайт, 2025. — Т. 2 : Особенная часть. — 450 с.
14. *Щукина Е. М.* Содержание и юридическая природа договора простого товарищества по российскому гражданскому праву : дис. … канд. юрид. наук. — М., 2002.



Гоар Суреновна МАЦАКЯН,
старший преподаватель кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук
goar.matsakyan@gmail.com
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Договор оказания услуг почтовой связи: проблемы определения и толкования

Аннотация. *На основе анализа законодательных предписаний, доктринальных позиций и сложившейся правоприменительной практики автором дана юридическая квалификация договора оказания услуг почтовой связи. Рассмотрены его понятие, конститутивные признаки, субъектный состав, порядок заключения, существенные условия, содержание, ответственность оператора почтовой связи и отправителя за нарушение договорных обязательств. Установлено, что видообразующими признаками, характерными для данной договорной модели, являются ее предмет и субъектный состав.*

Ключевые слова: *услуги связи, услуги почтовой связи, оператор почтовой связи, публичный договор, пользователь услуг связи, почтовое отправление, почтовый перевод денежных средств*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.144-152

Goar S. MATSAKIAN,
Senior lecturer of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)
goar.matsakyan@gmail.com
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Postal Services Agreement: Issues of Definition and Interpretation

Abstract. *Based on the analysis of legislative provisions, doctrinal positions, and established law enforcement practice, the author provides a legal qualification of the postal services agreement. The analysis covers the following aspects: the definition of the contract; its constitutive features; the parties involved; procedure for conclusion, essential terms and conditions; contractual content; and liability of the postal operator and the sender for breach of contractual obligations. It has been established that the defining characteristics specific to this contractual model are the subject matter of the contract and the specific composition of the contracting parties.*

Keywords: *communication services, postal services, postal operator, public contract, user of communication services, postal item, postal money transfer*

© Мацакян Г. С., 2026

Для характеристики любого типа (вида) договора прежде всего имеет значение определение его места в системе гражданско-правовых договоров. Обладая родовыми признаками договора возмездного оказания услуг, видовыми особенностями договора об оказании услуг связи[1], договор оказания услуг почтовой связи[2] имеет набор конститутивных признаков, позволяющих отграничить его от сходных гражданско-правовых конструкций. Такими признаками являются, главным образом, особенности его предмета и субъектного состава, безусловно, присущие только данной договорной модели.

По договору оказания услуг почтовой связи одна сторона (исполнитель) обязуется за плату переслать вверенное другой стороной (заказчиком) почтовое отправление или денежные средства по указанному заказчиком адресу и доставить (вручить) их получателю (адресату).

В Законе «О почтовой связи» заказчик обозначается понятиями «отправитель» или «пользователь услуг связи». Интересно, что наряду с лицами, заказывающими услуги связи, Закон «О связи» относит к числу пользователей услуг связи также лиц, использующих услуги связи. Очевидно, что понятие «пользователь услуг связи» — категория собирательная, которая охватывает не только отправителя почтового отправления или денежных средств, но и их получателя (адресата).

На стороне заказчика (отправителя) могут быть в равной мере граждане и юридические лица. Особые требования предъявляются законодателем к исполнителю (оператору почтовой связи). В этом качестве могут выступать только организации почтовой связи и индивидуальные предприниматели, наделенные в установленном законом порядке правом на оказание услуг почтовой связи[3]. Право на осуществление названного вида деятельности возникает у оператора почтовой связи с момента получения лицензии или в указанный в ней срок и утрачивается при прекращении действия такого специального разрешения (абз. 2 п. 3 ст. 49 ГК РФ).

В случае отсутствия у оператора почтовой связи лицензии на оказание услуг почтовой связи, необходимой для исполнения обязательства, возникшего на основании договора оказания услуг почтовой связи, отправитель вправе отказаться от договора (исполнения договора) и потребовать возмещения убытков (п. 3 ст. 450.1 ГК РФ). Как видим, отсутствие у оператора почтовой связи лицензии на осуществление указанного вида деятельности не влечет недействительности договора оказания услуг почтовой связи. Последствием такого нарушения является возможность реализации секундарного права (нем. Gestaltungsrechte)[4], которое

---

[1] См.: Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895. Ст. 44.

[2] См.: Федеральный закон от 17.07.1999 № 176-ФЗ «О почтовой связи» // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3697. Ст. 16.

[3] Оказание услуг почтовой связи является основным видом деятельности для организаций почтовой связи.

[4] См. подробнее: *Вавилин Е. В.* Секундарное право в механизме осуществления прав и исполнения обязанностей // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 1 (65). С. 77—80 ; *Его же*. Осуществление и защита гражданских прав в усло-

затрагивает правовую сферу контрагента, и предъявления к последнему требования возместить имущественные потери.

Организации почтовой связи, являющиеся некоммерческими юридическими лицами или унитарными предприятиями, имеют специальную (целевую) правоспособность. Это означает, что они могут быть участниками только таких сделок, которые корреспондируют целям их деятельности. Сделка, совершенная с нарушением указанного требования, недействительна по ст. 168 ГК РФ[5]. Представляется, что речь идет о ничтожной сделке, так как имеет место юридический состав, предполагающий не только нарушение требований закона, но и посягательство на публичный интерес.

Оказание услуг почтовой связи представляет собой сложный производственно-технологический процесс. Поэтому законом установлено еще одно требование, обязательное для операторов почтовой связи. Такие субъекты должны располагать имущественным комплексом[6], включающим технологическое оборудование, средства механизации, автоматизации и информатизации (например, почтово-кассовые терминалы, электронно-вычислительные машины; специальную технику, предназначенную для перевозки почтовых отправлений и денежных средств), объекты недвижимости, используемые для хранения почтовых отправлений и денежных средств, включая складские помещения.

Специальные положения, касающиеся формы договора оказания услуг почтовой связи и порядка его заключения, в законе и правилах оказания услуг почтовой связи отсутствуют[7]. Следовательно, рассматриваемый договор должен быть заключен в соответствии с правилами гл. 9 («Сделки») и гл. 28 («Заключение договора») ГК РФ.

Договор оказания услуг почтовой связи по юридической природе является двусторонним, возмездным, синаллагматическим (взаимным), консенсуальным. Двусторонний характер договора оказания услуг почтовой связи выражается в том, что и на стороне отправителя, и на стороне оператора почтовой связи имеются как права, так и обязанности (п. 2 ст. 308 ГК РФ). Исполнение оператором почтовой связи обязанности по пересылке и доставке почтового отправления или денежных средств предполагает определенное встречное предоставление со стороны пользователя услуг связи — плату за оказание услуг почтовой связи, поэтому такой договор является возмездным (п. 1 ст. 423 ГК РФ).

Кроме того, анализируемый договор является синаллагматическим ввиду того, что на стороне пользователя услуг связи лежит встречное исполнение

виях цифровой трансформации отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 110—121.

[5] См. подробнее: *Аюшеева И. З., Козлова Е. Б., Носов Д. В.* Сделки и представительство в частном праве : учебное пособие. М. : Проспект, 2024. С. 60—62 (автор главы — Д. В. Носов).

[6] См. подробнее: Модернизация гражданского законодательства: правовой опыт и направления развития : монография / под общ. ред. Е. В. Вавилина, Л. Ю. Василевской. М. : Проспект, 2025. С. 272—290 (автор § 3 гл. 4 — Г. С. Мацакян).

[7] На практике широкое распространение получила типовая форма договора оказания услуг почтовой связи № 10/21-ТФДд, утв. АО «Почта России».

обязательства, т.е. исполнение последним обязательства оплатить оказанные услуги почтовой связи обусловлено исполнением оператором почтовой связи своего обязательства оказать услуги почтовой связи (п. 1 ст. 328 ГК РФ).

Оператор почтовой связи не вправе отказаться от заключения договора оказания услуг почтовой связи с гражданином при наличии возможности предоставить ему такие услуги, что вытекает из предписания п. 1 ст. 45 Закона «О связи», согласно которому договор об оказании услуг связи с абонентом — физическим лицом признается публичным. Бремя доказывания отсутствия возможности оказать услуги почтовой связи возлагается на оператора почтовой связи[8]. В качестве основания для отказа от заключения рассматриваемого договора, например, может служить отсутствие у оператора почтовой связи технической возможности предоставления подобных услуг либо намерение гражданина отправить адресату (получателю) объекты, запрещенные законом к пересылке.

Представляется, что договор оказания услуг почтовой связи с участием на стороне пользователя услуг почтовой связи юридического лица подпадает под специальный режим, установленный ст. 426 ГК РФ («Публичный договор»), если удовлетворяет признакам, присущим соответствующей специальной договорной конструкции. В этой связи необходимо обратить внимание на то, что отдельными правовыми актами могут быть предусмотрены особые правовые формы, опосредующие отношения по оказанию услуг связи. Например, оказание услуг межоператорского обмена предполагает заключение договора, который по юридической природе не является публичным.

Ввиду указанного обстоятельства от пользователей услуг почтовой связи следует отличать пользователей услуг межоператорского обмена. Последними выступают операторы почтовой связи, заключившие с владельцами[9] сети общедоступной почтовой связи специальное соглашение, поименованное как договор на оказание услуг межоператорского обмена[10]. В одном из рассмотренных дел Верховный Суд РФ согласился с выводами нижестоящих судов о том, что основания для понуждения акционерного общества «Почта России» к заключению «договора на оказание услуг блока почтового бизнеса» отсутствуют, поскольку стороны являются профессиональными участниками в сфере оказания услуг

[8] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора». П. 20 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

[9] В соответствии с реестром естественных монополий к таким организациям, в частности, относятся: АО «Почта России», ФГУП «Почта Крыма», ГУП «БайконурСвязьИнформ», ГУП «Почта Таврии», ГУП ДНР «Почта Донбасса», ГУП ЛНР «Почта ЛНР», ГУП «Почта Херсон» (URL: https://fas.gov.ru (дата обращения: 27.03.2025)).

[10] См.: постановление Правительства РФ от 22.12.2018 № 1640 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа на товарный рынок услуг общедоступной почтовой связи». П. 8 // СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. II). Ст. 8680.

почтовой связи, которые взаимодействуют посредством оформления особого соглашения[11] — договора на оказание услуг межоператорского обмена[12].

Заключение такого договора обусловлено рядом индивидуальных обстоятельств, в связи с чем последний не может быть отнесен к числу публичных[13]. В то же время обязанность заключить подобный договор может иметь место, например, в случае заключения операторами почтовой связи предварительного договора, т.е. в силу добровольно принятого обязательства. Как известно, подчинение гражданско-правового договора режиму публичного договора влечет определенные последствия (ст. 421 ГК РФ)[14], включая издание в случаях, предусмотренных законом, правил, обязательных для сторон при заключении и исполнении публичных договоров (п. 4 ст. 426 ГК РФ). Содержательную регламентацию отношений, участниками которых являются операторы почтовой связи и пользователи услуг почтовой связи, обеспечивают правила оказания услуг почтовой связи, утвержденные приказом Минцифры России от 17.04.2023 № 382[15]. Условия договора оказания услуг почтовой связи, не соответствующие названным правилам, ничтожны (п. 5 ст. 426 ГК РФ).

Будучи консенсуальной сделкой, договор оказания услуг почтовой связи порождает обязательство между отправителем и оператором почтовой связи с момента достижения сторонами соглашения по всем его существенным условиям (п. 1 ст. 432 ГК РФ). Следовательно, с момента заключения договора оказания услуг почтовой связи на стороне заказчика возникает обязанность передать исполнителю почтовое отправление или денежные средства, в отношении которых последний обязан совершить действия, составляющие предмет рассматриваемого договорного обязательства. Существенным в силу закона условием для договора оказания услуг почтовой связи является только его предмет — действия, сводящиеся к приемке, обработке, перевозке, доставке (вручению) почтовых отправлений или к осуществлению почтового перевода денежных средств[16].

Оказание услуг почтовой связи не приводит к созданию овеществленного объекта, как это имеет место в случае выполнения работ, а выражается в виде полезного эффекта, наступившего для пользователя услуг почтовой связи в результате

---

[11] См. подробнее: *Василевская Л. Ю.* Договор и соглашение в гражданском праве: критерии разграничения понятий // Юрист. 2017. № 22. С. 9—13.

[12] Определение Верховного Суда РФ от 28.03.2022 № 301-ЭС22-1895 по делу № А11-17660/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[13] См. подробнее: *Громов А. А.* Публичный договор: сфера действия (окончание) // Вестник гражданского права. 2023. № 5. С. 102—152.

[14] См. подробнее: *Витрянский В. В.* Реформа гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2018. С. 325—326.

[15] Приказ Минцифры России от 17.04.2023 № 382 «Об утверждении Правил оказания услуг почтовой связи» (зарегистр. в Минюсте России 02.06.2023 № 73719) // URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 29.10.2025).

[16] Правом оказать услуги по приему, обработке, перевозке (передаче), доставке (вручению) денежных средств посредством почтовой и электрической связи (правом на осуществление почтовых переводов денежных средств) наделены только определенные субъекты — организации федеральной почтовой связи.

приема, обработки, перевозки и доставки (вручения) почтовых отправлений или осуществления почтовых переводов денежных средств[17]. С точки зрения сложившейся судебной практики условие о предмете в договоре оказания услуг почтовой связи считается согласованным, если соглашение сторон позволяет определить вид почтового отправления и адрес получателя[18].

Разрешая споры, связанные с нарушением операторами почтовой связи договорных обязательств, в частности, вследствие недоставки (невручения) почтового отправления или денежных средств, суды исходят из того, что при принятии (оформлении) оператором почтовой связи почтовых отправлений и денежных средств адрес получателя указывает отправитель. Следовательно, необходимо руководствоваться презумпцией, согласно которой риск неблагоприятных последствий, вызванных доставкой почтовых отправлений или денежных средств ненадлежащему адресату, несет отправитель[19]. Неблагоприятные последствия, о которых идет речь, заключаются не только в неполучении полезного эффекта от оказанных услуг, но и в том, что на отправителя возлагается обязанность возместить оператору почтовой связи расходы, связанные с оказанием услуг по обратной пересылке почтового отправления или денежных средств.

Как показывает правоприменительная практика, оператор почтовой связи вправе не возвращать отправителю неврученные почтовые отправления или денежные средства до тех пор, пока последний не возместит расходы, связанные с их обратной пересылкой. Представляется, что к указанным отношениям, если это не противоречит их существу, можно применить положения об удержании (§ 4 гл. 23 ГК РФ). Вместе с тем, если отправитель докажет, что почтовое отправление или денежные средства не были вручены адресату по обстоятельствам, зависящим от оператора почтовой связи, то он может быть освобожден от обязанности возместить указанные расходы[20].

Так, например, по одному из дел истец (отправитель) обратился в суд с требованием к ответчику (оператору почтовой связи) о возмещении стоимости почтового отправления в размере объявленной цены, ссылаясь на нарушение последним условий договора оказания услуг почтовой связи. При рассмотрении дела по существу было установлено, что по квитанции, удостоверяющей почтовое отправление, отправитель передал оператору почтовой связи для пересылки и доставки адресату по указанному им адресу почтовое отправление с вложением (товар по товарной накладной с суммой оценки 348 600 рублей). Впоследствии оператор почтовой связи уведомил отправителя о том, что его почтовое

---

[17] См.: *Кайль А. Н., Рощин А. А.* Комментарий к Федеральному закону от 17.07.1999 № 176-ФЗ «О почтовой связи» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».

[18] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17.05.2022 по делу № 88-10940/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[19] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20.05.2021 № 88-10925/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[20] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 28.12.2022 № 59-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 19, статьи 21 Федерального закона “О почтовой связи” и пункта 2 статьи 62 Федерального закона “О связи” в связи с жалобой гражданина М. Д. Малинина» // СЗ РФ. 2023. № 2. Ст. 547.

отправление получателю не доставлено и находится на объекте почтовой связи, находящемся по другому адресу, куда доставлено ошибочно. Доказательств, свидетельствующих о наличии обстоятельств непреодолимой силы или особых свойств вложения почтового отправления, приведших к недоставке (невручению) надлежащему адресату почтового отправления, ответчиком в материалы дела не было представлено. Удовлетворяя требования истца, суд исходил из доказанности нарушения оператором почтовой связи условий договора, наличия причинно-следственной связи между допущенными нарушениями и убытками отправителя. Доводы ответчика о том, что в отношении недоставленного (неврученного) почтового отправления им совершалось удержание, в связи с чем недопустимо взыскивать стоимость удерживаемой вещи в случае возможности ее возврата в натуре, были признаны судом несостоятельными. Суд подчеркнул, что удержание как мера оперативного воздействия применяется оператором почтовой связи в отношении вложений почтовых отправлений тогда, когда на стороне отправителя имеется задолженность по оплате услуг почтовой связи. С решением суда первой инстанции по изложенному делу согласились и последующие судебные инстанции[21].

Совершенно иные правовые последствия наступают в случае, когда недоставленные (неврученные) по различным причинам почтовые отправления и денежные средства не удается возвратить отправителю. Закон о почтовой связи на этот счет закрепляет правило, согласно которому такие объекты передаются оператором почтовой связи на временное хранение. Очевидно, что речь идет о приятии нерозданных почтовых отправлений или невостребованных денежных средств на ответственное хранение объектами почтовой связи в силу обстоятельств, прямо указанных в законе («законное хранение»).

Таким образом, по отношению к почтовым отправлениям и наличным денежным средствам, находящимся у оператора почтовой связи, последний выступает как хранитель (п. 1 ст. 20 Закона о почтовой связи). Оператор почтовой связи, действуя в этом качестве, принимает на себя ответственность за утрату, недостачу и повреждение наличных денежных средств и почтовых отправлений.

На основании судебного решения оператор почтовой связи вправе вскрыть нерозданные почтовые отправления. Если в результате совершения указанных действий не удается установить сведения об отправителе или получаете почтовых отправлений, то подобные почтовые отправления квалифицируются как невостребованные и хранятся оператором почтовой связи в течение шести месяцев. По истечении указанного срока оператор почтовой связи вправе обратить вложения почтовых отправлений, за исключением письменных сообщений (подобные документы подлежат уничтожению в силу закона), и наличные денежные средства в свою собственность, совершив действия, свидетельствующие о приобретении права собственности на соответствующие объекты (ч. 8 ст. 21 Закона «О почтовой связи», п. 2 ст. 226 ГК РФ). Обращение указанных объектов в собственность оператора почтовой связи в порядке, предусмотренном п. 2 ст. 226 ГК РФ, невозможно, если отправитель востребовал их.

---

[21] Постановление ФАС Уральского округа от 30.03.2010 № Ф09-1872/10-С2 по делу № А60-42518/2009-С3 // СПС «КонсультантПлюс».

На операторов почтовой связи возлагается ряд публично-правовых обязанностей, направленных на надлежащее обслуживание граждан и юридических лиц, имеющих намерение воспользоваться услугами соответствующих организаций и индивидуальных предпринимателей: 1) предоставление информации, обеспечивающей свободный доступ потребителей к услугам почтовой связи; 2) принятие мер по недопущению к пересылке в почтовых отправлениях вложений, запрещенных в силу закона к пересылке; 3) соблюдение тайны связи и др.

За нарушение договорных обязательств оператор почтовой связи и отправитель несут гражданско-правовую ответственность. Как уже отмечалось, на стороне отправителя появляется обязанность передать почтовое отправление или денежные средства оператору почтовой связи в силу возникшего между ними договорного правоотношения. Поэтому неисполнение отправителем указанной обязанности может служить основанием для предъявления к нему оператором почтовой связи требования о возмещении убытков.

Кроме того, отправитель связан с оператором почтовой связи денежным обязательством. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства по внесению платы за услуги почтовой связи на пользователя услуг почтовой связи может быть возложено дополнительное обязательство денежного характера (например, взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами). Что касается ответственности оператора почтовой связи, то она может наступить в случае: утраты, повреждения, недостачи почтовых отправлений или денежных средств; недоставки (невручения) почтовых отправлений или денежных средств; нарушения сроков оказания услуг почтовой связи, в том числе контрольных сроков доставки почтовых отправлений или денежных средств; нарушения условия о качестве оказываемых услуг почтовой связи.

Формы ответственности, которую несет оператор почтовой связи вследствие указанных нарушений, закреплены в ст. 34 Закона «О почтовой связи». Важно также отметить, что, если на стороне пользователя услуг почтовой связи участвует потребитель, последний вправе воспользоваться теми способами (мерами) защиты гражданских прав, которыми его наделяет Закон РФ «О защите прав потребителей»[22], применяемый в части, не урегулированной специальными законоположениями.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что законодательно детальная регламентация договора оказания услуг почтовой связи не обеспечена, несмотря на весьма подробное регулирование отношений, складывающихся при оказании названного вида услуг связи.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аюшеева И. З., Козлова Е. Б., Носов Д. В.* Сделки и представительство в частном праве : учебное пособие. — М. : Проспект, 2024. — 184 с.
2. *Вавилин Е. В.* Осуществление и защита гражданских прав в условиях цифровой трансформации отношений // Вестник Томского государственного университета. — Право. — 2024. — № 53. — С. 110—121.

[22] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

3. *Вавилин Е. В.* Секундарное право в механизме осуществления прав и исполнения обязанностей // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2009. — № 1 (65). — С. 77—80.
4. *Василевская Л. Ю.* Договор и соглашение в гражданском праве: критерии разграничения понятий // Юрист. — 2017. — № 22. — С. 9—13.
5. *Витрянский В. В.* Реформа гражданского законодательства: промежуточные итоги. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Статут, 2018. — 528 с.
6. *Громов А. А.* Публичный договор: сфера действия (окончание) // Вестник гражданского права. — 2023. — № 5. — С. 102—152.
7. Модернизация гражданского законодательства: правовой опыт и направления развития : монография / под общ. ред. Е. В. Вавилина, Л. Ю. Василевской. — М. : Проспект, 2025. — 416 с.

Договорное право в условиях цифровой трансформации

Тенденции развития гражданского кодифицированного законодательства России: к юбилею Гражданского кодекса Российской Федерации

Аннотация. *Проведен сравнительно-правовой анализ норм трех кодификаций гражданского законодательства. Выявлено влияние различных доктринальных концепций на гражданские кодексы. Сделаны выводы о поступательном развитии гражданского права и законодательства, большем охвате частноправовым регулированием общественных отношений и развитии их классификаций, расширении круга участников правоотношений (включая публично-правовые и квазиправосубъектные образования), реструктуризации системы объектов гражданских прав (с учетом нематериальных благ, цифровых прав), изменениях обязательственного права в системе договорных и деликтных обязательств, взаимопроникновении и сочетании частно- и публично-правового регулирования, гуманизации и социализации частного права, развитии юридической техники.*

Указаны отдельные недостатки правового регулирования и высказаны предложения об их преодолении.

Тенденции развития гражданского кодифицированного законодательства России призваны обеспечивать стабильность Российского государства, прогресс общества и экономики.

Ключевые слова: *вещные права, договор, имущественная обособленность, кодекс, объекты прав, обязательство, субъект права, частное право, частноправовые отношения*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.153-163

Владимира Владимировна ДОЛИНСКАЯ,
профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор
vvdolinskaja@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

© Долинская В. В., 2026

Vladimira V. DOLINSKAYA,
Professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Professor
vvdolinskaja@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Development Trends Civil Codified Legislation of Russia: on the Anniversary of the Civil Code of the Russian Federation

Abstract. *A comparative legal analysis of the norms of the three codifications of civil legislation has been carried out. The influence of various doctrinal concepts on civil codes is revealed. Conclusions are drawn about the progressive development of civil law and legislation, the greater coverage of private law regulation of public relations and the development of their classifications, the expansion of the range of participants in legal relations (including public law and quasi-legal entities), the restructuring of the system of objects of civil rights (taking into account intangible assets, digital rights), changes in the law of obligations in the system of contractual and tort obligations, interpenetration and combination of private- and public law regulation, the humanization and socialization of private law, and the development of legal technology.*

Some shortcomings of the legal regulation are indicated and suggestions are made to overcome them.

The trends in the development of the civil codified legislation of Russia are designed to ensure the stability of the Russian state, the progress of society and the economy.

Keywords: *property rights, contract, property separation, code, objects of rights, obligation, subject of law, private law, private law relations*

Три последних года являются юбилейными для гражданского права. В 2024 г. исполнилось 30 лет с момента принятия части первой Гражданского кодекса РФ[1]. 22 декабря 1995 г. была принята Государственной Думой и в основном введена в действие с 1 марта 1996 г. часть вторая ГК РФ[2]. В ноябре 2026 г. исполняется 25 лет со дня принятия части третьей[3], а в декабре — 20 лет со дня принятия части четвертой ГК РФ[4].

Есть основания и возможность проанализировать тенденции развития гражданского кодифицированного законодательства России.

[1] СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

[3] СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

[4] СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.

Опыт систематизации правовых актов демонстрировала и дореволюционная Россия (Соборное уложение 1649 г.[5], Полное собрание законов Российской империи, Свод законов Российской империи). Но только период начала XX в. в Советской России ознаменован появлением отраслевых кодексов в узком смысле этого слова, в том числе ГК РСФСР 1922 г.[6] (далее — ГК 1922 г.), затем принят ГК РСФСР 1964 г.[7] (далее — ГК 1964 г.) и действующий ГК.

Объем текста кодекса увеличился почти в 4,5 раза (в ГК 1922 г. их было немногим более 400, в а ГК — почти 2 000).

Предметный анализ приводит к выводу не просто о механическом накоплении материала, но о большем охвате частноправовым регулированием общественных отношений и о развитии юридической техники. Кодифицированный закон разделен на части, что применялось ранее только в доктрине и учебном процессе.

Начнем с предмета правового регулирования[8].

В ГК 1922 г. не было статьи о регулируемых гражданским правом отношениях. Но анализ текста свидетельствует об упоре на имущественные отношения, отказе от рассмотрения труда (найма рабочей силы) как товара, об обособлении семейного права от гражданского.

В ГК 1964 г. предмет гражданского права описывался через содержательную характеристику (ст. 1) и через характеристику субъектного состава (ст. 2). Благодаря исследованиям ученых[9], Кодекс включил в себя наряду с классическими имущественными отношениями (с акцентом на товарно-денежную форму) личные неимущественные отношения двух видов.

Действующий ГК демонстрирует развитие классификаций гражданско-правовых отношений. Предмет регулирования представлен:

— через группы отношений (например, «имущественные» — ст. 2);
— их содержательную характеристику (например, «связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими» — ч. 1 п. 1 ст. 2);
— субъектный состав (ч. 2 и 4 п. 1 ст. 2);
— виды деятельности (например, «предпринимательская» — ч. 3 п. 1 ст. 2);

---

[5] Некоторые считают первым сводом законов Русскую правду, но большинство ученых квалифицируют ее как записи устного племенного права и обычаев.

[6] Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904 (утрат. силу).

[7] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407 (утрат. силу).

[8] См. подробнее: *Гонгало Б. М.* Предмет гражданского права // Проблемы теории гражданского права. М., 2003 ; *Долинская В. В.* Развитие предмета гражданского-правового регулирования. Глава 1 // Развитие частного права на современном этапе : памяти В. П. Грибанова : монография / отв. ред. В. В. Долинская. М. : Проспект, 2021 ; *Иоффе О. С.* Развитие цивилистической мысли в СССР : в 2 ч. Л. : Изд-во ЛГУ, 1975 (Ч. 1) ; 1978 (Ч. 2) ; *Красавчиков О. А.* Избранные труды : в 2 т. М., 2005. Т. 2 ; Памятники российского права : в 35 т. М. : Юрлитинформ, 2017. Т. 30 : Гражданские кодексы РСФСР / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова, В. Д. Рузановой.

[9] См.: *Флейшиц Е. А.* Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических странах. М. : Юрид. лит., 1941 ; *Халфина Р. О.* О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1954. № 8.

— сферы деятельности (например, в сфере интеллектуальной (творческой) деятельности «по поводу прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации» — ч. 1 п. 1 ст. 2).

К сожалению, ни одна из классификаций не получила законченный вид.

Очередным примером влияния доктрины на законодательство является включение в предмет регулирования организационных, организационно-имущественных (статутных) отношений (п. 1 ст. 2 ГК). Дальнейшее развитие этот блок получил в 2001 г. с принятием части третьей ГК и выделением в п. 2 ст. 1202 внутренних отношений, в том числе юридического лица с его участниками. В 2013 г. в него включены корпоративные отношения (ч. 1 п. 1 ст. 2), что повлекло за собой обогащение легальных классификаций юридических лиц (ст. 65.1, гл. 4 ГК) и изменение обязательственного права (например, дополнение легального определения обязательства в ст. 307 ГК положением о том, что должник может быть обязан внести вклад в совместную деятельность).

Отнесением к предмету регулирования предпринимательских отношений предполагалось положить конец дискуссии о дуализме частного права. Этот блок наиболее тесно связан с договорным правом. Появились договоры исключительно с целью извлечения прибыли, с участием предпринимателей и т.п. (например, п. 3 ст. 1027 ГК).

В пункте 3 ст. 2 ГК косвенным образом признана возможность применения гражданского законодательства к имущественным отношениям, основанным на властном подчинении одной стороны другой, что позволяет констатировать расширение сферы взаимодействия публичного и частного права, изменение понятия «власть»[10]. Намечается выход частноправовых властных отношений за пределы имущественных.

Регулируемые гражданским правом отношения складываются между субъектами.

За XX—XXI вв. расширился круг участников частноправовых отношений, изменились элементы их статуса и правосубъектности, определяющие их нормы[11].

Во всех трех кодексах последовательно проводится идея запрета лишения гражданских прав или ограничения в них «иначе, как в случаях и в порядке, определенных законом» (ст. 7, 10 ГК 1922 г., ст. 12 ГК 1964 г., ст. 22 ГК). Одним из последствий включения в предмет регулирования предпринимательских отношений является новелла о предпринимательской деятельности граждан и ее формах, о статусе физического лица в качестве индивидуального предпринимателя (ст. 23 ГК). Наблюдается общая гуманизация норм об ограничении дееспособности и признании недееспособным гражданина (возможность отмены судебных актов при изменении физического и психического состояния лица — п. 3 ст. 29, п. 3

---

[10] См.: *Чиркин В. Е.* Современное государство. М., 2001.

[11] См. подробнее: Гражданское право: участники правоотношений : учебное пособие / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. М. : Проспект, 2017. (Серия «Гражданское право» / науч. ред. В. Л. Слесарев) ; *Долинская В. В.* Развитие норм о субъектах права в кодификациях гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 10. С. 14—19.

ст. 30 ГК, ст. 286 ГПК, более дробная классификация ограничения в дееспособности лиц и ее объема — ст. 30 ГК).

Впервые в отечественной кодификации дано определение юридического лица (п. 1 ст. 48). Законодатель дал закрытый перечень организационно-правовых форм юридического лица и их групп, расширил круг легальных классификаций организаций, связав каждую из них с отношениями имущественными (например, имущественная ответственность юридического лица, его учредителей, собственников, участников) и статутными (например, порядок создания и прекращения деятельности).

По сравнению с советскими кодексами, прямо называвшими участниками регулируемых отношений только граждан и юридических лиц ГК впервые включил в их круг публично-правовые образования. Законодатель использовал результаты доктринальных исследований[12], перешел с функций государственного управления и регулирования (в плановой централизованной экономике тех лет) на участие государства в гражданском обороте, что обосновано характеристиками демократического общества и частного права (принцип равенства и децентрализация правового регулирования).

В ГК появились квазиправосубъектные образования (органы юридического лица — ст. 52—54, 65.2, 65.3, 174 ГК и др., гражданско-правовые сообщества, в том числе собрания — п. 2 ст. 181.1, гл. 9.1 ГК), но нормы о них обрывочны, их круг у́же, чем в специальных законах, нет однозначности в вопросе, будут ли они признаны полноценными участниками отношений.

По сравнению с ГК 1922 г., где разд. III «Объекты прав (имущества)» содержал всего 8 статей прикладного характера, и полным отсутствием такого в ГК 1964 г., действующий Кодекс признал значение этой категории (четыре главы подр. 3 «Объекты гражданских прав» разд. I, в том числе гл. 6 «Общие положения» объемом почти в 40 статей, и их количество растет; упоминания в других частях Кодекса).

Из многочисленных новелл[13] отметим:

— отнесение к объектам имущественных прав (ст. 2, 128, 454 ГК и др.), что неоднократно подтверждал Конституционный Суд РФ[14];

[12] См., например: *Брагинский М. И.* Гражданская правосубъектность Союза ССР и союзных республик // Правоведение. 1963. № 1 ; *Его же*. Участие Советского государства в гражданских правоотношениях. М., 1981 ; *Виткявичус П. П.* Гражданская правосубъектность Советского государства. Вильнюс, 1978 ; *Шенгелия Р. В.* Советское государство как субъект гражданского права : курс лекций. Тбилиси, 1984.

[13] См. подробнее: *Долинская В. В.* Развитие норм об объектах права в кодификациях гражданского законодательства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 11. С. 88—98.

[14] См.: постановления Конституционного Суда РФ от 06.06.2000 № 9-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего п. 2 статьи 77 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой открытого акционерного общества “Тверская прядильная фабрика”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 4 ; от 10.04.2003 № 5-П «По делу о проверке конституционности п. 1 статьи 84 Федерального закона “Об акционерных обществах” в связи с жалобой открытого акционерного

— включение в их число в связи с развитием науки и техники цифровых прав (ст. 128, 141.1 ГК) и цифровых рублей (ст. 128, 861 ГК), что учтено в договорном праве (например, п. 4 ст. 454 ГК);
— учет не упоминавшихся в ГК 1922 г. результатов интеллектуальной деятельности (РИД) и средств индивидуализации, расширение их круга в соответствии с развитием экономики и техники;
— отнесение к объектам нематериальных благ (ст. 128, гл. 8) как подтверждение тенденции социализации частного права в русле конституционных норм;
— исключение смешения объектов (нематериальных благ, РИД) и прав на них[15].

Недостатком является смешение объектов прав и предмета договора (п. 2 ст. 590, п. 2 ст. 602, 666, 807 ГК и др.)[16].

Одним из признаков субъекта права является имущественная обособленность, что в гражданском праве обусловлено приоритетом в предмете регулирования имущественных отношений. Кодексы демонстрируют изменение правовых форм имущественной обособленности участников частноправовых отношений.

ГК 1922 г. различал:
— государственную (национализированную и муниципализированную), кооперативную и частную собственность (ст. 52) с установлением режима исключительно государственной собственности на землю, недра, леса, воды, железные дороги общего пользования и их подвижной состав (ст. 53);
— «права пользования» землей лицами, отличными от государства (ст. 21), «владение и эксплуатацию» летательных аппаратов органами и лицами, которым такое право предоставлено на основании Воздушного кодекса СССР (ч. 2 ст. 53);

общества “Приаргунское”» // СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1656 ; от 24.02.2004 № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона “Об акционерных обществах”, регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании “Кадет Истеблишмент” и запросом Октябрьского районного суда г. Пензы» // СЗ РФ. 2004. № 9. Ст. 830.

[15] См. также: ГК РФ. Ст. 150, 1232, 1353, 1354 ; постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.03.2009 № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». Ч. 2. П. 48 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 6.

[16] Об их разграничении см.: *Витрянский В. В.* Существенные условия договора в отечественной цивилистике и правоприменительной практике // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2002. № 6. С. 78—79 ; *Гавзе Ф. И.* Обязательственное право (общие положения). Минск, 1968. С. 26 ; *Долинская В. В., Моргунова Е. А., Шевченко О. М.* Гражданское право : Объекты прав : учебное пособие для бакалавров / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. М. : Проспект, 2017. § 1.2 (автор параграфа — В. В. Долинская) ; *Мейер Д. И.* Русское гражданское право : в 2 ч. [По изд. 1902 г.]. М., 1997. Ч. 2. С. 161.

— косвенным образом бюджетное, сметное финансирование и хозяйственный расчет органов государства и хозрасчет без сметного финансирования государственных предприятий и их объединений (ст. 58).

ГК 1964 г. вслед за Конституцией СССР 1936 г. (ст. 5, 7, 9), предложил:

— двучленную систему отношений собственности (социалистическая и личная — ст. 93);
— включение в понятие социалистической собственности государственной (общенародной), колхозно-кооперативной, собственности профсоюзных и иных общественных организаций (ст. 93);
— выделение в самостоятельную гл. 9 норм о собственности колхозов, иных кооперативных организаций, их объединений;
— включение в число объектов права личной собственности предметов подсобного домашнего хозяйства (ст. 105);
— легализацию собственности граждан, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, (ст. 115, 134) с ограничением — в ее основе личный труд граждан и членов их семей;
— целеполагание отношений собственности и ограничение права собственности (социалистической — запретом на использование «в целях личной наживы и в других корыстных целях», личной — запретом на «извлечение нетрудовых доходов, использование в ущерб интересам общества», ст. 93).

Законодатель признал доводы ученых о возможности отделения правомочий владения, пользования и распоряжения от собственника, участия в товарном производстве несобственников[17] и закрепил право оперативного управления (ПОУ), ограниченное целями деятельности юридического лица, плановыми заданиями и назначением имущества (ст. 93.1 ГК 1964 г.).

Современный этап характеризуется:

— равенством форм собственности (п. 4 ст. 212, п. 2 ст. 235, п. 1 ст. 239, ст. 240, 306 ГК);
— возвратом термина «частная собственность»[18];
— отказом от ограничений права собственности граждан по объектному составу;
— возрождением разнообразия вещных прав граждан (ст. 265, 274, 277 ГК и др.);

[17] См.: *Венедиктов А. В.* Государственная социалистическая собственность. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948 ; *Генкин Д. М.* Оперативное управление как институт гражданского права // Советская юстиция. 1963. № 9. С. 3—5 ; *Его же*. Правовые вопросы хозяйственного расчета государственных промышленных предприятий. М., 1966 ; *Заменгоф З. М.* Правовой режим имущества хозяйственных органов. М., 1972 ; *Корнеев С. М.* Право государственной социалистической собственности в СССР. М., 1964 ; *Полонский Э. Г.* Право оперативного управления государственным имуществом — юридическая основа хозяйственной самостоятельности производственных объединений (предприятий) : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 1980.

[18] Это было сделано еще Законом РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 «О собственности в РСФСР».

— многообразием прав юридических лиц на принадлежащее им имущество при росте числа организаций-собственников и закреплением имущества за юридическими лицами — несобственниками на праве предприятия (ст. 296—297, 299—300 ГК[19]), ПОУ учреждения (ч. 2 п. 1 ст. 123.21, ст. 296, 298—300 ГК[20]), на праве самостоятельного распоряжения учреждения доходами, полученными от разрешенной приносящей доход деятельности, и приобретенным за их счет имуществом (ст. 298 ГК).

Участие в гражданском обороте реализуется через сделкоспособность, обязательства.

В ГК 1922 г. обязательственное право включало в себя Общие положения, разд. «Обязательства, возникающие из договоров» (сходный с подр. 2 разд. III ГК «Общие положения о договоре» — гл. 27—29), разделы об отдельных договорах (из признанных сейчас модельными договоров тогда в законе фигурировали только 9), некоторые нормы, перемещенные ныне в ч. 1 Кодекса, а также деликтные обязательства (XII. Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения и XIII. Обстоятельства, возникающие вследствие причинения другому вреда).

В ГК 1964 г. разд. III «Обязательственное право» состоял из двух частей: 1. «Общие положения об обязательствах» и 2. «Отдельные виды обязательств». Вторая включала договоры и внедоговорные обязательства. Перечень договоров расширился и приобрел привычный нам вид, наряду с деликтными обязательствами (вследствие причинения вреда (гл. 40) и из неосновательного приобретения или сбережения имущества (гл. 42)) были охвачены обязательства из односторонних действий (гл. 39 «Конкурс») и возникающие вследствие спасания социалистического имущества (гл. 41).

Сейчас Общая часть разд. III «Обязательственное право» помещена в часть первую ГК, а разд. IV «Отдельные виды обязательств» — в часть вторую. Продолжая намеченное ранее направление, Кодекс охватывает в разд. IV модельные договоры (гл. 30—55), обязательства из односторонних действий (гл. 56—58), деликтные обязательства (гл. 59—60).

В первом крупном блоке явно обособлены договоры: о передаче имущества в право собственности или иное имущественное право, о выполнении работ, об оказании услуг[21], по совместной деятельности. Количество модельных договоров возросло. О развитии юридической техники свидетельствуют попытки дать определение каждому договору и деление почти всех глав на параграфы, обычно включающие в себя общие положения о договоре и его разновидности.

Применительно к деликтам произошло расширение круга обязательств вследствие причинения вреда (гл. 59 ГК), в том числе за счет установления

---

[19] См. также: Закон о ГУП. Ст. 11, 17, 19.

[20] См. также: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Ст. 9—9.2 // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145 (с изм.).

[21] См.: *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право : в 5 кн. М. : Статут, 2011 ; *Долинская В. В.* Договоры в предпринимательской деятельности : учебное пособие. М. : Эксмо, 2005 ; *Романец Ю. В.* Система договоров в гражданском праве России : монография. М. : Норма ; Инфра-М, 2013.

ответственности лиц, выступающих от имени государства (пример равенства субъектов гражданских правоотношений), также возросло число норм об обязательствах вследствие неосновательного обогащения (гл. 60 ГК).

Из части второй ГК перенесены в силу их специфики в часть четвертую договоры в сфере создания, использования и реализации РИД, которые и в ГК 1964 г. стояли обособленно.

Расширился круг договоров за счет наследственных отношений (часть третья ГК). Помимо изменения с принятием в 2001 г. части третьей ГК очередности оснований наследования (завещание встало на первое место, опередив закон — ст. 1111), с 2018 г. корректнее говорить о наследовании по волеизъявлению наследодателя и по закону. Первое включает в себя завещание как одностороннюю сделку и наследственный договор как многостороннюю сделку (ст. 1111, 1118 ГК)[22].

Этот краткий обзор позволяет выделить следующие тенденции развития гражданского кодифицированного законодательства России:

— больший охват частноправовым регулированием общественных отношений;
— расширение круга участников правоотношений;
— реструктуризация системы объектов гражданских прав;
— изменение обязательственного права;
— взаимопроникновение и сочетание частно- и публично-правового регулирования;
— гуманизация и социализация частного права;
— развитие юридической техники.

Все они призваны обеспечивать стабильность Российского государства, прогресс общества и экономики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Брагинский М. И.* Гражданская правосубъектность Союза ССР и союзных республик // Правоведение. — 1963. — № 1.
2. *Брагинский М. И.* Участие Советского государства в гражданских правоотношениях. — М., 1981.
3. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право : в 5 кн. — М. : Статут, 2011.
4. *Венедиктов А. В.* Государственная социалистическая собственность. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948.

[22] См.: *Долинская В. В.* Развитие системы сделок в наследственном праве // Енисейские политико-правовые чтения : сб. науч. ст. по мат. XVI Всероссийской научно-практической конференции (20—21 сентября 2024 г.) / отв. ред. Г. Л. Москалев. Красноярск : Красноярское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», 2024. С. 99—105 ; *Крашенинников П. В.* Наследственное право (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания) : учебное пособие. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2021.

5. *Виткявичус П. П.* Гражданская правосубъектность Советского государства. — Вильнюс, 1978.
6. *Витрянский В. В.* Существенные условия договора в отечественной цивилистике и правоприменительной практике // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2002. — № 6. — С. 78—79.
7. *Гавзе Ф. И.* Обязательственное право (общие положения). — Минск, 1968.
8. *Генкин Д. М.* Оперативное управление как институт гражданского права // Советская юстиция. — 1963. — № 9. — С. 3—5
9. *Генкин Д. М.* Правовые вопросы хозяйственного расчета государственных промышленных предприятий. — М., 1966.
10. *Гонгало Б. М.* Предмет гражданского права // Проблемы теории гражданского права. — М., 2003.
11. Гражданское право : Участники правоотношений : учебное пособие / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. — М. : Проспект, 2017.
12. *Долинская В. В.* Договоры в предпринимательской деятельности : учебное пособие. — М. : Эксмо, 2005.
13. *Долинская В. В.* Развитие норм о субъектах права в кодификациях гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2024. — № 10. — С. 14—19.
14. *Долинская В. В.* Развитие норм об объектах права в кодификациях гражданского законодательства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 11. — С. 88—98.
15. *Долинская В. В.* Развитие системы сделок в наследственном праве // Енисейские политико-правовые чтения : сб. науч. ст. по мат. XVI Всероссийской научно-практической конференции (20—21 сентября 2024 г.) / отв. ред. Г. Л. Москалев. — Красноярск : Красноярское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», 2024. — С. 99—105.
16. *Долинская В. В., Моргунова Е. А., Шевченко О. М.* Гражданское право : Объекты прав : учебное пособие для бакалавров / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. — М. : Проспект, 2017.
17. *Заменгоф З. М.* Правовой режим имущества хозяйственных органов. — М., 1972. — 184 с.
18. *Иоффе О. С.* Развитие цивилистической мысли в СССР : в 2 ч. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1975 (Ч. 1) ; 1978 (Ч. 2).
19. *Корнеев С. М.* Право государственной социалистической собственности в СССР. — М., 1964. — 268 с.
20. *Красавчиков О. А.* Избранные труды : в 2 т. — М., 2005. — Т. 2.
21. *Крашенинников П. В.* Наследственное право (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания) : учебное пособие. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2021.
22. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право : в 2 ч. [По изд. 1902 г.]. — М., 1997. — Ч. 2.
23. Памятники российского права : в 35 т. — М. : Юрлитинформ, 2017. — Т. 30 : Гражданские кодексы РСФСР / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова, В. Д. Рузановой.

24. *Полонский Э. Г.* Право оперативного управления государственным имуществом — юридическая основа хозяйственной самостоятельности производственных объединений (предприятий) : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.03. — М., 1980. — 410 с.
25. Развитие частного права на современном этапе : памяти В. П. Грибанова : монография / отв. ред. В. В. Долинская. — М. : Проспект, 2021.
26. *Романец Ю. В.* Система договоров в гражданском праве России : монография. — М. : Норма ; Инфра-М, 2013.
27. *Флейшиц Е. А.* Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических странах. — М. : Юрид. лит., 1941.
28. *Халфина Р. О.* О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. — 1954. — № 8.
29. *Чиркин В. Е.* Современное государство. — М., 2001.
30. *Шенгелия Р. В.* Советское государство как субъект гражданского права : курс лекций. — Тбилиси, 1984.

Ирина Зориктуевна АЮШЕЕВА,
доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
izayusheeva@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Свобода выбора условий в отдельных видах договоров

Аннотация. *Принцип свободы договора в полной мере может действовать в отношениях между равными субъектами. При определении пределов свободы выбора условий договоров, в том числе заключаемых с использованием цифровых платформ, учитываются как действующие императивные нормы, их буквальное толкование, так и толкование условий договора исходя из целей законодательного регулирования общественных отношений, их существа. Причем тенденция расширения действия принципа свободы договора не является однозначной, поскольку в условиях цифровизации экономики наблюдается в определенной степени дисбаланс в экономических возможностях различных участников рынка. Существенно различаются экономические возможности операторов цифровых платформ и их партнеров, что влияет на развитие положений действующего законодательства и определение пределов договорной свободы при заключении договоров с использованием цифровых платформ. Операторы цифровых платформ могут рассматриваться в качестве экономически более сильных субъектов, чем их партнеры, особенно партнеры — физические лица, что неизбежно отражается в тенденциях развития законодательства, регулирующего отношения платформенной экономики.*

Ключевые слова: *принцип свободы договора, пределы свободы договора, диспозитивность, императивная норма, справедливость, условия договора, цифровая платформа, платформенная экономика*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.164-171

© Аюшеева И. З., 2026

Irina Z. AIUSHEEVA,
Associate professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
izayusheeva@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Freedom to Choose Conditions in Certain Types of Contracts

Abstract. *The principle of freedom of contract can fully operate in relations between equal subjects. When determining the limits of freedom to choose the terms of contracts, including those concluded using digital platforms, both the current mandatory norms, their literal interpretation, and the interpretation of the terms of the contract based on the goals of legislative regulation of public relations and their substance are taken into account. Moreover, the trend of expanding the principle of freedom of contract is not unambiguous, since in the context of the digitalization of the economy, there is a certain degree of imbalance in the economic opportunities of various market participants. The economic opportunities of digital platform operators and their partners differ significantly, which affects the development of the provisions of current legislation and the definition of the limits of contractual freedom when concluding contracts using digital platforms. Digital platform operators can be considered as economically stronger entities than their partners, especially individual partners, which is inevitably reflected in the trends in the development of legislation regulating the relations of the platform economy.*
Keywords: *the principle of freedom of contract, limits of freedom of contract, dispositivity, imperative norm, justice, terms of contract, digital platform, platform economy*

Введение

В 1995 г. вступила в силу часть первая Гражданского кодекса РФ[1], а в следующем году уже была принята часть вторая ГК РФ[2], вступившая в силу с 01.03.1996. В 2025 г. было отпраздновано 30-летие вступления в силу части первой ГК РФ, а 2026 год знаменуется 30-летием с момента принятия и вступления в силу его части второй.

Тридцатилетие — замечательный возраст: все еще молодость, но в то же самое время уже накоплен опыт и сформирован фундамент. Осмысление

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

накопленного опыта и определение дальнейших направлений развития институтов гражданского права приобретает особую ценность, особенно в условиях стремительно меняющихся экономических, социально-политических и иных отношений.

Принцип свободы договора, закрепленной в ст. 1 ГК РФ, раскрывается в общих положениях договорного права (ст. 421 ГК РФ), а реализуется при заключении отдельных видов договоров — как поименованных в законе, прежде всего в части второй ГК РФ, так и непоименованных.

Условия договора стороны определяют самостоятельно, но содержание условий договора при этом может быть закреплено в императивной норме, которая ограничивает договорную свободу. Конкретизация соотношения юридической силы договора и закона осуществлена в ст. 422 ГК РФ. Таким образом, в указанных нормах закреплена модель ограничения договорной свободы ex ante, когда на законодательном уровне устанавливаются прямые запреты путем введения императивных норм[3].

Б. М. Гонгало пишет, что большое число положений о договоре воспринимаются как незыблемые, общеизвестные и общепризнанные, само собой разумеющиеся, но при этом не всегда воспринимаемые законом, применяемые в практике или применяемые совсем не так, как изначально было задумано[4].

Положения о свободе договора, о соотношении договора и закона, об определении пределов договорной свободы, на первый взгляд, понятно и лаконично изложены в нормах, которые закрепляют недопустимость изменения волей сторон договора императивных норм, закрепленных в законе. Тем не менее опыт применения данных положений свидетельствует о том, что определение пределов договорной свободы является актуальной задачей и одним из наиболее проблемных аспектов теории и практики. Буквальное толкование норм не всегда дает возможность эти пределы однозначно определить: норма текстуально может оставаться неизменной, но изменяется подход к определению ее смысла.

Свобода согласования условий в отдельных видах гражданско-правовых договоров: проблемы правоприменения

При возникновении споров о том, нарушены ли пределы договорной свободы, суды прибегают к оценке договорных условий ex post: в этом случае затрудняется возможность определения пределов договорной свободы самими участниками оборота, поскольку толкование условий договора ставится в зависимость от судебного усмотрения[5].

В качестве примера можно привести положения п. 3 ст. 157 ГК РФ об условных сделках. Редакция данной нормы неизменна с момента принятия части первой

---

[3] *Карапетов А. Г., Савельев А. И.* Свобода договора и ее пределы : в 2 т. М. : Статут, 2012. Т. 2 : Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве.

[4] *Гонгало Б. М., Крашенинников П. В.* Общеизвестное о договоре // Б. М. Гонгало. Избранное : в 5 т. М. : Статут, 2021. Т. 2 : Гражданское право. 2003—2014. С. 292.

[5] *Карапетов А. Г., Савельев А. И.* Указ. соч.

ГК РФ, но существенно изменился подход в оценке потестативных условий договора. Если ранее они практически не признавались в судебной практике, то в настоящее время они могут быть включены в качестве условия в условную сделку при соблюдении определенных пределов. При этом сама по себе норма ст. 157 ГК РФ, ранее фактически воспринимавшаяся в судебной практике в качестве императивной, в настоящее время с учетом появления десятилетие назад положений ст. 327.1 ГК РФ уже не воспринимается в качестве таковой, хотя ее текст не менялся на протяжении последних 30 лет.

Например, в 2002 г. по одному из дел суд отмечал, что в силу п. 3 ст. 157 ГК РФ от воли сторон условие в условной сделке не может зависеть[6]. Тем не менее в настоящий период позиция Верховного Суда РФ по этому вопросу кардинально поменялась: Суд указал, что ст. 157 ГК РФ вовсе не содержит запрет на заключение договора под условием, которое зависит в том числе от поведения контрагентов[7].

Практика демонстрирует готовность отойти от буквального позитивистского подхода в толковании действующих норм гражданского права. Это также справедливо и в отношении принципа свободы договора.

В этой связи знаковым является концептуальный подход, выработанный практикой Высшего Арбитражного Суда РФ[8]: Суд закрепил возможность определения существа и целей законодательного регулирования общественных отношений, не ограничиваясь буквалистским подходом в толковании действующих положений.

Императивность или диспозитивность нормы больше не определяются только с учетом буквального толкования содержащихся в них запретов или, наоборот, дозволений. Запреты и дозволения могут толковаться ограничительно. Прозвучала позиция о возможности учета интересов слабой стороны договора, недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон и т.п.

Указанный подход повлиял впоследствии как на судебную практику[9], так и на развитие и реформирование нормативных положений (например, положений ст. 310 ГК РФ).

Так, по одному из дел судами были определены пределы потестативности договорного условия исходя из природы заключенного договора подряда как

---

[6] Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 11.11.2002 по делу № Ф03-А73/02-1/2369 // СПС «КонсультантПлюс».

[7] См.: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Пункт 52 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

[8] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 5.

[9] См., например: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10.

возмездной сделки. Несмотря на то, что условие оплаты, определенное сторонами в договоре, так и не наступило, суд обязал заказчика внести оплату за выполненные подрядчиком работы и переданный заказчику результат[10].

Оценка возможности свободно выбирать договорные условия зачастую становится непростой задачей. Например, при толковании положений ст. 782 ГК РФ о возможности заказчику в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг, Верховный Суд РФ подтвердил императивность данной нормы. В то же время было установлено, что стороны договора могут включить в него обязательство «бери или плати», таким образом отказ от договора сам по себе не устраняет имевшиеся у заказчика обязанности по внесению платежей за фактически не оказанные услуги[11].

Важно, что сама по себе возможность одностороннего отказа от исполнения обязательства в случаях, которые предусмотрены договором, отражает закрепление и расширение действия принципа свободы договора после принятия действующего Гражданского кодекса РФ. Ранее в ст. 169 ГК РСФСР такая возможность допускалась только в случаях, предусмотренных законом[12].

Следовательно, свобода выбора условий договора, являясь одним из важнейших аспектов принципа свободы договора[13], с одной стороны, имеет тенденцию к расширению. С другой стороны, также наблюдается тенденция к ограничению договорной свободы в целом ряде сфер экономической деятельности.

Прежде всего речь идет об общих тенденциях социализации права, в том числе гражданского, когда посредством тех или иных норм преодолевается экономическое неравенство субъектов, ведь именно принцип равенства субъектов является одной из важнейших предпосылок действия принципа свободы договора — только юридически равные субъекты могут свободно изъявлять свою волю и действительно выбирать условия взаимодействия в рамках договорных отношений. Неравенство приводит к произволу сильного контрагента, к навязыванию его воли тому, кто слабее. Прежде всего экономическое неравенство проявляется в потребительской сфере, в которой потребитель рассматривается в качестве экономически слабой стороны договора, в связи с чем законодатель в большей степени ограничил договорную свободу и произвол его контрагента-предпринимателя[14].

---

[10] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.02.2016 № 310-ЭС16-1043 по делу № А68-635/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Определение Верховного Суда РФ от 20.08.2021 № 305-ЭС21-10216 по делу № А40-328885/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[12] Закон РСФСР от 11.06.1964 «Об утверждении Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с Гражданским кодексом РСФСР) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406. См. также: Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы / отв. ред. Е. Е. Богданова. М. : Проспект, 2018. С. 46—47.

[13] *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Книга первая : Общие положения. М. : Статут, 2002. С. 153.

[14] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-I «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

Тем не менее на современном этапе, особенно в связи с развитием отношений цифровой платформенной экономики, усилились тенденции в экономическом расслоении и среди предпринимателей. Если ранее предпринимательский статус приводил к тому, что повышенные предпринимательские риски, как правило, ложились на самого субъекта, в том числе при выборе договорных условий с более экономически сильным контрагентом, в настоящее время это фактическое неравенство учитывается и в законодательстве, и в судебной практике.

Значимой для развития судебной практики явилась концепция судебного контроля справедливости договорных условий, закрепленная в п. 9 постановления от 14.03.2014 № 16. В данном пункте было дано определение несправедливых договорных условий и предлагались возможные способы защиты слабой стороны договора от произвола сильной стороны (допущена возможность оспаривания сделки или установления ее ничтожности, применения правил о договоре присоединения). Указанный подход нашел отражение при рассмотрении конкретных дел[15].

В отличие от добросовестности, которая в качестве принципа закреплена в положениях ст. 1 ГК РФ, справедливость не упоминается в ней в качестве основного начала, хотя, по мнению ученых, справедливость, добросовестность, разумность можно признать тремя главными началами, на которых должно основываться гражданское право[16]. Тем не менее такой позиции придерживаются далеко не все[17].

Хотя в научной литературе нет однозначного подхода к пониманию справедливости[18], суды в своей практике выработали целый ряд критериев, позволяющих оценивать те или иные условия в качестве справедливых или несправедливых. Применяются в совокупности процедурные критерии (соотношение переговорных возможностей, учет конкуренции на соответствующем рынке и т.д.), а также материальные критерии (обременительные условия для одной из сторон договора, невыгодность его условий, имущественные потери, разница в применяемых мерах ответственности к различным сторонам договора и т.п.)[19].

В настоящее время принят Закон[20], призванный регулировать отношения платформенной экономики, который вступит в силу с 01.10.2026. Одной из его целей является обеспечение баланса экономических интересов хозяйствующих субъектов, функционирующих в сфере платформенной экономики. В указанном

[15] Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16.03.2021 № 88-3994/2021 ; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.12.2018 № 41-КГ18-50 ; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 83-КГ16-2 // СПС «КонсультантПлюс».

[16] Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития : монография / Е. Е. Богданова, Л. Ю. Василевская, Е. С. Гринь [и др.] ; под общ. ред. Л. Ю. Василевской. М. : Норма ; Инфра-М, 2016. С. 31—32.

[17] См.: *Курбатов А. Я.* Справедливость в гражданском праве: подмена понятий, субъективизм и неопределенность // Вопросы правоведения. 2012. № 3. С. 45—58.

[18] См.: *Вайпан В. А.* Принцип справедливости в гражданском праве и судебное усмотрение // Гражданское право. 2018. № 1. С. 22—28.

[19] Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития. С. 33.

[20] Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4643.

Законе предпринимается попытка подробнее урегулировать взаимоотношения между оператором цифровой платформы и партнерами, в том числе партнерами — физическими лицами. Причем в настоящее время в указанной сфере действует практически полная договорная свобода в определении видов и условий заключаемых между предпринимателями договоров.

На законодательном уровне предпринята попытка определить содержание заключаемых договоров, права и обязанности большего круга участников отношений платформенной экономики, а не только отношения между владельцем цифровой платформы (агрегатора информации о товаре, услуге) и потребителем, ранее урегулированные законодательством о защите прав потребителей.

Экономическое неравенство субъектов может прослеживаться и в отношениях между иными участниками предпринимательских отношений, например, между розничными продавцами отдельных видов товаров и их производителями, в частности при заключении так называемых дилерских договоров.

Заключение

Таким образом, принципы гражданского права, закрепленные три десятилетия назад, в том числе принцип свободы договора, их содержание, определение пределов действия договорной свободы, не остаются неизменными. На современном этапе при определении пределов свободы выбора условий договора учитываются как действующие императивные нормы, их буквальное толкование, так и толкование условий договора исходя из целей законодательного регулирования общественных отношений, их существа.

Тенденция расширения действия принципа свободы договора не является однозначной, поскольку в условиях цифровизации экономики наблюдается в определенной степени дисбаланс в экономических возможностях различных участников рынка. Существенно различаются экономические возможности операторов цифровых платформ и их партнеров[21], что влияет на развитие положений действующего законодательства и определение пределов договорной свободы, в том числе между субъектами, осуществляющими предпринимательскую деятельность.

В этой связи справедливо утверждение Е. В. Вавилина о том, что цифровизация гражданского оборота влечет за собой необходимость построения юридических конструкций, которыми бы на законодательном уровне был определен порядок организации действий участников гражданских правоотношений для обеспечения беспрепятственного осуществления гражданских прав, исполнения обязанностей[22].

---

[21] См. подробнее: *Аюшеева И. З., Василевская Л. Ю.* Гражданский оборот в условиях цифровизации: проблемы и перспективы развития : монография / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2025.

[22] *Вавилин Е. В.* Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2016. С. 109—120 ; Современное гражданское и семейное право: перспективы развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики / отв. ред. Е. В. Вавилин, О. М. Родионова. М. : Статут, 2024.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аюшеева И. З., Василевская Л. Ю.* Гражданский оборот в условиях цифровизации: проблемы и перспективы развития : монография / отв. ред. Л. Ю. Василевская. — М. : Проспект, 2025. — 312 с.
2. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Книга первая : Общие положения. — М. : Статут, 2002. — 848 с.
3. *Вавилин Е. В.* Осуществление и защита гражданских прав. — М. : Статут, 2016. — 416 с.
4. *Вайпан В. А.* Принцип справедливости в гражданском праве и судебное усмотрение // Гражданское право. — 2018. — № 1. — С. 22—28.
5. *Гонгало Б. М., Крашенинников П. В.* Общеизвестное о договоре / Б. М. Гонгало. Избранное : в 5 т. — М. : Статут, 2021. — Т. 2 : Гражданское право. 2003—2014. — 720 с.
6. Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития : монография / Е. Е. Богданова, Л. Ю. Василевская, Е. С. Гринь [и др.] ; под общ. ред. Л. Ю. Василевской. — М. : Норма ; Инфра-М, 2016. — 192 с.
7. *Карапетов А. Г., Савельев А. И.* Свобода договора и ее пределы : в 2 т. — М. : Статут, 2012. — Т. 2 : Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. — 453 с.
8. *Курбатов А. Я.* Справедливость в гражданском праве: подмена понятий, субъективизм и неопределенность // Вопросы правоведения. — 2012. — № 3. — С. 45—58.
9. Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы / отв. ред. Е. Е. Богданова. — М. : Проспект, 2018. — 416 с.
10. Современное гражданское и семейное право: перспективы развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики / отв. ред. Е. В. Вавилин, О. М. Родионова. — М. : Статут, 2024. — 318 с.

Смарт-контракт: доктринальные и правоприменительные аспекты признания заключенным и действительным

Станислав Валерьевич ОДИНЦОВ,
доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института РУДН имени П. Лумумбы, кандидат юридических наук
odintsov_sv@pfur.ru
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Богдан Евгеньевич КОШЕЛЮК,
доцент кафедры гражданского права и процесса Института Академии ФСИН России, кандидат юридических наук
kenig77@mail.ru
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1

© Одинцов С. В., Кошелюк Б. Е., 2026

Аннотация. *В статье рассматриваются вызывающие дискуссии вопросы правовой природы самоисполняемых сделок. Обосновывается, что смарт-контракт представляет собой алгоритм, автоматизирующий исполнение юридически значимых и фактических действий с соблюдением постоянного контроля в соответствии с соглашением сторон и нормативными требованиями, заложенными в программный код. Исследуются применение цифровых инструментов фиксации волеизъявления, в том числе программными алгоритмами, создающими убедительные доказательства действительности соглашения. Авторы приходят к выводу, что смарт-контракт не может считаться самостоятельной формой договора, как особый алгоритм он помогает автоматизировать исполнение обязательств под постоянным контролем и в строгом соответствии с условиями соглашения, встроенными в программный код.*

Ключевые слова: *смарт-контракт, договорное право, порядок заключения договора, машиночитаемое право*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.172-179

Stanislav V. ODINTSOV,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure and Private International Law at the RUDN Law Institute, Cand. Sci. (Law)
odintsov_sv@pfur.ru
6, ul. Miklukho-Maklaaya, Moscow, Russia, 117198

Bogdan E. KOSHELYUK,
Associate professor of the Department of Civil Law and Procedure, Institute of the Academy of the FPSR, Cand. Sci. (Law)
kenig77@mail.ru
1, ul. Sennaya, Ryazan, Russia, 390000

Smart-Contract: Doctrinal and Law Enforcement Aspects of Recognition as Concluded and Valid

Abstract. *The article discusses the controversial issues of the legal nature of self-executing transactions. It is proved that a smart contract is an algorithm that automates the execution of legally significant and actual actions, subject to constant monitoring in accordance with the agreement of the parties and*

the regulatory requirements embedded in the program code. The use of digital tools for recording expressions of will, including software algorithms that create convincing evidence of the validity of an agreement, is being investigated. The authors conclude that a smart contract cannot be considered an independent form of contract, as a special algorithm, it helps automate the fulfillment of obligations under constant control and in strict accordance with the terms of the agreement embedded in the program code.
Keywords: *smart contract, contract law, contract conclusion procedure, machine-readable law*

Введение

В числе важнейших событий 2025 г. следует выделить 30-летие второй части кодифицированного акта, оказавшего влияние на формирование гражданского права в Российской Федерации. За три десятилетия Гражданский кодекс РФ утвердился в роли основного источника, регулирующего обязательственные правоотношения. ГК РФ заложил эффективную правовую базу, которая адекватно обеспечивает устойчивое регулирование оборота и гибко адаптируется к инновациям. С введением в действие части второй ГК РФ, а также с принятием новых нормативных правовых актов для обеспечения нужд государства начался новый этап развития рассматриваемого правового института[1].

Исследование доктринальных и правоприменительных аспектов признания смарт-контракта заключенным и действительным способствует укреплению правовой определенности в условиях цифровой эпохи. Цивилизация вступила в новую фазу своего развития, в которой окружающая действительность претерпевает качественные изменения, отражаемые понятиями «цифровизация», «цифровая глобализация», «смартизация»[2]. Для регламентации имущественного оборота особый интерес представляют сквозные цифровые технологии: децентрализованного распределенного реестра, машинного обучения с возможностью машиночитаемости (machine-readable) и машиноисполняемости (machine-executable), основным инструментарием которых являются смарт-контракты (самоисполняемые сделки).

Давние идеи об автоматизации исполнения обязательств стали фактически внедряться в правоприменении. Изначально юридическое сообщество практически во всех правопорядках довольно настороженно восприняло новую форму договорных отношений, поскольку любые нововведения в рамках определенного

[1] *Кошелюк Б. Е.* Правовое регулирование договора поставки товаров для государственных нужд: по материалам практики Федеральной службы исполнения наказаний : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Рязань, 2015.

[2] *Кузнецов М. Н.* Влияние цифровизации на некоторые руководящие начала гражданского судопроизводства // Вестник МПГУ. Серия : Юридические науки. 2020. № 2 (38). С. 58—67.

континуума должны пройти путь доктринального осмысления. Правовая природа смарт-контракта неоднозначна и до настоящего времени является предметом дискуссий в юридическом сообществе[3]. Применение упомянутых технологий, будет только расширяться и в этой связи следует поддержать позицию, сформулированную Апелляционным судом штата Вирджиния, о том, что контракт не перестает быть контрактом просто потому, что он заключен с помощью компьютера[4].

Внедрение программных алгоритмов вызывает противоречия между классическими постулатами цивилистики и технологическими решениями. Смарт-контракты представляют собой с технологической точки зрения программный код (ПО), а с правовой — автоматизацию надлежащего исполнения обязательств, то, что подпадает под определение «самоисполнение», без антропогенного участия, насколько это возможно. Исполнение происходит в рамках договорных обязательств, соответственно, важно и необходимо, чтобы в их отношении соблюдались все каноны юриспруденции о действительности и заключенности сделки. Ключевое значение приобретает фактор понимания содержания генерируемого кода смарт-контрактов. Материал более сложных и объемных программных кодов требует вмешательства профильных экспертов в предметной области реализации договорных обязательств по смарт-контрактам[5].

Сравнительно-правовой анализ

Поскольку изначально регулирование так называемой платформенной экономики складывалось в США, которые являются существенной частью глобального рынка, следует затронуть и судебную практику, так как в англосаксонской системе права прецедентное право (case law) является полноценным источником. В этой системе права порядок заключения контрактов между отсутствующими сторонами строился с конца XIX в. и до того, как повсеместно стала использоваться электронная почта (отчасти и после), на основе концепции «почтового ящика» (The mailbox theory / rule) (пример — решение Верховного суда Калифорнии по делу «Palo Alto Town & Country Village, Inc. v. BBTC Company» (1974)[6]).

В процессе последующего этапа развития имущественного оборота в дистанционном формате предшественниками смарт-контрактов в части фиксации волеизъявлений следует рассматривать конструкции соглашений: click-wrap agreement,

---

[3] *Одинцов С. В., Наклескина Е. А.* Смарт-контракты в предпринимательской деятельности: сравнительно-правовой анализ правового регулирования // Имущественные отношения в РФ. 2022. № 10. С. 53—63.

[4] Case Bruce Forrest v. Verizon Communications, Inc. 805 A.2d 1007 (D.C. App. 2002. No. 01-CV-1101) // URL: https://caselaw.findlaw.com/court/dc-court-of-appeals/1454388.html (дата обращения: 30.10.2025).

[5] *Белов А. Ю.* К вопросу о действительности и исполнимости смарт-контрактов в российском праве // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1. С. 98—112.

[6] Case Palo Alto Town & Country Village, Inc. v. BBTC Company (S.F. No. 23065. Supreme Court of California. May 16, 1974) // URL: https://law.justia.com/cases/california/supreme-court/3d/11/494.html (дата обращения: 30.10.2025).

browse-wrap agreement, в отношении которых имеется изрядное количество «убеждающих прецедентов» (persuasive precedents), постулирующих основы решений суда по делу (ratio decidendi). Вступление договора в силу непосредственно связано с фиксацией надлежащего волеизъявления сторон, вследствие этого и позиции судов сводятся к следующему: чтобы узаконить акцепт оферты, размещенной в Интернете, проставлением галочки или нажатием кнопки «Согласен», рекомендуется в условиях самой оферты непосредственно закреплять, что такие действия приравниваются к акцепту[7].

При этом в контексте конструкции «предполагаемого согласия» (presumed assent), по мнению судов в США, стороны электронного контракта, как и стороны письменного контракта, не освобождаются от последствий нечитания его[8]. Подобная позиция усматривается: Апелляционным судом штата Техас по делу «Randall Barnett v. Network Solutions, Inc.» (2001)[9]; Апелляционным судом Округа Колумбия по делу «Bruce Forrest v. Verizon Communications, Inc. (805 A.2d 1007, D.C. App. 2002, No. 01-CV-1101)»[10]; Окружным судом Центрального округа Иллинойса по делу «David DeJOHN v. The.TV Corporation INT'L, Register.com, Inc., and Verisign Inc.» (2003)[11]; Окружным судом Восточного округа Миссури по делу «Davidson & Assoc., Inc. v. Internet Gateway» (2004)[12]; Окружным судом Северного округа Калифорнии по делу «Cairo, Inc. v. Crossmedia Serv., Inc.» (2005)[13]; Окружным судом Восточного округа Пенсильвании по делу «Lawrence E. Feldman v. Google, Inc.» (2007)[14]; Окружным судом Нью-Джерси по делу «John Scherillo v. Dun & Bradstreet,

---

[7] *Фролова Е. Е., Берман А. М.* Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 3. С. 57—83.

[8] Case Barnett v. Network Solutions, Inc. (Tex.App. 38 S.W.3d No. 200, 204, 2001) // URL: https://caselaw.findlaw.com/court/tx-court-of-appeals/1258050.html (дата обращения: 30.10.2025).

[9] Case Randall Barnett v. Network Solutions, Inc. 38 (Tex. Ct. App. S.W.3d 200. No.11-00-00079-CV, Jan. 11, 2001) // URL: https://caselaw.findlaw.com/court/tx-court-of-appeals/1258050.html (дата обращения: 30.10.2025).

[10] Case Bruce Forrest v. Verizon Communications, Inc. (805 A.2d 1007, D.C. App. 2002, No. 01-CV-1101) // URL: https://caselaw.findlaw.com/court/dc-court-of-appeals/1454388.html (дата обращения: 30.10.2025).

[11] Case David DeJOHN v. The.TV Corporation INT'L, Register.com, Inc., and Verisign Inc. (C.D. Ill. No. 245 F. Supp. 2d 913, 2003) // URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/245/913/2514874/ (дата обращения: 30.10.2025).

[12] Case Davidson & Assoc., Inc. v. Internet Gateway (E.D. Mo. No. 334 F. Supp. 2d 1164 Sept. 30, 2004) // URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/334/1164/2520607/ (дата обращения: 30.10.2025).

[13] Case Cairo, Inc. v. Crossmedia Serv., Inc. (N.D. Cal. No. 2005 WL 756610, Apr. 1, 2005) // URL: https://www.casebriefs.com/blog/law/contracts/contracts-keyed-to-ayres/agreement/cairo-inc-v-crossmedia-services-inc/ (дата обращения: 30.10.2025).

[14] Case Lawrence E. Feldman v. Google, Inc. (E.D. Pa. No. 06-2540, 2007) // URL: https://www.steptoe.com/a/web/1873/2995.pdf (дата обращения: 30.10.2025).

Inc.» (2010)[15]; Апелляционным судом Седьмого округа по делу «Gary W. Sgouros v. TransUnion Corp., TransUnion LLC, and TransUnion Interactive, Inc.» (2016)[16].

Анализ указанных дел показал, что суды применяют традиционные принципы договорного права, сосредоточиваясь на том, получили ли стороны разумное уведомление об условиях сделки, выразили ли они свое согласие с ними. По мнению судей, к заключению договора приводят нажатие курсором кнопки «Согласен» (I agree), также конклюдентные действия (поведение) по использованию соответствующих разделов веб-сайта и совершения факта покупки равносильны принятию условий, содержащихся в размещенном в открытом доступе соглашении об оказании услуг. В рамках углубленного анализа таких соглашений неизбежен и вопрос о том, может ли нажатие «галочки» рядом с условиями означать не согласие, а что-то другое[17].

На основе положений, выработанных общим правом (common law), условия договоров делятся на явно выраженные (express terms), т.е. четко и недвусмысленно сформулированные и зафиксированные в письменном виде, и подразумеваемые (implied terms), т.е. вытекающие из действий сторон, обстоятельств сделки, правовых норм, обычаев делового оборота. Это усложняет процесс корректного переноса в программный код смарт-контракта согласованных сторонами условий при соблюдении доктринальных и нормативных требований. Единообразный закон «Об электронных сделках» позволяет придать юридическую силу электронным документам, записям и подписям, гарантируя, что сделки, совершенные в электронном виде, имеют такую же юридическую силу, как и традиционные сделки на бумажных носителях[18], а Единообразный закон «О сделках с компьютерной информацией» предусматривает концепцию «проявленного согласия» (manifesting assent), когда любое поведение стороны считается обязывающим проявлением согласия, если эта сторона имела основания полагать, что ее действия будут расценены как согласие с условиями[19].

Регуляции ЕС не затрагивают напрямую процедуру заключения сделок, но создают единую нормативную основу для использования электронных средств идентификации, которые обеспечивают юридическую силу электронным транзакциям

---

[15] Case John Scherillo v. Dun & Bradstreet, Inc. (D.N.J. No. 2:2010cv00829, 2010) // URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/new-jersey/njdce/2:2010cv00829/237718/15/ (дата обращения: 30.10.2025).

[16] Case Gary W. Sgouros v. TransUnion Corp., TransUnion LLC, and TransUnion Interactive, Inc. (No. 15-1371, 2016) // URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca7/15-1371/15-1371-2016-03-25.html (дата обращения: 30.10.2025).

[17] *Фролова Е. Е., Берман А. М.* Указ. соч.

[18] US Uniform Electronic Transaction Act (UETA) 1996 // URL: https://www.uniformlaws.org/viewdocument/final-act-21?CommunityKey=2c04b76c-2b7d-4399-977e-d5876ba7e034&tab=librarydocuments.

[19] US Uniform Computer Information Transaction Act (UCITA) 2000 // URL: https://www.uniformlaws.org/committees/community-home/librarydocuments?communitykey=92b2978d-585f-4ab6-b8a1-53860fbb43b5&libraryfolderkey=&defaultview=&5a583082-7c67-452b-9777-e4bdf7e1c729=eyjsawjyyxj5zw50cnkioijkndrky2y2ni01n2m4ltqwngutyta3my02mda5yza1mzuxnjqifq%3d%3d (дата обращения: 30.10.2025).

и договорам[20]. В рамках же международной регламентации порядка заключения договора посредством направления оферты и ее акцепт допускаются обмен сообщениями в автоматизированных системах согласно положениям Типового закона ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле»[21] и Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах[22].

Правоприменение в Российской Федерации

Российские суды все чаще сталкиваются с вопросами, касающимися квалификации смарт-контрактов как формы договорных отношений. В итоге появляются критерии их действительности. Анализ ряда судебных решений (постановления Девятого ААС по делу № А40-278013/2019 и Пятнадцатого ААС по делу № А32-36944/2023[23]) указывает на такие основополагающие принципы, как автономия волеизъявления, свобода договорных условий и отсутствие порока воли. В указанных делах суды оценивали смарт-контракт как электронную форму фиксации и автоматизации договоренности, а не как отдельную разновидность сделок. Это позволяет соблюдать последовательность, гармонично интегрирующую инновации в систему договорного права. В деле № А40-278013/2022 суд поставил на первый план согласованное волеизъявление участников сделки согласно ключевым параметрам соглашения. Подтверждение договоренности в программном коде рассматривается как эквивалентное бумажному носителю с подписью.

При разногласиях, связанных с порядком заключения смарт-контрактов, основное внимание уделяют подтверждению акцепта/оферты, интерпретации факта действительного выражения согласия сторон. Так, в решении Арбитражного суда Московского округа (постановление от № Ф05-15125/2022 по делу № А40-230593/2022), суд оценивал, получали ли участники возможность ознакомиться с программным кодом до начала исполнения, определял условия, которые

[20] Regulation (EU) No. 910/2014 of the European Parliament and of the Council of 23 July 2014 On electronic identification and trust services for electronic transactions in the internal market and repealing Directive 1999/93/EC // URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/910/oj/eng (дата обращения: 30.10.2025).

[21] Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле» 1996 г. и Руководство по применению // URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/v1504119_ebook.pdf (дата обращения: 30.10.2025).

[22] Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml (дата обращения: 30.10.2025).

[23] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.02.2022 по делу № А40-278013/2019 // URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 29.10.2025) ; постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023 по делу № А32-36944/2022 // URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 29.10.2025).

препятствуют адекватному восприятию договора участниками на паритетных условиях[24]. Следствием этого стало признание подобного ПО недействительным.

Своеобразный пример демонстрирует постановление Арбитражного суда Поволжского округа № Ф06-17886/2022, в котором суд акцентировал внимание на важности доказательства свободного волеизъявления участников, а также на достаточности технической и юридической информации, полученной сторонами, для осознанного заключения и исполнения сделки, осуществленной посредством смарт-контракта.

Ряд судебных дел (постановления Арбитражного суда Московского округа № Ф05-15125/2022 и Арбитражного суда Поволжского округа № Ф06-17886/2022) фокусируются на рассмотрении случаев нарушения прав участников в силу, например, ошибки в программном коде либо отсутствия возможности отмены операции, зафиксированной в блокчейне[25]. В таких спорах суды стараются обращаться к аналогиям с традиционно заключенными договорами и учитывают: надлежащее исполнение обязательств, перспективу восстановления начального состояния сторон и отличительные технические характеристики платформы, на которой реализуются смарт-контракты. Судебная практика указывает на соблюдение принципов свободы договора, автономии воли, прозрачности условий, возможности распознавания сторон, а также отсутствие порочности воли; суд способен подтвердить факт существования и оформления соглашения опосредованно смарт-контрактом. Российские суды используют стандартные критерии доказательств, одновременно учитывая технические аспекты цифровых платформ нового поколения[26].

Заключение

Развитие цифровых технологий диктует пересмотр подходов к оформлению отношений и подтверждению воли участников. Программные инструменты влияют на фиксацию условий смарт-контракта, и сторонам, участвующим в сделке приходится полагаться на методы обработки естественного языка (Natural Language Processing)[27]. Машинное обучение, основанное на больших языковых моделях (Large Language Models), позволяет генерировать синтаксически корректный программный код, в том числе с соблюдением положений законодательства. Отсутствие единообразия терминов вызывает необходимость прийти к тому, чтобы основные понятия (категории, дефиниции), используемые во всех отраслях

---

[24] Постановление Арбитражного суда Московской области от 22.08.2022 № Ф05-15125/2022 по делу № А40-230593/2021 // URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 29.10.2025).

[25] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.05.2022 № Ф06-17886/2022 по делу № А55-22885/2021 // URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 29.10.2025).

[26] *Назимова Д. Е.* Цифровая идентификация и смарт-контракты: проблемы и перспективы // Правоведение. 2024. № 1. С. 44—52.

[27] *Аксенов В. А., Одинцов С. В.* Машиночитаемое право и его роль в функционировании маркетплейсов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 190—198.

российского права, либо являющиеся общими для отраслей права, либо общими для определенной отрасли законодательства[28], трактовались одинаково.

Однако следует признать, что не все традиционные принципы гражданского права подходят для смарт-контрактов, а контрагенты по-прежнему будут нуждаться в традиционной правовой защите. Возможно, речь должна идти о разработке специальных принципов в сфере применения смарт-контрактов наряду с совершенствованием самого программного кода[29]. Внедрение инноваций должно сочетаться со строгим следованием традиционным критериям их заключенности и действительности.

Законодательство и практика судов стимулируют формирование комплексных механизмов правовой охраны и защиты, способных адаптировать цифровизацию имущественного оборота, а нормативное регулирование должно выстраиваться на основе понимания осознанного волеизъявления (consensus ad idem) субъектов и прозрачных алгоритмов исполнения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аксенов В. А., Одинцов С. В.* Машиночитаемое право и его роль в функционировании маркетплейсов // Вестник Томского государственного университета. — 2024. — № 498. — С. 190—198.
2. *Белов А. Ю.* К вопросу о действительности и исполнимости смарт-контрактов в российском праве // Вестник гражданского процесса. — 2023. — № 1. — С. 98—112.
3. *Кошелюк Б. Е.* Правовое регулирование договора поставки товаров для государственных нужд: по материалам практики Федеральной службы исполнения наказаний : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Рязань, 2015. — 23 с.
4. *Кузнецов М. Н.* Влияние цифровизации на некоторые руководящие начала гражданского судопроизводства // Вестник МПГУ. — Серия : Юридические науки. — 2020. — № 2 (38). — С. 58—67.
5. *Назимова Д. Е.* Цифровая идентификация и смарт-контракты: проблемы и перспективы // Правоведение. — 2024. — № 1. — С. 44—52.
6. *Носов Д. В.* О терминологических проблемах нейроправа // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 11 (123). С. 62—69.
7. *Одинцов С. В., Наклескина Е. А.* Смарт-контракты в предпринимательской деятельности: сравнительно-правовой анализ правового регулирования // Имущественные отношения в РФ. 2022. № 10. — С. 53—63.
8. *Фролова Е. Е., Берман А. М.* Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2024. — Т. 17. — № 3. — С. 57—83.

[28] *Носов Д. В.* О терминологических проблемах нейроправа // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 11 (123). С. 62—69.

[29] *Одинцов С. В., Наклескина Е. А.* Смарт-контракты в предпринимательской деятельности: сравнительно-правовой анализ правового регулирования // Имущественные отношения в РФ. 2022. № 10. С. 53—63.

Альберт Владиславович ТУМАКОВ,
докторант факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Московского ордена Почета университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доцент факультета финансов Института управления РАНХиГС при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент
albert-tumakov@rambler.ru
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Влияние цифровой среды на формирование новых правил гражданского оборота

Аннотация. *Современный гражданский оборот претерпевает большие изменения под влиянием трендов цифровизации и технологизации. Автор обращает внимание на то, что ключевые правила динамики материальных благ сформировались 30 лет назад с принятием второй части Гражданского кодекса РФ. В этой связи автор определяет правовую сущность гражданско-правовой категории «гражданский оборот цифровых объектов» и ее элементов, в том числе рассматривает особенности исполнения обязательств в цифровой среде. Автором определяются характерные конституирующие признаки гражданского оборота цифровых объектов, в частности, особое внимание уделяется цифровой среде, которая и порождает оборот цифровых объектов, а также наличию у субъектов технической возможности доступа для участия в гражданском обороте цифровых объектов («цифровой барьер»). Гражданский оборот цифровых объектов автор определяет как процесс перемещения объектов в цифровой среде между физическими и (или) юридическими лицами, публично-правовыми образованиями при использовании информационных и коммуникационных технологий, таких как Интернет, электронная почта, электронная коммерция, электронные платежи и другие цифровые инструменты, для совершения юридически значимых действий, целью которого является не только достижение юридически значимого результата, но и повышение доступности, эффективности и удобства взаимодействия между участниками, а также обеспечение безопасности данных и защиты прав и интересов граждан в цифровой среде.*

Ключевые слова: *обязательства, цифровой объект, гражданский оборот, объекты гражданского права, цифровой имущественный оборот*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.180-188

© Тумаков А. В., 2026

Albert V. TUMAKOV,
Doctoral candidate, Faculty of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel Training, Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot,
Associate Professor, Faculty of Finance, Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) under the President of the Russian Federation,
Cand. Sci. (Law)
albert-tumakov@rambler.ru
12, ul. Academician Volgina, Moscow, Russia, 117997

The Influence of the Digital Environment on the Formation of New Rules of Civil Circulation

Abstract. *Modern civil circulation is undergoing significant changes under the influence of digitalization and technologization trends. The author points out that the key rules governing the dynamics of material assets were established thirty years ago with the adoption of Part II of the Civil Code of the Russian Federation. In this regard, the author defines the legal essence of the civil-law category "civil circulation of digital objects" and its elements, including examining the specifics of fulfilling obligations in the digital environment. The author identifies the characteristic constituent features of civil circulation of digital objects, focusing in particular on the digital environment that generates the circulation of digital objects, as well as the technical accessibility of entities to participate in civil circulation of digital objects (the "digital barrier"). The author defines the civil circulation of digital objects as the process of moving objects in the digital environment between individuals and/or legal entities, public-law entities using information and communication technologies, such as the Internet, e-mail, e-commerce, electronic payments and other digital tools, to perform legally significant actions, the purpose of which is not only to achieve a legally significant result, but also to increase the accessibility, efficiency and convenience of interaction between participants, as well as to ensure data security and protect the rights and interests of citizens in the digital environment.*
Keywords: *obligations, digital object, civil circulation, objects of civil law, digital property circulation*

Введение

С принятием второй части Гражданского кодекса РФ в январе 1996 г. развитие отечественной цивилистической мысли и частноправовой правоприменительной практики стало осуществляться по новым законам и правилам, присущим рыночной экономике. Коренных изменений требовало законодательство после распада СССР в силу принятия новых правовых основ функционирования государства.

Несмотря на то, что первая часть ГК РФ была принята годом ранее, именно с 1996 г. следует вести отсчет формирования новых правил динамики гражданского оборота. Дело в том, что именно обязательства раскрывают процесс перехода благ от одних субъектов гражданского оборота к другим. В этой связи можно утверждать, что обязательства «насыщают гражданское право жизнью», так как без динамики наличие принципов и общих постулатов не имело бы смысла.

С момента принятия второй части ГК РФ прошло 30 лет, и сегодня наблюдаются новые тренды развития общественных отношений, возглавляет которые, несомненно, общий тренд цифровизации. Цифровизация и технологизация коснулись абсолютно всех сфер общественной жизни, особенно тех сфер, которые касаются перехода различных материальных благ между участниками рынка. Такие изменения требуют исследования вопросов, связанных с оборотом объектов гражданских прав в цифровой среде, или так называемых цифровых объектов. Автор полагает, что цифровая среда особым образом влияет на возникновение, изменение и прекращение обязательственных правоотношений.

Формирование концептуальной модели гражданского оборота цифровых объектов является важной тенденцией современного отечественного гражданского права. Новые технологии, безусловно, создают новые возможности для субъектов правоотношений, при этом появляются новые вызовы для правовой системы. Трансформация имеющихся и появление новых правовых норм и институтов, адаптированных под особенности цифрового пространства, обеспечивает эффективную защиту интересов всех субъектов гражданско-правовых отношений и добросовестного исполнения обязательств.

Гражданский оборот цифровых объектов характеризуется неестественностью, поскольку полностью зависит от цифровой среды, которая порождает оборот цифровых объектов.

Генезис гражданского оборота цифровых объектов определяет системообразующий признак современного гражданского оборота — цифровую среду, в которой происходит переход цифровых объектов от одних субъектов к другим. В основе формирования гражданского оборота цифровых объектов лежит множество юридических фактов, в том числе гражданско-правовые сделки, связанные с электронной коммерцией, электронными транзакциями, обменом электронными документами, доступом к информации, взаимодействие с государственными учреждениями и другими участниками гражданского оборота через Интернет и другие сетевые технологии.

Действующий ГК РФ не содержит такого понятия, как «цифровая среда», однако позволяет заключать сделки путем обмена электронными сообщениями или путем заключения одного электронного документа. На первый взгляд, в данном случае речь идет о классическом виде юридического факта, т.е. правомерном действии, преследующем цель в виде конкретного юридического результата. Однако согласимся с Т. А. Савельевой, что этот взгляд является поверхностным[1].

Такое историческое событие, как появление и масштабирование Интернета, определило вектор развития права в целом и частного права в частности. Именно Интернет составляет ядро цифровой среды, стал пространством реализации прав и свобод,

[1] *Савельева Т. А.* Дистанционные способы совершения сделок с использованием цифровых технологий // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1 (4). С. 1061.

исполнения обязанностей, осуществления властных полномочий[2]. Цифровая среда — результат научно-технической деятельности человека, а потому она не может существовать в отрыве от технических элементов, которые и порождают новую реальность. Как верно отмечает Д. Х. Мусабеков, цифровизация формирует новые технологические среды обитания (экосистемы, платформы), с тем чтобы решать целые группы задач[3].

Конституирующие признаки гражданского оборота цифровых объектов и особенности исполнения обязательств в цифровой среде

Наличие доступа в Интернет имеет важное значение для передачи данных от одного субъекта правоотношений к другому. Такие данные могут обладать разным юридическим характером: текст сообщения, медиафайл по исполненному договору, экземпляр подписанного договора, файл с техническим заданием, прослушивание предоставленного медиаконтента и т.д. При этом передача может происходить в виде:

а) цифрового сжатого файла с созданием копии на устройстве принимающей стороны;

б) передачи данных без создания копии путем удаленного доступа к данным (стриминговые платформы, онлайн-кинотеатры и т.д.);

в) передачи данных путем изменения кода программы для ЭВМ в рамках информационной системы (передача объектов виртуальной реальности, криптовалюты)[4].

Указанные способы передачи данных свидетельствуют о том, что в цифровом пространстве не происходит физический переход материальных объектов между участниками, что присуще подавляющему числу сделок гражданского оборота в физическом мире. Именно поэтому важна техническая составляющая гражданского оборота, которая формирует цифровое пространство и делает возможным существование новых объектов и новых способов взаимодействия субъектов. Иначе можно сказать, что в гражданском обороте цифровых объектов приобретение и осуществление субъективных гражданских прав ставится в зависимость от определенных технических условий.

Следующий признак гражданского оборота цифровых объектов определяется средой возникающих правоотношений и связан с тем, что в цифровом пространстве не могут обращаться классические объекты. В действующей редакции ст. 128 ГК РФ не содержится понятие «цифровой объект», однако имеется указание на такой объект, как «цифровое право». Категория цифровых прав неоднозначно была воспринята наукой[5].

---

[2] *Авдеев Д. А.* Правовое регулирование отношений, связанных с цифровизацией частной жизни : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.1. Владимир, 2024. С. 40.

[3] *Мусабеков Д. Х.* Сущность и практические проявления цифровизации экономики // URL: https://clck.ru/3few2x (дата обращения: 01.10.2025).

[4] *Мефодьева К. А.* Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2019. С. 96.

[5] Различные позиции по поводу правовой природы цифровых прав см., например: *Санникова Л. В., Харитонова Ю. С.* Проблемы формирования правовых режимов новых циф-

Появление цифровой среды изменило традиционное цивилистическое представление о сроках и времени в гражданском обороте. Современные технические возможности расширяют возможности субъектов гражданского права, не ограничивая возможности заключения сделки конкретными временны́ми рамками. Однако новые возможности должны быть осмыслены с позиций момента заключения договора и его исполнения, поскольку все три параметра в этом случае могут не совпадать, но имеют юридическое значение.

Представляется спорным тезис о том, что цифровое пространство лишено параметра времени, однако в нем не действуют привычные правила, связанные с делением мира на часовые пояса или графиком работы организации. Цифровое пространство «характеризуется перманентной деловой активностью»[6], ему незнакомы такие категории, как «нерабочее время», «выходной день», «нерабочий день», «праздничный день».

Если параметр времени применим к цифровому пространству с некоторыми изъятиями, то территориальные границы в данном контексте полностью стираются. На смену физическим параметрам высоты, ширины и глубины приходит единое понятие «эфир», которое является универсальным для отражения того пространства, где происходит действие. Юридически качественной характеристикой является само цифровое пространство, которое позволяет оформлять сделки в электронной форме, однако физическое место расположения субъекта в этом случае утрачивает смысл. Так, юридическое лицо может заключить договор поставки с организацией, которая расположена в соседнем регионе либо за тысячу или десятки тысяч километров, в том числе в другой стране.

Именно преодоление физических границ привело к появлению такого понятия, как «электронная коммерция» (электронный бизнес, e-commerce), которое относится к процессу покупки, продажи и обмена товаров, услуг и информации через сеть Интернет. Иначе электронную коммерцию определяют как направление электронного бизнеса или метод ведения бизнеса посредством Интернета, обеспечивающий функции продажи продукции/услуг через сеть заказчику[7]. Другие авторы в своем определении берут за основу электронную форму взаимодействия, а не обмен посредством сети Интернет, понимая под электронной

ровых объектов оборота // Право и бизнес. 2019. № 1. С. 37—38 ; *Карцхия А. А.* Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2 (31). С. 44 ; *Сафонова Д. В.* Понятие и особенности цифровых прав как объекта гражданского права // URL: https://clck.ru/3fg5m9 (дата обращения: 10.01.2025) ; *Рожкова М. А.* Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10 (525). С. 11—12.

[6] *Войтенко И. Р.* Пространство и время в цифровой экономике: эволюция понятий и их современный онтологический статус // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2019. № 3 (33). С. 11—12.

[7] *Мартынюк А. В.* Электронная коммерция: основные понятия, классификация и сущность // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 4.

коммерцией любую форму бизнес-процесса, в котором процесс взаимодействия между субъектами осуществляется электронным образом[8].

Приведенные мнения в совокупности означают, что электронная коммерция выполняется без использования традиционных методов физического присутствия или обмена документами. Основными особенностями электронной коммерции являются:

— онлайн-продажи, поскольку электронная коммерция предоставляет возможность магазинам и компаниям продавать свои товары и услуги онлайн через интернет-сайты, мобильные приложения и другие электронные платформы;
— трансграничность — электронная коммерция позволяет вести бизнес и заключать сделки с клиентами по всему миру без привязки к географическому местоположению и, как следствие, в разных юрисдикциях;
— автоматизация — процессы электронной коммерции (покупки, оплаты, доставки и учета) обычно осуществляются автоматически благодаря использованию специализированных систем управления, возможно применение смарт-контрактов;
— безопасность — электронная коммерция требует обеспечения безопасности данных и финансовых транзакций, для чего используются шифрование, защита личной информации и др.

В традиционном понимании субъектами гражданского права являются физические и юридические лица, публично-правовые образования. При этом трансформация доктринальных представлений о правовом статусе субъектов гражданско-правовых отношений обусловлена введением в гражданский оборот новых объектов имущественных прав[9]. Реальность и физическое воплощение традиционных субъектов исключает возможность участия в гражданском обороте цифровых объектов до тех пор, пока сама реальность не пройдет процедуру «оцифровки» каким-либо способом: зарегистрируется на сайте «Госуслуги», пройдет процедуру авторизации на сайте продавца и т.п.

Иными словами, для участия в гражданском обороте цифровых объектов традиционному субъекту необходимо пройти процедуру идентификации, чтобы система могла соотнести цифровые данные с имеющейся базой и определить его место в этой системе. Указанные особенности легли в основу многочисленных дискуссий о так называемых электронных юридических лицах[10], правосубъектности электронного лица[11], виртуальных сообществах[12] и многих других предлагаемых наименованиях. Более того, гражданский оборот цифровых объектов

[8] *Савченко Н. К., Шакирова Ю. К.* Электронная коммерция — инновационная форма ведения бизнеса // Молодой ученый. 2017. № 5. С. 235—238.

[9] *Трофимов А. А.* Способы индивидуализации субъектов частного права в цифровой среде : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.3. Псков, 2023. С. 72.

[10] Корпоративное право : учебный курс / Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, А. В. Габов [и др.] ; отв. ред. И. С. Шиткина : в 2 т. М. : Статут, 2017. Т. 1. С. 584.

[11] *Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. … д-ра юрид. наук. М. : Российская государственная академия интеллектуальной собственности, 2018. С. 280.

[12] *Аюшеева И. З.* Виртуальные сообщества: проблемы определения гражданско-правового статуса // Закон. 2022. № 6.

невозможен без участия посредника, который и является создателем либо держателем определенной цифровой платформы (информационного пространства). Такими участниками могут быть: оператор информационной системы, агрегатор информации, интернет-провайдер, оператор связи и другие лица.

Наличие у участников средств идентификации позволяет им обмениваться документами и информацией в электронном формате, чем обеспечивается электронный документооборот — процесс обмена и хранения документов, использующий цифровую форму и автоматизацию с помощью информационных технологий. Если при традиционном бумажном документообороте документы передаются физически и обрабатываются вручную, то электронный документооборот основан на передаче и обработке электронных файлов. Применительно к гражданскому обороту цифровых объектов электронный документооборот представляет собой применение информационных технологий и цифровых инструментов с целью обмена информацией и заключения, изменения и расторжения гражданско-правовых сделок.

Необходимо отметить, что электронный документооборот является одним из возможных средств реализации прав и свобод субъектов гражданско-правовых отношений в цифровой среде. Данные права обеспечивают соблюдение основных принципов гражданского права: свободы договора, равенства участников гражданских правоотношений, неприкосновенности собственности сторон. При этом субъектам гражданских правоотношений должен быть обеспечен доступ к информации и информационным системам. Все субъекты гражданского оборота должны иметь равные возможности доступа к сервисам без дискриминации по различным признакам.

Безусловно, развитие гражданского оборота цифровых объектов требует соответствующего адаптивного правового регулирования. Одним из позитивных примеров такого правового регулирования является законодательство о цифровой подписи и электронном документообороте. Необходимым элементом правового регулирования гражданского оборота цифровых объектов является построение эффективной системы защиты прав и интересов субъектов в процессе взаимодействия (контроль за безопасностью данных, защита персональных данных, вопросы ответственности и другие аспекты, связанные с угрозами взаимодействию субъектов посредством информационных систем). В рамках данного тезиса необходимо указать, что в различных юрисдикциях существуют законы и нормативные акты, которые определяют правила и регуляции, касающиеся использования цифровых технологий в гражданско-правовых отношениях[13].

Обеспечение и защита прав в Интернете является задачей государства, организаций, провайдеров интернет-сервисов и самих пользователей. Международные и национальные законы и стандарты, такие как Декларация прав человека, Всемирный доклад о свободе СМИ и Закон о защите персональных данных, играют важную роль в обеспечении и защите этих прав и свобод для всех субъектов в Интернете. Несмотря на то, что современные цифровые технологии уже не ограничиваются

[13] Проект Цифрового кодекса Республики Казахстан (апрель 2024 г.) // URL: https://clck.ru/3fgsba (дата обращения: 11.10.2025).

Интернетом, именно право на доступ к Интернету является базовым, поскольку все иные цифровые права производны от использования Интернета[14].

Выявленные признаки гражданского оборота цифровых объектов еще раз подтверждают мысль о том, что в его регуляции не могут прямо и безоговорочно применяться положения традиционных институтов гражданского права. Часто используемый в научных трудах тезис о том, что оборот цифровых объектов возможен только в специализированной информационной системе между субъектами, имеющими к ней доступ[15], уже требует разработки особого механизма гражданско-правового регулирования.

Заключение

Частноправовые исследования, посвященные гражданскому обороту цифровых объектов, показывают, что интерес цивилистов к данной проблематике значителен.

Подводя общий итог, необходимо отметить, что гражданский оборот цифровых объектов обладает следующими характерными (конституирующими) признаками:

- возникновение исключительно в цифровой среде (в конкретной информационной системе);
- наличие особого (цифрового) объекта;
- отсутствие временно́й зависимости;
- отсутствие территориальных границ;
- наличие особых субъектов и обязательное наличие посредника;
- особые способы идентификации лиц, участвующих в гражданском обороте цифровых объектов;
- отсутствие единых правил гражданского оборота цифровых объектов;
- особые средства обеспечения юридической достоверности;
- наличие особого механизма правового регулирования;
- наличие особых источников регулирования;
- наличие особых договорных конструкций.

Таким образом, за 30 лет существования второй части ГК РФ общественные отношения стали гораздо сложнее и в своем большинстве были подвержены цифровой трансформации. Полученные выводы подтверждают авторскую гипотезу о влиянии результатов технического прогресса на процессы возникновения, изменения и прекращения обязательственных правоотношений. Такое влияние связано не только с формой закрепления правоотношений, но и с их содержанием.

В настоящее время выявленные автором признаки наиболее ярко проявляются в обязательствах, возникающих из договора купли-продажи, а также в некоторых видах расчетных правоотношений. Все договорные обязательства

[14] *Варламова Н. В.* Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. № 4.

[15] *Хасимова Л. Н., Гайфутдинова Р. З., Ющенко Н. А.* Правовое регулирование цифровых прав как объектов гражданского права по законодательству Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 1. С. 91.

объединяет признак информационности, т.е. их возникновение, изменение и прекращение возможно только по правилам информационной платформы, искусственно создающей возможность существования таких правоотношений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авдеев Д. А.* Правовое регулирование отношений, связанных с цифровизацией частной жизни : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.1. — Владимир, 2024.
2. *Аюшеева И. З.* Виртуальные сообщества: проблемы определения гражданско-правового статуса // Закон. — 2022. — № 6.
3. *Варламова Н. В.* Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. — 2019. — № 4.
4. *Войтенко И. Р.* Пространство и время в цифровой экономике: эволюция понятий и их современный онтологический статус // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. — 2019. — № 3 (33). — С. 7—17.
5. Корпоративное право : учебный курс / Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, А. В. Габов [и др.] ; отв. ред. И. С. Шиткина : в 2 т. — М. : Статут, 2017. — Т. 1.
6. *Малько А. В.* Теория государства и права : краткий учебник. — Саратов : КРОСС-Н, 2010.
7. *Мартынюк А. В.* Электронная коммерция: основные понятия, классификация и сущность // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — № 4.
8. *Мефодьева К. А.* Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2019. — 228 с.
9. *Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. … д-ра юрид. наук. — М. : Российская государственная академия интеллектуальной собственности, 2018.
10. *Мусабеков Д. Х.* Сущность и практические проявления цифровизации экономики // URL: https://clck.ru/3few2x (дата обращения: 01.10.2025).
11. *Савельева Т. А.* Дистанционные способы совершения сделок с использованием цифровых технологий // Journal of Digital Technologies and Law. — 2023. — № 1 (4). — С. 1058—1086.
12. *Савченко Н. К., Шакирова Ю. К.* Электронная коммерция — инновационная форма ведения бизнеса // Молодой ученый. — 2017. — № 5. — С. 235—238.
13. *Трофимов А. А.* Способы индивидуализации субъектов частного права в цифровой среде : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.3. — Псков, 2023. — 223 с.
14. *Хасимова Л. Н., Гайфутдинова Р. З.*, *Ющенко Н. А.* Правовое регулирование цифровых прав как объектов гражданского права по законодательству Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. — 2020. — № 1. — С. 89—92.

К вопросу о реализации норм об антимонопольном комплаенсе в новых условиях развития цифровой экономики

Мария Александровна ЕГОРОВА,
профессор кафедры конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор
maegorova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *В статье с опорой на практику российского и зарубежных антимонопольных регуляторов применительно к традиционным товарным рынкам анализируются подходы к оценке внедрения мер антимонопольного комплаенса в части мер ответственности, которые к такому лицу могут быть применены. Переходя к анализу цифрового комплаенса и особенностям сращивания банковского и платформенного бизнеса, автор статьи пытается продемонстрировать разумность текущего подхода национального антимонопольного органа, заключающегося в том, что само по себе внедрение комплаенса не должно приводить к смягчению ответственности или неприменению таких мер, так как необходимо доказать действительное функционирование комплаенса.*

Ключевые слова: *конкурентное право, антимонопольное регулирование, комплаенс, профилактика антимонопольных нарушений, антимонопольный комплаенс, цифровая экономика, цифровые платформы, цифровой комплаенс, программа освобождение от ответственности*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.189-198

Maria A. EGOROVA,
Professor of Competition Law Department of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor
maegorova@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

On the Implementation of Antitrust Compliance Regulations in the New Conditions of Digital Economy Development

Abstract. *In the article based on the practice of Russian and foreign antimonopoly regulators in relation to traditional commodity markets, analyzes approaches to assessing the implementation of antimonopoly compliance measures in relation to liability measures that can be applied to such a person. Turning to the analysis of digital compliance and the specifics of merging banking and platform businesses, the author of the article tries to demonstrate the reasonableness of the current approach of the national antimonopoly authority, which is that the introduction of compliance by itself should not lead to mitigation of liability or non-application of such measures, since it is necessary to prove the actual functioning of compliance.*

© Егорова М. А., 2026

Keywords: *competition law, antimonopoly regulation, compliance, prevention of antimonopoly violations, antimonopoly compliance, digital economy, digital platforms, digital compliance, leniency program*

Антимонопольный комплаенс, как и любой иной комплаенс, играет существенную роль в деятельности любой корпорации, которая занимает более или менее значимое место на товарном рынке. Компаниям важно осуществлять профилактику нарушения ими действующего законодательства, создавать для своих работников условия, при которых они могут принимать необходимые для осуществления бизнеса решения, имея внутреннего контролера на этапе перехода решения в статус реализуемых конкретных действий, до столкновения этого решения с контрольно-надзорным органом и позицией его должностных лиц.

Представляется, что меры комплаенса выполняют одновременно функции охраны применительно не только к лицу, которое такие меры внедряет, но и к публичному порядку, поскольку меры комплаенса внедряются конкретным лицом, которое, без сомнения, затрачивает на это ресурсы, выражающиеся как в денежных, так и в организационных затратах. При этом такие меры создают полезный эффект не только для лица, которое согласно сугубо формальному подходу и так должно было соблюдать правила действующего законодательства, но и для государства, которое такие правила создает.

В отдельных ситуациях, особенно когда речь идет о крупных холдингах, изменения законодательства могут стать серьезными вызовами, которые требуют оперативной реакции всех их подразделений, поскольку процедуры внутренних согласований внедрения новых мер и изменения существующих практик поведения компаний группы могут потребовать много времени из-за значительного количества подразделений, которые задействованы в согласовании решений компаний. Поэтому мало принять норму закона, в этом процессе необходимо понимать, какие реально затраты, в том числе и временны́е, потребуются на адаптацию поведения регулируемых лиц под новые правила. В России для оценки таких эффектов законопроекта существуют механизмы оценки регулирующего[1] и фактического[2] воздействия.

Однако, помимо такой оценки, как представляется, особенно для субъектов предпринимательской деятельности, необходимо формировать и стимулы внедрения тех или иных инструментов, которые направлены на соблюдение ими требований действующего законодательства. Указанное необходимо в силу того,

---

[1] *Евдокимов А. С., Сергун П. П.* Система профилактических мероприятий, применяемых при осуществлении государственного контроля (надзора): оценка регулирующего воздействия // Административное право и процесс. 2023. № 7. С. 53—59 ; *Уваров А. А.* О некоторых механизмах оценки правового регулирования Минюста России // Хозяйство и право. 2022. № 4. С. 115—122.

[2] *Зарембо С. А.* Эффективность административных актов таможенных органов // Юрист. 2023. № 9. С. 58—62 ; *Белицкая А. В., Лаутс Е. Б.* Эффективность правового регулирования финансового рынка // Право и бизнес. 2023. № 2. С. 18—25.

что целью предпринимательской деятельности является извлечение прибыли; изменение бизнес-процессов под изменения действующего законодательства напрямую влияет на реализацию этой цели. Особенно остро этот вопрос встает в ситуации, когда бизнес-среда, а за ней и регуляторная характеризуются постоянной изменчивостью, что мы наблюдаем в условиях развития цифровой экономики. Здесь стоит отметить, что если речь идет о компаниях, которые осуществляют свою деятельность посредством цифровых платформ, то им при осуществлении своей деятельности приходится адаптировать как бизнес-процессы, так и процессы работы с юридическими рисками, учитывая требования таких платформ, которые зачастую также являются изменчивыми.

Федеральный закон от 01.03.2020 № 33-ФЗ[3] внес изменения в базовый отраслевой закон Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Указанным Законом были установлены основополагающие положения, регламентирующие требования, которым должен отвечать комплаенс хозяйствующего субъекта. Также уделено внимание законодателя процессуальным особенностям, которые необходимо исполнить при обращении в антимонопольный орган в целях согласования системы комплаенса[4].

Стоит отметить, что и в отсутствие специальных положений, и сейчас периодически возникает дискуссия относительно того, должно ли внедрение мер антимонопольного комплаенса влиять на применение мер принуждения, включая меры юридической ответственности. С одной стороны, эта дискуссия уходит корнями в вопрос о том, что субъект тратит ресурсы на внедрение антимонопольного комплаенса и поддержание его функционирования, преследуя не только коммерческие цели. С другой, как мы уже указывали выше, государство также заинтересовано в распространении практик внедрения комплаенса, в том числе и антимонопольного, так как это обеспечивает и экономию ресурсов на проведение антимонопольных расследований, и гармоничность функционирования товарных рынков без нарушений естественно складывающейся расстановки сил на нем. При этом государство не несет издержек, как актор рынка, а сам актор может внедрять комплаенс «бумажно»: создать подразделение, описать в пуле локальных актов процедуры комплаенса и даже приобрести необходимо программное обеспечение, но фактический контроль за поведением подразделений, чья деятельность должна подвергаться внутреннему контролю, не производить. Оценить «бумажность» комплаенса, как представляется, на практике может быть весьма затруднительно.

Присутствующие на российском рынке компании и до принятия соответствующих изменений внедряли меры антимонопольного комплаенса. Это касалось не только зарубежных компаний, учреждавших в России дочерние компании, которые подчинялись глобальным требованиям к проконкурентному поведению, разработанным штаб-квартирами и адаптированным под локальные требования стран присутствия их бизнеса, но и российских компаний. Полагаем, что

[3] Федеральный закон от 01.03.2020 № 33-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”» // СЗ РФ. 2020. № 9. Ст. 1125.

[4] Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

внедрение таких мер было обусловлено не только доброй волей и необходимостью создания «внутреннего фильтра» решений, которые компании намереваются реализовать на рынке, но и тем, что многие российские компании, внедрявшие антимонопольный комплаенс, присутствовали на зарубежных рынках, что обусловливало необходимость принятиях таких мер для успешной работы на зарубежных товарных рынках.

Рассмотрим далее примеры из российской и зарубежной правоприменительной практики, на которых продемонстрируем состояние правоприменительной практики относительно внедрения участниками рынков антимонопольного комплаенса.

Показательным в этом смысле в российской практике является дело 2014 г. в отношении компании «Уралкалий»[5].

Сразу отметим, что в данном деле, по мнению компании «Уралкалий», весомую роль в защите его интересов играла внедренная и реализуемая система антимонопольного комплаенса. Так, прежде чем осуществить ряд инвестиционных процедур, кампанией были проведены предварительный антимонопольный мониторинг и анализ, что позволило, в свою очередь, нивелировать риски антимонопольных разбирательств.

ФАС России было возбуждено дело в связи с нарушением п. 1 ч. 1 ст. 10 Закона «О защите конкуренции» в отношении компании «Уралкалий». Поводом к возбуждению дела стала жалоба крупнейшего потребителя карналлита обогащенного.

Среди доводов жалобы было указано, что заявитель является наиболее крупным потребителем карналлита обогащенного, поскольку приобретает свыше 50 % такого продукта, а компания «Уралкалий» является его единственным производителем. При этом, по мнению заявителя, производителем были резко подняты цены в связи с необоснованным включением в них ряда инвестиционных затрат, в частности, на модернизацию мощностей. Податель жалобы настаивал на том, что любая модернизация производственных ресурсов должна производиться за счет амортизационного фонда.

Компания «Уралкалий», в свою очередь, защищая свои интересы и обосновывая правомерность включения ряда инвестиционных затрат в стоимость продукта, сослалась на пул следующих обстоятельств:

1) в случае непроведения действий по обновлению производственных сил нормальные производственные функции находятся в зоне риска;
2) с потребителями были реализованы процедуры по достижению согласия относительно требуемых затрат на соответствующие инвестиции, а также размера увеличения такой части цены;
3) была осуществлена экспертная оценка на предмет соответствия рассматриваемого ценообразования положениям закона, в том числе антимонопольного законодательства;
4) компания «Уралкалий» акцентировала внимание на имеющейся правоприменительной практике и на закрепленных законом положениях,

[5] Решение ФАС России от 14.10.2015 по делу № 1-10-207/00-05-14 // СПС «КонсультантПлюс».

позволяющих добавить в цену продукта определенную инвестиционную составляющую.

Дело было прекращено по решению ФАС России, поскольку в действиях компании «Уралкалий» при проверке экономической обоснованности не было выявлено нарушений.

Рассмотренный кейс наглядно иллюстрирует, при каких обстоятельствах (а именно — при наличии согласованного с антимонопольным органом системы антимонопольного комплаенса), недопустима квалификация действий хозяйствующего субъекта как нарушение антимонопольного законодательства, когда он действует согласно положениям такой системы комплаенса.

Данный пример вновь свидетельствует, что действительно заинтересованным в разработке, внедрении и реальной практической реализации системы комплаенса является именно сам хозяйствующий субъект.

Представляется, что если меры комплаенса предполагают достаточно прозрачную и взвешенную систему согласования принятия решений и контроля за их принятием и реализацией, то нарушение антимонопольного законодательства при соблюдении мер комплаенса невозможно. При этом не стоит отрицать, что возможны ситуации, которые затруднительно предусмотреть при разработке мер комплаенса. Например, бывает сложно покрыть мерами развитие всех направлений бизнеса, особенно не планируемых для развития на момент разработки системы. Однако отказ от казуистичности мер может позволить добиться сбалансированной системы. При этом стоит согласиться с выводами Д. М. Ашфы о том, что своевременная идентификация антимонопольных рисков в деятельности любого участника рынка является залогом законного поведения хозяйствующего субъекта, а также его возможностей своевременно воспользоваться программой освобождения от ответственности, если произошел инцидент нарушения антимонопольного законодательства, несмотря на внедренные и функционирующие меры антимонопольного комплаенса[6].

Следует, как представляется, обратить внимание на пул дел, связанных с антиконкурентными практиками при дистрибуции радиоэлектронной продукции, который был рассмотрен Центральным аппаратом ФАС России. Речь идет о решениях ФАС России от 27.03.2017 № АЦ/20961/17[7]; от 02.03.2018 № АЦ/14552/18[8] и от 07.05.2019 № АЦ/37701/19[9].

В практике ФАС России выносились решения в отношении ряда импортеров по факту нарушения ч. 5 ст. 11 Закона «О защите конкуренции» в связи с

---

[6] *Ашфа Д. М.* Правовое обеспечение системы антимонопольного комплаенса хозяйствующего субъекта: дискуссия продолжается // Юрист. 2021. № 8. С. 57—62.

[7] Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы. URL: https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-po-borbe-s-kartelyami/ats-20961-17/ (дата обращения: 01.10.2025).

[8] Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы. URL: https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-po-borbe-s-kartelyami-i-kontrolya-zakrytyh-zakupok/ats-14552-18/?query=ац/14552/18 (дата обращения: 01.10.2025).

[9] Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы. URL: https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-po-borbe-s-kartelyami-i-kontrolya-zakrytyh-zakupok/18354d31-65c5-4e6f-8879-42138e2cfa7e/?query=№%20ац/37701/19 (дата обращения: 01.10.2025).

реализацией незаконной экономической деятельности в отношении продавцов импортируемой техники. Такие решения принимались в отношении ООО «Эппл Рус», ООО «ЛГ Электроникс Рус» и ООО «Самсунг Электроникс Рус Компани».

В результате такой незаконной координации экономической деятельности происходило как установление, так и поддержание цен в отрыве от реальных спроса и предложения на рынке розничной торговли смартфонами.

Рассмотрим действия, которые ФАС России квалифицировала в качестве координации экономической деятельности:

1) импортеры устанавливали рекомендованные розничные цены на продаваемые смартфоны;
2) реализовывались контрольные мероприятия за розничными ценами, которые устанавливали продавцы;
3) с целью соблюдения назначаемых импортерами цен ими оказывалось влияние на продавцов;
4) самое существенное обстоятельство заключалось в том, что импортеры за несоблюдение таких рекомендованных цен имели возможность применять и применяли меры воздействия в виде санкций, которые заключались в прекращении поставок товара, чем фактически лишали возможности продолжать предпринимательскую деятельность.

Важным в рассматриваемом кейсе является наличие у указанных импортеров системы антимонопольного комплаенса. Согласно соответствующим актам были разработаны и внедрены положения об антимонопольных рисках, различные положения о правилах поведения работников и об основополагающих подходах к реализации системы комплаенса.

При этом антимонопольным органом было установлено, что реализуемая система внутреннего контроля импортеров не отвечала требованиям Закона «О защите конкуренции» и не могла обеспечить надлежащего исполнения требований российского антимонопольного законодательства. Импортеры, в свою очередь, защищая свои интересы, заверяли об усовершенствовании в будущем системы антимонопольного контроля.

Привлекая к ответственности импортеров и должностных лиц в соответствии с ч. 5 ст. 14.32 КоАП РФ, ФАС России в решении отметила, что на импортеров как юридических лиц возложена ответственность за действия их сотрудников. При этом в нарушение надлежащего контроля за их действиями импортерами не были реализованы все зависящие от них меры по обеспечению должной реализации положений антимонопольного законодательства.

В приведенном выше примере, в отличие от кейса с компанией «Уралкалий», антимонопольный орган не счел систему внутреннего контроля отвечающей требованиям закона и направленной на его исполнение, а совершаемые в ее рамках действиях импортеров расценил как недопустимые, в связи с чем импортеры были привлечены к ответственности.

В рассмотренных делах уполномоченные органы не учли наличие или отсутствие системы антимонопольного комплаенса как отягчающее или смягчающее обстоятельство, однако в зарубежной практике существуют примеры признания наличия системы комплаенса отягчающим обстоятельством.

Так, в 2011 г. в юрисдикции США был установлен факт нарушения Закона Шермана и Закона «О противодействии коррупции за рубежом» в связи с чем на одного из популярных производителей автошин «Бриджстоун» был наложен штраф в размере 28 млн долларов. Нарушение указанных актов заключалось, во-первых, в участии в картельном сговоре, а во-вторых, в коррупционных схемах в отношении зарубежных должностных лиц. Затем в 2014 г. компания «Бриджстоун» признала вину в совершенных деяниях.

Налагая штраф, Минюст США, указал, что в компании «Бриджстоун» действует система внутреннего антимонопольного контроля, выявив ранее указанные правонарушения, хозяйствующий субъект не обратился ранее в уполномоченные органы, а должен был. В связи с этим наличие системы антимонопольного комплаенса признано «отягчающим обстоятельством», а на «Бриджстоун» возложен штраф в 425 млн долларов.

Таким образом, рассмотренные выше дела вновь иллюстрируют выводы, которые уже давно укоренились в научной литературе относительно системы антимонопольного комплаенса. Во-первых, по себе факт внедрения такой системы не может стать основанием к смягчению ответственности. Во-вторых, при наличии системы комплаенса при антимонопольном разбирательстве хозяйствующий субъект в любом случае обязан доказать те действия, которые были реализованы на практике в целях надлежащего исполнения антимонопольных законодательных положений.

В зарубежной практике интересно обратиться к некоторым делам, в которых уполномоченное антимонопольное ведомство признало наличие комплаенс-системы как смягчающее обстоятельство при определении размера штрафных санкций за выявленные нарушения.

В первую очередь рассмотрим дело «Arriva plc. and FirstGroup plc.»[10]. Согласно обстоятельствам дела, между операторами общественного транспорта в Европе — компаниями «Arriva plc.» и «FirstGroup plc.» было заключено соглашение о разделе рынка автобусных перевозок в определенном районе Великобритании, что, очевидно, привело к ограничению конкуренции на указанном рынке.

Первоначальные штрафные санкции в отношении компании «Arriva plc.» составили более 300 000 фунтов стерлингов и более 520 000 фунтов стерлингов в отношении «First Group plc.». Однако в ходе рассмотрения дела антимонопольное ведомство установило следующие обстоятельства, способствовавшие ослаблению наказания: компании сообщили, во-первых, данные относительно реализации раздела рынка — картельного сговора, во-вторых, о наличии внедренной системы комплаенса и ее эффективной деятельности.

В итоге оценка всех обстоятельств по делу и активной роли компаний, в том числе комплаенс-мер, позволила значительно снизить первоначальный штраф, а

[10] Decision of the Director General of Fair Trading No. CA98/9/2002 Market sharing by Arriva plc and FirstGroup plc. 30 January 2002 (Case CP/1163-00) // URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20140402142426/http://www.oft.gov.uk/shared_oft/ca98_public_register/decisions/leedsbus.pdf;jsessionid=8e124c58cfb56499ad7176c80ea350c2 (дата обращения: 01.10.2025).

затем в рамках пересмотра решений для компании «First Group plc.» штраф был сведен к нулю, а для компании «Arriva plc.» снижен до 203 632 фунтов стерлингов.

Следующий кейс, на котором мы остановимся, касается дела в отношении компаний «Hasbro U. K. Ltd» (крупнейший поставщик игрушек и игр), «Argos Ltd и Littlewoods Ltd», которые были привлечены к ответственности за заключение соглашения о фиксировании цен[11], результатом которого стало ограничение конкуренции на товарном рынке игрушек в пределах Великобритании.

Смягчающими обстоятельствами, позволившими снизить штрафы компаниям на 10—20 %, являлись, в частности, усовершенствование системы антимонопольного комплаенса, возложение дисциплинарных взысканий на ряд сотрудников компаний, улучшение системы управления, работа с персоналом компаний.

При этом компании «Hasbro U. K. Ltd» вообще удалось свети к нулю штраф, поскольку, в том числе благодаря мерам антимонопольного комплаенса, компания первой сообщила о наличии картельного сговора, еще до начала антимонопольного разбирательства.

Рассмотренные кейсы демонстрируют, что зарубежные практики стимулируют компании на внедрение и активное использование комплаенс-систем, в частности, путем смягчения ответственности. При этом антимонопольные ведомства оценивают в первую очередь комплекс действий, которые реализуются на практике в компании, а не внедрение системы комплаенса «на бумаге».

В условиях цифровизации экономики полагаем возможным говорить и о цифровом комплаенсе, который включает в себя и антимонопольный комплаенс, а также необходимость сопряжения его профилактических мер с комплаенсом отраслевым, например банковским[12]. М. М. Панарина отмечает, что цифровой комплаенс представляет собой систему общего комплаенс-контроля за всеми операционными процессами, связанными с цифровыми процедурами и (или) цифровыми продуктами, работой с конфиденциальной информацией и минимизацией широкого спектра информационных рисков, а также предлагает дихотомическое понимание цифрового комплаенса:

— в узком смысле цифровой комплаенс обеспечивает надзор за соблюдением работниками требований законодательства и предписаний антимонопольных органов, писем Банка России о комплаенс-контроле, международных стандартов ISO и национальных стандартов Российской Федерации ГОСТ Р ИСО, положений локальных нормативных актов компании по цифровой безопасности и коммерческой тайне;
— в широком смысле — создает дополнительную систему предупредительного цифрового контроля в организации за счет обеспечения цифровой безопасности, новых цифровых решений при оформлении трудовых отношений

[11] Decision of Director General of Fair Trading No. CA98/2/2003, Agreements between Hasbro U.K. Ltd, Argos Ltd and Littlewoods Ltd fixing the price of Hasbro toys and games, 19 February 2003 (Case CP/0480-01) // URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/555de4d340f0b666a2000168/hasbro3.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

[12] *Белых В. С.* Современные вызовы и перспективы развития банковской системы России в условиях цифровизации // Банковское право. 2024. № 1. С. 39—47.

с работниками, автоматизации части трудовых отношений и формировании надлежащей цифровой кадровой документации[13].

Нет сомнения, что в авангарде применения таких мер идут и будут идти институции банковского сектора и иных финансовых услуг, поскольку цифровизация экономики захватывает и рынки финансовых услуг. Участники таких рынков в силу особенностей отраслевого рыночного регулирования обязаны поддерживать функционирование систем комплаенса по широкому спектру вопросов. Этот спектр включает и вопросы антимонопольного регулирования, и вопросы взаимодействия с потребителями финансовых услуг. В этом смысле антимонопольный комплаенс представляет интерес в собственно банковских структурах, поскольку российский банковский сектор характеризуется высокой степенью концентрации. Кроме того, для российских реалий характерно не только развитие цифровых технологий непосредственно при предоставлении банковских услуг, но и встраивание банковских сервисов в более сложные цепочки и механизмы взаимодействия производителей товаров и конечных потребителей, что характерно для функционирования цифровых платформ.

В последнее время крупные цифровые платформы, такие как «Яндекс», Ozon, Wildberries не только приобрели банковские организации и включили их в инфраструктуру одноименных цифровых платформ, но и стали продвигать банковские услуги этих банков не в связи с реализацией основной своей деятельности как транзакционных платформ, а как непосредственно банковских, используя для их развития сетевые эффекты, порожденные функционированием их основных продуктов — цифровых платформ[14]. Указанную тенденцию автор полагает весьма опасной для всех затрагиваемых подобными деяниями товарных рынков, поскольку она лишь способствует монополизации как рынка банковских услуг, так и маркетплейсов. В подобных условиях, как представляется, разумным является подход, согласно которому само по себе внедрение антимонопольного комплаенса хозяйствующим субъектом или его группой лиц не должно являться ни основанием освобождения от юридической ответственности, ни смягчающим обстоятельством.

Применительно к таким популярным цифровым платформам как Ozon, Wildberries, «Яндекс», особое значение имеет антимонопольная комплаенс-поддержка, поскольку указанные платформы занимают доминирующее положение на российском рынке электронных торговых площадок, а риск совершения правонарушения путем злоупотребления доминирующим положением наиболее высок для данных субъектов. Также наличие сетевого эффекта усложняет конъюнктуру деятельности таких специфичных хозяйствующих субъектов и увеличивает риск совершения иных антимонопольных правонарушений.

Подводя итог, стоит вновь отметить, что хозяйствующий субъект не должен просто «для галочки» внедрить меры комплаенса и пренебрегать антимонопольными

[13] *Панарина М. М.* Цифровой комплаенс как эффективный способ минимизации информационных рисков // Журнал российского права. 2025. № 1. С. 141—154.

[14] Платформы обрастают банками. Зачем Ozon свои банкоматы, а «Яндексу» — платежные стикеры // Эксперт.Медиа. URL: https://expert.ru/finance/platformy-obrastayut-bankami/?ysclid=mgc5vz4f7t455468265 (дата обращения: 01.10.2025).

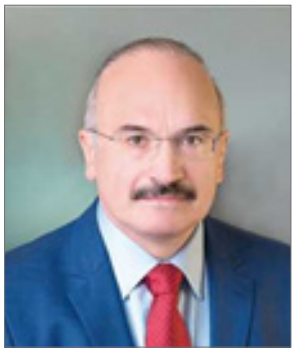
правилами или в необходимые ему моменты «отключать» действующие организационные и правовые инструменты, а затем ссылаться на внедренность и реальную работу комплаенса.

Приведенный пример с цифровыми платформами может показаться несколько утрированным, однако он наглядно демонстрирует корректность подхода российского антимонопольного регулятора, а скоро перестанет быть утрированным ввиду набирающего обороты развития цифровой экономики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ашфа Д. М.* Правовое обеспечение системы антимонопольного комплаенса хозяйствующего субъекта: дискуссия продолжается // Юрист. — 2021. — № 8. — С. 57—62.
2. *Белицкая А. В., Лаутс Е. Б.* Эффективность правового регулирования финансового рынка // Право и бизнес. — 2023. — № 2. — С. 18—25.
3. *Белых В. С.* Современные вызовы и перспективы развития банковской системы России в условиях цифровизации // Банковское право. — 2024. — № 1. — С. 39—47.
4. *Евдокимов А. С., Сергун П. П.* Система профилактических мероприятий, применяемых при осуществлении государственного контроля (надзора): оценка регулирующего воздействия // Административное право и процесс. — 2023. — № 7. — С. 53—59.
5. *Заремба С. А.* Эффективность административных актов таможенных органов // Юрист. — 2023. — № 9. — С. 58—62.
6. *Уваров А. А.* О некоторых механизмах оценки правового регулирования Минюста России // Хозяйство и право. — 2022. — № 4. — С. 115—122.

Научно-технологическое развитие в зеркале правовой мемологии: к проблеме ценностных оснований технореальности



Сергей Владимирович КАБЫШЕВ,
председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
svkabyshev@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *В статье рассматривается влияние научно-технологического развития на трансформацию правовой реальности через призму нового междисциплинарного направления — правовой мемологии (правомеметики). Автор констатирует кризис классической юриспруденции в условиях становления технореальности, характеризующейся размыванием правосубъектности, конкуренцией позитивного права с алгоритмическим регулированием и утратой темпоральной актуальности законодательства. В качестве эвристически продуктивного подхода предлагается методология В. В. Лазарева, рассматривающая государственно-правовые явления как эволюционирующие мем-комплексы — устойчивые образы и символы, управляющие общественным сознанием. С позиций правомеметики анализируются ключевые категории научно-технологической политики: «прогресс», «потенциал», «прорыв», «лидерство» и «суверенитет». Показано, что данные понятия выступают не как нейтральные термины, а как «вирусы смысла», формирующие ценностные установки права и общества. Выявлены риски, связанные с их нерефлексивным использованием: подмена реальных результатов индикативными показателями, оправдание правовых исключений риторикой «прорыва» и имплементация чужеродных институтов под видом погони за «лидерством». Для преодоления ценностного перекоса в сторону «эффективности любой ценой» автором предлагается внедрение в правовой дискурс альтернативных мем-комплексов: «технологической адекватности», «цифровой достаточности», «антропотехнического баланса» и «правды технологий». Особое внимание уделяется необходимости «онтологической неприкосновенности» личности, исключающей редукцию человека к алгоритмическому профилю. В заключение обосновывается потребность в формировании системной правомеметической политики, призванной не просто регулировать риски, но и выступать «селекционером смыслов» и «вакциной» от деструктивных техногенных мемов, обеспечивая ценностно-цивилизационную идентичность новой технореальности.*

Ключевые слова: *правомеметика, научно-технологическое развитие, технореальность, ценностные основания права, юридическая онтология, антропологический баланс*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.199-205

© Кабышев С. В., 2026

Sergey V. KABYSHEV,
Chairman of the State Duma Committee of the Federal Assembly of the Russian Federation on Science and Higher Education, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
svkabyshev@mail.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Scientific and Technological Development in the Mirror of Legal Memology: to the Problem of the Value Foundations of the Technorealty

Abstract. *The article examines the impact of scientific and technological development on the transformation of legal reality through the lens of a new interdisciplinary field: legal memology (pravomemetics). The author notes the crisis of classical jurisprudence in the context of the emergence of a techno-reality characterized by the erosion of legal personality, the competition between positive law and algorithmic regulation, and the loss of temporal relevance of legislation. As a heuristically productive approach, V. V. Lazarev's methodology is proposed, which considers state and legal phenomena as evolving meme complexes — stable images and symbols that govern public consciousness. From the perspective of legal memetics, the key categories of scientific and technological policy are analyzed: "progress", "potential", "breakthrough", "leadership", and "sovereignty". It is shown that these concepts are not neutral terms, but "viruses of meaning" that shape the values of law and society.*

Special attention is paid to the need for the "ontological inviolability" of the individual, which excludes the reduction of a person to an algorithmic profile. In conclusion, the need for a systemic legal policy is substantiated, which is designed not only to regulate risks, but also to act as a "selector of meanings" and a "vaccine" against destructive technogenic memes, ensuring the value-based and civilizational identity of the new technological reality.

Keywords: *legal genetics, scientific and technological development, techno-reality, value foundations of law, legal ontology, and anthropological balance*

Научно-технологическое развитие не просто предполагает смену технологического уклада, но и сопряжено с масштабными антропологическими и общественно-государственными изменениями. Эти изменения ведут к формированию новой технореальности с системными вызовами для юриспруденции. Современное право существует в контексте экзистенциальных угроз, в числе которых можно выделить (не преуменьшая при этом значения иных, здесь не упомянутых): размывание классической правосубъектности и индивидуальной автономии на базе трансгуманизма, микротаргетированного алгоритмического воздействия, предикции; ослабление, конкурентное «сжатие» позитивно-правовой нормативности при активизации неформализованного регулирующего эффекта

информационно-технологических систем; пространственный, темпоральный и дисциплинарный кризис права, рискующего утратить территориальную определенность (метавселенные, трансграничные платформы, облачная инфраструктура), актуальность (технологии и связанная с ними техновласть опережает законодателя) и суверенность.

Перед фундаментальной юриспруденцией новая технореальность ставит вопрос об адекватной правовой парадигме, концептуальный базис и методологический инструментарий которой позволили бы не столько обеспечить научно-технологические преобразования, которые во всяком случае не могут считаться самоцелью, сколько в полной мере овладеть ими. В конечном счете речь идет о подчинении научно-технического потенциала на всем пространстве его социальной динамики гуманистическим, духовно-нравственным идеалам, целям и ценностям, извечным хранителем которых было и должно оставаться право.

В этом плане особого внимания заслуживает такой аспект нарождающейся технореальности, как все более широкое распространение меметической регуляции, при которой нормы фактически существуют, действуют, транслируются через содержательно насыщенные, предметно концентрированные и эмоционально заряженные, а зачастую вирусно масштабируемые слова, образы и символы (своего рода «вирусы смысла»). Мемы, словесные или визуально-текстовые клише, становятся, по существу, носителями правовой информации, не только упрощают и делают более доступным для понимания нормативное содержание правоустановлений, но и формируют непосредственно воздействующий на поведение эмоционально-смысловой образ права, отношение к нему общества, образуют воспринимаемое пространство правовой реальности. С этим сопряжены как преимущества более глубокого понимания и реализации механизма правового регулирования, функционирующего при опосредовании культурно-историческим и социально-психологическим контекстом, так и объективные риски, включая профанацию права (упрощение нормы до лозунга ведет к правовому инфантилизму), правовые манипуляции (мем может формировать искаженный образ права, в том числе дискредитирующий правовые институты), регулятивную неопределенность (мем изменчив, пластичен и многозначен, допуская спектр разнообразных, в том числе взаимоисключающих, трактовок).

Вместе с тем введенная В. В. Лазаревым[1] в концептуально-методологический оборот отечественной юриспруденции правовая мемология (или правомеметика) как междисциплинарная область знаний (и метод исследований), призванная служить современной формой рефлексии права применительно к реальности, неотъемлемой частью которой мемы уже стали, получила пока очень скромное теоретическое развитие[2]. Правовые дискуссии о мемах сфокусированы в основном на авторском и деликтном праве.

В. В. Лазарев вывел проблему необходимости обоснования правомеметики из вопросов актуальной юридической онтологии: не копируют ли себя законы в

[1] *Лазарев В. В.* Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 15—28 ; *Его же*. Государство в свете мемологии // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 5—18.

[2] *Залоило М. В.* Правомеметика. М. : Инфотропик Медиа, 2024. 172 с.

судебных решениях; не размножаются ли судебные решения в качестве прецедентов; не зависят ли судьба и выживание законодательных мемов и судебных прецедентов от окружающей среды; нет ли таких носителей, которые намеренно пытаются внедрить правовые мемы? Взгляд с этой позиции позволил В. В. Лазареву, в частности, по-новому раскрыть механизмы преемственности, легитимации и трансформации власти, показать, что государственность — это не только институты и нормы, но и устойчивые образы-симулякры (например, «государство-Левиафан», «государство — ночной сторож»), которые конкурируют, видоизменяются и используются в политической борьбе. Тем самым предложена эвристически сильная и продуктивная метатеория, позволяющая описывать и анализировать государственно-правовую реальность в аспекте эволюционирования социокультурных образов, символов и смыслов.

Применение этой оптики к научно-технологическому развитию и его правовому сопровождению представляется необходимым и крайне важным, поскольку позволяет не только увидеть и раскрыть информационно-смысловые и культурно-политические факторы определения направлений и правового содержания научно-технологического развития, используемых нормативных конструкций и тем самым «демистифицировать» юридический язык правовой политики инноваций, обеспечить ее более адекватное ценностно-цивилизационному (идейно-смысловому) базису предметно-структурное наполнение, но и прогнозировать через анализ зарождающихся мемов перспективную динамику правового регулирования.

Рассматриваемое с позиции правовомеметики научно-технологическое развитие предстает как смысловое пространство для воплощения и «борьбы» конкурирующих мем-комплексов. В этом плане категории с научно-технологическим атрибутивом (потенциал, прогресс, суверенитет, лидерство), а равно иные (например, импортозамещение, импортоопережение) выступают не просто как нейтральные лексические единицы, приобретающие определенное нормативно-правовое содержание, но и как высокофункциональные мемы, имеющие мощный и специфический ценностный заряд.

Так, прогресс формирует образ императива безостановочного движения вперед, что порождает смысловое напряжение с традицией и позволяет маркировать осторожность как «отсталость». Прогресс, воспринимаемый как безусловное благо, может порождать правовую презумпцию полезности всего, что соотнесено с прогрессивностью. Возникает ловушка телеологии без ответственности (восприятие нормальности безрезультатных экспериментальных режимов, обоснование отмены защитных правовых механизмов для обеспечения прогрессивных нововведений и т.п.).

Научно-технический потенциал в юридическом дискурсе воспринимается как нечто объективно существующее (в виде системной совокупности кадров, институтов, оборудования, идей и т.п.). Но правомеметика дает возможность взглянуть на это понятие иначе, делая акцент на том, что соответствующий потенциал — не столько объективная данность, сколько способ ее описания, который сам начинает формировать правовые нормы и обеспечивает определенное распределение ресурсов. В меметическом измерении научно-технический потенциал служит как своеобразный мета-мем, который управляет другими мемами. Потенциал дает образ фундаментальности, могущества, что позволяет ставить его

(сам по себе) в основание (и обоснование) принимаемых решений, не исключая при этом разнообразных спекуляций. При этом потенциал требует управления ресурсами, которое право должно измерять, что формирует веер меметических индикаторов (наукометрия, инновационность экономики и т.п.). Возникает риск смыслового сдвига правовой парадигмы, которая ориентируется не на фактический (социально-практический), а на сугубо индикативно-отчетный (ведомственно-бюрократический) результат.

Если же потенциал не конвертируется в реальные технологии, право начинает работать на имитацию. Это порождает феномен «симулятивной технореальности», где бюрократический отчет о потенциале подменяет собой действительное технологическое приращение, а право вместо регулирования инноваций начинает регулировать отчетность об инновациях, окончательно утрачивая связь с материальной действительностью. Вместе с тем потенциал неразрывно связан как с мемом безопасности (потенциал — ресурс обороны, но объект охраны, утрата которого недопустима), так и с мемом будущего (потенциал как надежда, обещание и основание для доверия). Хотя право через категорию «потенциал» может обязывать научное сообщество к выполнению обещаний, оно не может гарантировать их исполнения, поскольку действует в аспекте формы науки, но не в области содержания научного творчества.

Мем научно-технологического прорыва акцентирует революционную решимость изменений, что может служить оправданием временных издержек и рисков ради достижения цели, оправдывая особые (экстренные) меры, отказ от стандартных процедур, механизмы ручного управления и режимы исключений. Право, ориентированное на прорыв, не должно превращаться в инструмент бесконтрольного администрирования.

Мем технологического лидерства строится на сравнительной категории, внедряет логику геополитической или рыночной гонки, где ценность технологии определяется не по внутренним признакам, а, скорее, сквозь призму опережения других. Недостаточно развития как такового, необходимо развитие, позволяющее обогнать других. Это может приводить к переориентации права от внутренних потребностей на внешние индикаторы и при этом парадоксальным образом служить источником имплементации модели догоняющего развития (стремление к лидерству ведет к правовым и институциональным заимствованиям у лидеров, что может происходить без учета или в ущерб национальной инфраструктурной и культурной специфике).

Мем «технологического суверенитета» апеллирует к архетипам независимости, безопасности и идентичности, способствуя не только мобилизации, но и актуализированному (технологически овеществленному) восприятию государственного могущества, формируя при этом требующее урегулирования проблемное поле внешних связей.

При взгляде на существующий правомеметический комплекс научно-технологического развития с позиции концептуально-семантической сбалансированности и достаточности можно видеть определенный ценностный перекос в сторону эффективности, скорости и могущества, что требует обсуждения меметических противовесов и уточнений, которые правовая политика могла бы культивировать. Обозначим некоторые такие возможные мемы:

а) технологическая адекватность (в соотношении с тотальным лидерством) — мем о соответствии технологий не абстрактному мировому уровню, а конкретным культурным, экологическим и социальным условиям общества. Соответственно, право должно поощрять не самое «передовое», а самое уместное;

б) цифровая достаточность (в соотношении с прогрессом любой ценой) — мем о праве на отказ от избыточной цифровизации, ценности аналоговых пространств, «медленных» технологий. Соответственно, право должно обеспечивать и благоприятствовать жизни офлайн, ограничивать навязывание цифровых решений;

в) антропотехнический баланс (как ядро прорыва) — прорыв должен оцениваться не только по параметрам системы, но и по критерию усиления, а не вытеснения человеческих качеств (креативности, эмпатии, мудрости). Соответственно, право должно обеспечивать в том числе «антропологическую экспертизу» технологий;

г) «правда технологий» (духовно-нравственный фундамент любых технологических решений, инноваций) — мем о том, что каждая технология несет в себе не просто конструктивное, процедурное решение, но и неявную, но сущностно значимую антропологическую и социальную модель, которая должна выявляться и оцениваться с позиции духовно-нравственных ценностей. Это имеет значение в том числе на уровне терминологической фиксации технологий. К примеру, искусственный интеллект — не просто инструмент, но и явный мем, несущий определенное понимание разума. Игнорирование этой глубинной семантики технологии неизбежно ведет к ценностной капитуляции права: формально разрешая искусственный интеллект, мы неявно легитимируем техногенную модель рациональности, исключающую в том числе иррациональные, интуитивные или духовные аспекты человеческого бытия. Право, таким образом, должно стать инструментом не только разрешения, но и герменевтики — истолкования техносмыслов, скрытых за функциональностью машин. Посредством права должно обеспечиваться распознавание и легитимация (либо запрет) скрытых моделей, а технологии не должны оцениваться только по заявленным функциям (для удобства, безопасности, эффективности). Необходимо выявлять, какую модель человека и общества фактически утверждает эта технология своей архитектурой; совместима ли эта модель с духовно-нравственными идеалами и конституционными императивами; какие социальные практики и человеческие качества она развивает или ослабляет, какие делает устаревшими, а какие обязательными.

В ряде случаев может быть необходимо более существенное и принципиальное правовое воздействие для коррекции правомеметического пространства научно-технологического развития с тем, чтобы обеспечить его ценностно-цивилизационную адекватность.

В частности, мем «инновации» должен быть очищен от восприятия как самоцели в пользу понимания инноваций как служения. Это может предполагать, например, смещение акцента с патентной активности и объемов венчурных инвестиций на социально значимые результаты (решение проблем конкретных сообществ, повышение качества жизни, а не только ее «удобства»). Мему технологического детерминизма должен быть противопоставлен технологический выбор, предполагающий формирование правовой доктрины и политики по принципу: не технологии управляют нами, а мы через право и политику выбираем траекторию

технологического развития (не только биотехнологии, но и решения, подобные социальному рейтингу, требуют осознанного суверенного выбора сообразно ценностно-цивилизационной идентичности). В противном случае существует риск, не только обусловленный самой внутренней структурой конкретных технологий и производный непосредственно от них, но и вызванный нормативной имплантацией опосредованных данными технологиями чуждых ценностей (поскольку любая технология так или иначе отражает в своей архитектонике представления о справедливости, приватности, субъектности и т.п.). Правовая система должна выступать здесь не просто адаптером, но суверенным фильтром, верифицирующим технологические решения на предмет их соответствия конституционной идентичности. Мем «данные — новая нефть» означает редукцию человека к сырью, ресурсу, в связи с чем оправдана постановка вопроса о цифровой интимности, цифровом достоинстве и онтологической неприкосновенности личности, исключающих сведение человека к алгоритмическому профилю.

Правовая мемология, превращая юриста из инженера норм в селекционера смыслов и своеобразного эколога правовой культуры, призвана в эпоху научно-технологического развития обеспечивать не просто правовое регулирование рисков, но и формирование системной и ответственной правомеметической политики для обеспечения ценностно-цивилизационной идентичности технореальности. Это предполагает, в частности, необходимость диагностирования токсичных, дефектных, дисфункциональных мемов в технологическом дискурсе, конструирования и легитимирования (через правовую доктрину, законодательство, судебную практику) альтернативных жизнеутверждающих мем-комплексов (адекватность, ответственность, баланс, служение).

Правовая мемология позволяет перейти от пассивной регистрации технологических изменений к активному проектированию **ценностного ландшафта** технореальности. Создание правомеметических «вакцин» — принципов, запретов и процедур — призвано выработать у общества нормативный иммунитет к деструктивным смыслам, превратив право из инструмента сопровождения научно-технического прогресса в его суверенного архитектора, оперирующего категориями не только эффективности, но и духовной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Залоило М. В.* Правомеметика. — М. : Инфотропик Медиа, 2024. — 172 с.
2. *Лазарев В. В.* Государство в свете мемологии // Журнал российского права. — 2020. — № 3. — С. 5—18.
3. *Лазарев В. В.* Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. — 2016. — № 8. — С. 15—28.

Мария Андреевна БЕЛОВА,
аспирант кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
blv.m1999@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Односторонний отказ заказчика от исполнения договора подряда на основании ст. 717 ГК РФ

Аннотация. *В статье рассмотрена норма, посвященная немотивированному отказу заказчика от исполнения договора подряда. При общем запрете на односторонний отказ от исполнения договора право заказчика отказаться от договора подряда в отсутствие нарушений со стороны подрядчика заслуживает отдельного внимания. Наличие в законе этой нормы обусловлено спецификой подрядных отношений, в которых именно заказчик является собственником вещи, переданной подрядчику для ее переработки или изменения свойств, именно он приобретает право собственности на вновь созданную вещь. Право на немотивированный отказ позволяет заказчику свободно определять правовую судьбу своего имущества даже при наличии заключенного договора, который он, казалось бы, обязан соблюдать. Ввиду того, что право заказчика немотивированно расторгнуть договор является исключением из принципа соблюдения договоров, законодатель при таком отказе возложил на заказчика определенные имущественные обременения. Это решение выглядит вполне справедливым, учитывая, что подрядчиком, как правило, является предприниматель. В статье проанализированы сходные нормы немецкого и французского законодательства, на основании чего сделан вывод об актуальности нормы для гражданского оборота. Автором рассмотрена проблема императивности или диспозитивности нормы. Несмотря на оговорку «если иное не предусмотрено договором», сделан вывод о том, что диспозитивность нормы должна быть ограничена: стороны не могут исключить право заказчика на немотивированный отказ от договора и увеличить установленный в законе предел взыскания убытков, но могут изменить порядок осуществления права на отказ или предусмотреть иные последствия расторжения договора. Это решение позволяет соблюсти баланс интересов как заказчика, так и подрядчика.*
Ключевые слова: *договор подряда, односторонний отказ заказчика, убытки, плата за отказ от договора, толкование*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.206-214

© Белова М. А., 2026

Maria A. BELOVA,
Postgraduate student of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
blv.m1999@yandex.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Unilateral Refusal of the Customer to Perform the Contract on the Basis of Article 717 of the Civil Code of the Russian Federation

Abstract. *This article examines the rule governing the client's unjustified refusal to perform a contract. Given the general prohibition on unilateral refusal to perform a contract, the client's right to refuse a contract in the absence of any breach by the contractor deserves special attention. The existence of this rule in the law stems from the specific nature of contractual relationships, in which the client is the owner of the item transferred to the contractor for processing or modification, and acquires ownership of the newly created item. The right to unjustified refusal allows the client to freely determine the legal fate of their property even in the presence of a concluded contract, which they are seemingly obligated to comply with. Since the client's right to terminate a contract without justification is an exception to the principle of contract compliance, the legislator has imposed certain property encumbrances on the client in the event of such refusal. This decision appears entirely fair, given that the contractor is typically an entrepreneur. The article analyzes similar provisions in German and French legislation, leading to the conclusion that this rule is relevant to civil transactions. The author examines the issue of whether the norm is mandatory or optional. Despite the clause "unless otherwise provided by the contract," the author concludes that the optionality of the norm should be limited: the parties cannot exclude the customer's right to terminate the contract without justification or increase the statutory limit for damages, but they can change the procedure for exercising the right of termination or provide for other consequences of contract termination. This solution allows for a balance of interests between the customer and the contractor.*
Keywords: *contract, unilateral refusal of the customer, damages, fee for refusal of the contract, interpretation*

В гражданском законодательстве мало правовых норм, в которых предусмотрено право стороны отказаться от исполнения договора немотивированно, по причинам, не связанным с неисполнением или ненадлежащим исполнением договора второй стороной. Это обусловлено действием основополагающего принципа частного права pacta sunt servanda (договоры должны соблюдаться).

Вместе с тем в договоре подряда отказ заказчика от исполнения договора в отсутствие нарушений со стороны подрядчика прямо предусмотрен ст. 717

Гражданского кодекса РФ[1]. Согласно упомянутой норме, заказчик вправе в любое время до сдачи ему результата работ отказаться от исполнения договора, уплатив подрядчику часть цены пропорционально стоимости выполненных работ. Кроме того, заказчик должен возместить возникшие у подрядчика убытки вследствие отказа заказчика от договора, но только в пределах разницы между договорной ценой и стоимостью фактически выполненных и оплаченных подрядчику работ.

Примечательно, что ст. 717 ГК РФ существует в неизменном виде с момента принятия части второй ГК РФ и достаточно активно применяется на практике.

При реализации заказчиком права на немотивированный отказ причины, ему послужившие, не имеют значения. Заказчик мог утратить интерес в результате работ, или он хочет существенным образом изменить работы, подлежащие выполнению, а подрядчик не согласен на изменение условий договора, или у него нет денежных средств на продолжение работ. Предоставление данного права заказчику обусловлено тем, что именно он является собственником вещи, переданной подрядчику для ее переработки или изменения свойств, именно он приобретает право собственности на вновь созданную вещь. В этой связи возможность безмотивного отказа позволяет заказчику свободно определять правовую судьбу своего имущества даже при наличии заключенного договора, который он, казалось бы, обязан соблюдать.

Предусмотренное законом право на немотивированный отказ от договора должно иметь особое обоснование, ведь здесь игнорируется принцип соблюдения договоров. Р. О. Халфина писала, что «в отдельных случаях, когда закон устанавливает такое право, оно свидетельствует о заботе государства о наиболее полной охране прав и интересов граждан»[2]. При принятии ст. 717 ГК РФ законодатель попытался уравновесить интересы заказчика и подрядчика: расторжение договора происходит не безусловно, на заказчика накладываются определенные финансовые обременения.

На практике встречаются ситуации, при которых право заказчика на односторонний отказ приобретает особую значимость. Сконструируем следующую ситуацию. Заказчик желает осуществить переустройство помещения и для реализации этих целей заключает договор подряда. Подрядчик приступает к работам, однако в последующем выясняется, что заказчику отказано в согласовании проведения переустройства (ст. 27 Жилищного кодекса РФ[3]). При действии ст. 717 ГК РФ заказчик вправе отказаться от договора немотивированно, возместив подрядчику стоимость фактически выполненных работ, а также убытки в пределах цены договора.

Однако представим ситуацию, когда права у заказчика на отказ по ст. 717 ГК РФ нет. Что в такой ситуации делать заказчику, когда подрядчик возражает против расторжения договора по соглашению сторон? Заказчик может понести расходы по договору, а в последующем еще расходы на приведение помещения в первоначальное состояние. Помимо этого, заказчик может быть привлечен к

---

[1] Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

[2] *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 235.

[3] Жилищный кодекс РФ от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Российская газета. 12.01.2005. № 1.

ответственности, могут быть нарушены права собственников иных помещений, создана угроза жизни и здоровью.

Кроме того, заказчик может не допускать подрядчика на объект для выполнения работ, что не позволит подрядчику завершить их. Такое неправомерное поведение заказчика в конечном счете приведет к судебному спору.

Наличие права заказчика на немотивированный отказ от договора обеспечивает: 1) для подрядчика — право на получение цены выполненных до прекращения работ и убытков, быстрое возвращение к основной хозяйственной деятельности без длительных споров; 2) для заказчика — право прекратить договор на будущее время без обращения в суд.

К тому же едва ли интерес подрядчика заключается в самом выполнении работ. Он, как правило, заинтересован в получении прибыли от осуществления своей деятельности, а в нашем конкретном примере — в получении согласованной цены, в которую включаются как расходы подрядчика, так и его вознаграждение.

Актуальность нормы о праве заказчика на немотивированный отказ от договора вытекает и из следующего. Ограничения по распоряжению вещью накладываются на собственника и при заключении иных договоров, например при заключении договора купли-продажи. Так, продавец, заключив сделку, направленную на продажу конкретной, индивидуально-определенной машины, не вправе отчуждать ее третьим лицам. В противном случае продавец не сможет исполнить обязательство, поскольку он уже не собственник вещи. Кроме того, продавец не вправе совершать действия с продаваемой машиной, которые влекут изменения ее свойств, ведь тогда будет передан товар, не соответствующий условиям договора. В приведенном примере продавец определил судьбу вещи, приняв решение передать на нее право собственности покупателю. В подрядных отношениях заказчик желает переработать вещь, изменить ее свойства, но не расстается с вещью навсегда, а только пытается улучшить ее или видоизменить для дальнейшего использования, тем самым удовлетворяя собственные потребности в отношении конкретного имущества. Именно заказчик остается собственником вещи или приобретает право собственности на нее, если вещь создается впервые, именно заказчик несет бремя содержания вещи. Вышеизложенное сравнение двух договорных конструкций также объясняет нахождение нормы ст. 717 ГК РФ в главе, посвященной договору подряда.

При принятии подобных норм законодателю необходимо учитывать баланс интересов сторон, поэтому, обеспечив интерес заказчика, необходимо защитить добросовестного подрядчика, который желал исполнить обязательство и получить причитающееся ему вознаграждение. Подрядчик, который, как правило, является предпринимателем, имеет коммерческий интерес, в связи с чем при реализации этого права на заказчика возлагаются имущественные обременения. Подрядчик вправе требовать от заказчика оплаты полной стоимости работ, выполненных до одностороннего расторжения договора, и возмещения убытков. Оплате подлежит вся часть выполненных работ, включая издержки подрядчика и его вознаграждение.

В законе установлен предел взыскания убытков. Убытки возмещаются в пределах разницы между договорной ценой и ценой выполненных до расторжения договора работ. Именно подрядчик должен доказать наличие убытков. «Данная

норма не содержит исключения из общего правила возмещения убытков и не освобождает истца от обязанности доказывания возникших у него убытков, а лишь ограничивает размер возмещения в случае, если фактический ущерб превышает установленный законом максимальный предел»[4].

Ограничение размера возмещения договорной ценой, т.е. правом подрядчика получить только ту цену, которую стороны согласовали на случай надлежащего исполнения договора, направлено на защиту позитивного договорного интереса. В связи с тем, что договор не нарушен ни одной из сторон, но заказчик немотивированно расторгает его, подрядчик может рассчитывать только на то, что мог бы получить при действии договора и его исполнении. Такой подход заслуживает поддержки, ведь неограниченный размер убытков при санкционированном законодателем праве заказчика на немотивированный отказ от договора может привести к достаточно несправедливым результатам, при которых подрядчик получит сверх того, что мог бы получить при достижении цели договора и исполнении обязательства.

Таким образом, законодатель возложил на заказчика при отказе от договора подряда в отсутствие нарушений со стороны подрядчика обязанности имущественного характера и ограничил сумму возмещения максимальным пределом.

Для сравнительного анализа обратимся к нормам немецкого и французского законодательства.

В немецком законодательстве, в § 648 Германского гражданского уложения, содержится аналогичное право заказчика на отказ от договора в любое время до завершения работ[5]. Если заказчик расторгает контракт, подрядчик имеет право требовать определенное сторонами вознаграждение. Однако все, что было сэкономлено вследствие расторжения договора, компенсации не подлежит. Предполагается, что подрядчику причитается 5 % от согласованного вознаграждения за еще не выполненную часть работы. Презумпция носит опровержимый характер, иное может быть доказано сторонами спора. В соответствии с отечественным законодательством подрядчик вправе получить лишь цену выполненных до расторжения работ. Убытки подлежат возмещению заказчиком только в случае, если их наличие доказано подрядчиком.

Таким образом, хотя в немецком законодательстве и предусмотрено право заказчика на односторонний отказ от договора подряда, но в порядке исключения из правила о «святости» договора, на заказчика возложена обязанность возместить подрядчику согласованное вознаграждение (за некоторыми исключениями, описанными выше), в связи с чем при изъявлении воли ему стоит задуматься о последствиях своих действий. Вместе с тем односторонний отказ не ограничен для заказчика.

---

[4] Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.01.2000 № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2000. № 3.

[5] Bürgerliches Gesetzbuch // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html (дата обращения: 15.08.2025).

В статье 1794 Французского гражданского кодекса предусмотрено право заказчика на расторжение договора подряда при условии компенсации подрядчику выполненных работ, понесенных им расходов и всего, что он мог бы заработать[6].

В вышеуказанных странах, относящихся, как и Россия, к романо-германской правовой семье, заказчику предоставлено право на немотивированный отказ от договора, что подтверждает значимость нормы для гражданского оборота. Отсюда возникает вопрос: могут ли стороны в договоре исключить или ограничить применение ст. 717 ГК РФ? Является норма диспозитивной или императивной?

В статье 717 ГК РФ прямо указано на возможность сторонам предусмотреть иное, т.е. законодатель предоставил участникам гражданского оборота право отступить от нормы закона. Значит ли это, что стороны вправе указать на неприменение данной нормы к их отношениям, или диспозитивность нормы ограничена возможностью предусмотреть иные последствия расторжения договора?

Верным решением видится невозможность полного исключения применения данной нормы по вышеизложенным причинам. Так, несмотря на указание «если иное не предусмотрено договором», диспозитивность нормы должна быть ограничена. Стороны вправе предусмотреть иные последствия расторжения договора либо установить определенный порядок осуществления права на отказ, но не могут полностью исключить применение нормы. Стороны могут, например, ограничить размер убытков суммой реального ущерба, предусмотреть условие о предупреждении об одностороннем отказе за определенный срок, установить момент, с которого договор прекращается, определить плату за отказ от договора.

О возможности ограничительного толковании нормы, в которой прямо указано на возможность предусмотреть иное, указывалось Высшим Арбитражным Судом РФ: «При этом, если норма содержит прямое указание на возможность предусмотреть иное соглашением сторон, суд исходя из существа нормы и целей законодательного регулирования может истолковать такое указание ограничительно, то есть сделать вывод о том, что диспозитивность этой нормы ограничена определенными пределами, в рамках которых стороны договора свободны установить условие, отличное от содержащегося в ней правила»[7].

Аналогичное решение предусмотрено для договора возмездного оказания услуг, при заключении которого отказаться от договора может как исполнитель, так и заказчик (ст. 782 ГК РФ). Диспозитивность нормы проявляется в возможности предусмотреть иные последствия расторжения договора или предусмотреть определенный порядок осуществления права на отказ. Стороны не могут в соглашении исключить применение нормы ст. 782 ГК РФ, так как это противоречило бы как нормативному правовому регулированию (п. 1 ст. 782 ГК РФ), так и самой сути правоотношений сторон, поскольку ни закон, ни договор не может понудить заказчика вопреки его воле получать услуги[8].

---

[6] Code civil français // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/legitext000006070721/ (дата обращения: 10.08.2025).

[7] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах».

[8] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.08.2021 № 305-ЭС21-10216 по делу № А40-328885/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Этот подход приводит к следующему результату: если стороны исключили из договора действие ст. 717 ГК РФ, т.е. указали на невозможность расторжения договора заказчиком при отсутствии нарушений со стороны подрядчика, то такое условие должно признаваться недействительным как противоречащее императивной норме закона. Так, С. А. Соменков указывает: когда в законе не говорится о ничтожности условия об ограничении или отмене права на одностороннее расторжение договора, но императивность нормы следует из закона, договорное условие об исключении права на односторонний отказ должно признаваться недействительным на основании ст. 168 ГК РФ[9]. Представляется, что это верное решение для ст. 717 ГК РФ.

К сожалению, в судебной практике допускается возможность исключить применение ст. 717 ГК РФ к отношениям сторон. В одном из дел суд пришел к следующему выводу: «Как правильно указано судом апелляционной инстанции, истец вправе в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора при условии, если договором стороны не установили иное. Вместе с тем согласно п. 12.1 договора договор расторгается по соглашению сторон.

Руководствуясь статьей 431 Гражданского кодекса Российской Федерации, суд апелляционной инстанции пришел к правомерному выводу об отсутствии у истца права на одностороннее расторжение договора, в результате чего договор подряда является действующим»[10].

Занятый судом подход не может быть поддержан. Из судебного акта не следует, что стороны исключили право на односторонний отказ от договора по иным основаниям, существующим в законе. Суд признает договор действующим, не выясняя волю сторон, а также возможность дальнейшего выполнения работ. Право немотивированно расторгнуть договор должно в любом случае сохраняться за заказчиком.

Отдельно стоит отметить, что условие о расторжении договора только по соглашению сторон без права на судебное и внесудебное расторжение договора недействительно. При существенном нарушении договора должником кредитор не сможет расторгнуть его, если должник не согласен на прекращение договора. Права кредитора будут существенным образом ущемлены, и он будет лишен своего неотъемлемого права на судебную защиту. Впрочем, этот вопрос может быть предметом отдельного исследования.

Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, могут предусмотреть условие о плате за отказ от договора. При отказе заказчика от договора он должен выплатить подрядчику определенную денежную сумму (п. 3 ст. 310 ГК РФ). Свобода договора позволяет таким образом урегулировать отношения сторон, чтобы подрядчик был освобожден от обязанности доказывания убытков. Однако это условие не отменяет обязанности заказчика оплатить подрядчику ту часть работ, которая выполнена до прекращения договора. В ином случае будет

---

[9] *Соменков С. А.* Институт одностороннего отказа от исполнения договора в условиях реформы гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 11. С. 85—91.

[10] Постановление ФАС Московского округа от 05.12.2012 по делу № А40-17788/12-56-160 // СПС «КонсультантПлюс».

нарушена эквивалентность встречных предоставлений сторон, что противоречит возмездному характеру договора подряда.

В литературе высказываются и иные точки зрения по вопросу императивности или диспозитивности нормы ст. 717 ГК РФ. Некоторые авторы указывают на диспозитивный характер нормы, посвященной одностороннему отказу заказчика от исполнения договора подряда[11].

Интересной представляется позиция, согласно которой вне зависимости от характера нормы сторона всегда может отказаться от осуществления права. Отказ от осуществления права необходимо рассматривать как негативную обязанность. Тем самым такая обязанность встраивается в обязательственное отношение, изменяя режим отказа от договора с правомерного действия на неправомерное, что исключает возможность взыскания убытков по ст. 717 ГК РФ. Если заказчик нарушил свою договорную обязанность по неосуществлению права, то именно подрядчик вправе требовать возмещения убытков по правилам гл. 25 ГК РФ[12].

Таким образом, автор указывает, что стороны вправе в договоре предусмотреть обязанность заказчика воздержаться от осуществления права на односторонний отказ от договора на основании ст. 717 ГК РФ, однако при его осуществлении сделка будет действительна, но заказчик обязан возместить подрядчику убытки в связи с нарушением условий договора. Также сделан вывод: односторонний отказ от исполнения договора подряда с материальным результатом является императивным, полный отказ от него невозможен[13].

Кроме того, ст. 717 ГК РФ должна признаваться императивной в части установленного в ней максимального предела возмещения убытков. Стороны не могут увеличить размер убытков по сравнению с тем, как он определен в законе: общий размер возмещения не должен превышать цену по договору.

Такой подход обусловлен тем, что подрядчик не должен получить больше того, на что мог бы рассчитывать, если обязательство было бы исполнено надлежащим образом, ведь договор не нарушен, а заказчик просто реализовал предоставленное ему законом право. Действительно, немного бывает ситуаций, при которых убытки подрядчика при немотивированном отказе заказчика от исполнения договора подряда превышают установленный в законе максимальный предел. Стороны изначально определяли цену с учетом затрат подрядчика и причитающегося ему вознаграждения, в связи с чем риски удорожания материалов, оборудования лежат на подрядчике (при условии, что работы выполняются иждивением подрядчика).

Следовательно, односторонний отказ заказчика от исполнения договора подряда, предусмотренный ст. 717 ГК РФ, защищает интерес заказчика в определении правовой судьбы принадлежащей ему вещи. Подрядчик, который, как правило, является предпринимателем, имеет коммерческий интерес, в связи с чем при

---

[11] *Карапетов А. Г., Бевзенко Р. С.* Комментарий к нормам ГК об отдельных видах договоров в контексте постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 9. С. 49.

[12] Проблемы строительного права : сборник статей. Вып. 2 / сост. и отв. ред. Н. Б. Щербаков. М. : Статут, 2023. С. 532.

[13] Проблемы строительного права. С. 552—553.

реализации этого права на заказчика возлагаются обременения имущественного характера. Подрядчик вправе требовать от заказчика оплаты полной стоимости работ, выполненных до одностороннего расторжения договора, и возмещения убытков. Убытки могут быть взысканы в пределах разницы между договорной ценой и стоимостью выполненных до расторжения договора работ.

Норма ст. 717 ГК РФ должна толковаться императивно в той части, в которой не допускается отказ от ее применения в соглашении сторон и в части запрета на увеличение установленного предела возмещения убытков. Вместе с тем стороны вправе предусмотреть иные последствия расторжения договора или определить иной порядок осуществления права на односторонний отказ. Во французском и немецком законодательстве есть аналогичная норма, в которой предусмотрено право заказчика отказаться от договора в отсутствие нарушений со стороны подрядчика, что подтверждает особое значение нормы для гражданского оборота.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Карапетов А. Г., Бевзенко Р. С.* Комментарий к нормам ГК об отдельных видах договоров в контексте постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2014. — № 9.
2. Проблемы строительного права : сборник статей. — Вып. 2 / сост. и отв. ред. Н. Б. Щербаков. — М. : Статут, 2023.
3. *Соменков С. А.* Институт одностороннего отказа от исполнения договора в условиях реформы гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2014. — № 11. — С. 85—91.
4. *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении. — М., 1974.

Правовой режим нежилых помещений, относящихся к государственной и муниципальной собственности

Анджела Тельмановна ГДЛЯН,
заместитель руководителя Департамента городского имущества города Москвы, статс-секретарь, соискатель кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
aggdlyan@msal.ru
123112, Россия, г. Москва, 1-й Красногвардейский проезд, д. 21, стр. 1

Аннотация. *Статья рассматривает особенности правового режима нежилых помещений, находящихся в государственной или муниципальной собственности. Автор предлагает собственное определение категории правового режима и выявляет основные различия в правовом регулировании оборота частных и публичных помещений.*
Анализ правоприменительной практики позволил выявить наиболее распространенные проблемы, связанные с оборотом таких объектов недвижимости. К ним относятся: оспаривание результатов торгов, реализация преимущественного права на продление договоров аренды, установление и изменение размера арендной платы, досрочное расторжение договоров, а также предоставление нежилых объектов в аренду без проведения торгов и злоупотребление преимущественным правом на приобретение арендованного имущества.
Проведенное исследование позволило сформулировать предложение по совершенствованию Федерального закона от 22.07.2008 № 159-ФЗ об особенностях отчуждения движимого и недвижимого государственного и муниципального имущества, арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства.
Также обоснована необходимость комплексного подхода к решению выявленных проблем путем разработки единого системного закона, регулирующего оборот нежилых помещений.
Ключевые слова: *правовой режим, нежилое помещение, публичная собственность, аренда, преимущественное право выкупа арендуемого помещения*

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.215-223

© Гдлян А. Т., 2026

Angela T. GDLYAN,
Deputy Head Department of Urban Property
of the City of Moscow, State Secretary,
the applicant of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
aggdlyan@msal.ru
21/1, 1st Krasnogvardeisky per., Moscow, Russia, 123112

Legal Regime of Non-residential Premises Belonging to State and Municipal Ownership

Abstract. *This article examines the legal regime of non-residential premises owned by the state or municipality. The author offers her own definition of the legal regime category and identifies the main differences in the legal regulation of private and public premises.*
An analysis of law enforcement practices reveals the most common issues associated with the circulation of such real estate. These issues encompass difficult auction outcomes, conflicts over the priority right to renew a lease, disputes concerning the determination and modification of rent, premature termination of leases and vacating properties, as well as non-competitive leasing of commercial spaces without auctions and the misuse of the priority right to acquire leased assets.
The article also presents a proposal for improving Federal Law No. 159-FZ, which concerns the specifics of the alienation of movable and immovable property leased by small and medium-sized businesses and owned by the state or municipality.
The article substantiates the need for a comprehensive approach to addressing these issues by developing a unified, systemic law regulating the circulation of non-residential premises.
Keywords: *legal regime, non-residential premises, public ownership, lease, pre-emptive right to purchase leased premises*

Благодаря своему интегративному характеру категория правового режима оказывается востребованным инструментом научного познания, что объясняет ее пристальное изучение и активную концептуализацию в науке о праве[1].

[1] См., например: *Алексеев С. С.* Общая теория проблем системы советского права. М., 1961. С. 48 ; *Его же*. Право: азбука — теория — философия : Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. С. 373 ; *Басос Е. В.* Правовой режим помещения как объекта гражданских прав : дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 116 ; *Вавилин Е. В.* Проблемы защиты гражданских прав // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009 № 1 (282). С. 174—178 ; *Его же*. Беспилотные транспортные средства: от терминологии к новым правовым режимам // Хозяйство и право. 2023. № 8 (559). С. 3—21 ; *Горо-*

Не ставя целью освещение множества существующих точек зрения на содержание указанного понятия, сосредоточимся на авторском понимании правового режима как законодательно обусловленном комплексе правовых оснований, условий, пределов и особенностей реализации прав и исполнения обязанностей в отношении нежилых помещений.

Таким образом, правовой режим — это порядок организации правовых связей, который помогает поддерживать определенное социально-правовое состояние объекта.

Разные экономико-правовые характеристики объектов, относящихся к публичной или частной собственности, и вытекающий из этого объем правомочий субъектов варьируются, формируя тем самым специальные правовые режимы.

Особый правовой режим нежилых помещений, относящихся к публичной собственности, обусловлен субъектным составом отношений, одной из сторон которых являются Российская Федерация, субъект РФ или муниципальное образование.

Специфической чертой правового режима публичных нежилых помещений выступает комплекс организационно-правовых средств (в том числе публично-правовые процедуры) и мер, направленных на обеспечение государственного учета его возникновения и прекращения, государственного контроля над оборотом нежилых помещений и на охрану особо значимых для государства и социума объектов.

Таким образом, правовой режим нацелен на создание таких механизмов осуществления прав и исполнения обязанностей в отношении нежилых помещений, при которых надежно защищены публичные интересы и обеспечена сохранность указанных объектов.

Правовой режим нежилых помещений, относящихся к публичной собственности, формирует определенные механизмы осуществления прав и исполнения обязанностей в отношении названного имущества. При этом основное отличие заключается в противоположных правовых принципах, лежащих в основе отношений. Так, например, публичная аренда регулируется административно-правовым методом с преобладанием императивных норм, целью которых является обеспечение прозрачности, равенства доступа и пополнения бюджета. Частная

дов О. А. Интеллектуальная собственность: правовые аспекты коммерческого использования : автореф. … д-ра юрид. наук. СПб., 1999. С. 66 ; *Илюшина М. Н.* Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное : автореф. … д-ра юрид. наук. М., 2012 ; *Исаков В. Б.* Механизм правового регулирования и правовые режимы // Проблемы теории государства и права / под ред. С. С. Алексеева. М., 1987. С. 258—259 ; *Калмыков Ю. Х.* Хозрасчет промышленного предприятия (правовые вопросы). М., 1972. С. 89—90 ; *Малько А. В.* Стимулы и ограничения в праве. М., 2005. С. 206—207 ; *Подшивалов Т. П.* Объект гражданских прав и правовой режим: проблема определения // Проблемы и вопросы гражданского права. 2013. Т. 13. № 3. С. 49—54 ; *Сенчищев В. И.* Государственное регулирование прав на недвижимость и сделок с ней // Журнал российского права. 1999. № 12. С. 114 ; *Чубаров В. В.* Проблемы правового регулирования недвижимого имущества : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 24.

аренда регулируется гражданско-правовым методом на основе принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ), где главное — согласованная воля сторон.

Иными словами, специфика осуществления прав и исполнения обязанностей в отношении нежилых помещений, относящихся к публичной собственности, заключается в ограничении принципа диспозитивности.

К примеру, согласно п. 1 ст. 17.1 Федерального закона «О защите конкуренции»[2], договоры аренды на помещения, относящиеся к публичной собственности, могут заключаться исключительно через конкурсы или аукционы. Важно отметить, что такие договоры не могут распространяться на имущество, которое находится в оперативном управлении или хозяйственном ве́дении.

Принцип диспозитивности в полной мере реализуется только в договоре об аренде частной собственности, условия которого свободно определяются сторонами. Для оформления договора аренды нежилого помещения, находящегося в частной собственности, достаточно волеизъявления сторон. Такому договору присуща гибкость и возможность согласования любых не противоречащих закону условий.

В отношении аренды помещений, находящихся в публичной собственности, ограничение диспозитивности проявляется наличием типовой формы договора с жесткими, не подлежащими изменению условиями. Условия договора содержат императивные ограничения (на субаренду, реконструкцию, изменение целевого использования).

Кроме того, эти два вида договоров аренды отличаются порядком установления и изменения арендной платы: за аренду публичной собственности плата часто устанавливается по методике, утвержденной органом власти. Ее размер может быть привязан к кадастровой стоимости, а изменение — носить односторонний характер (если это предусмотрено договором). Если в аренду сдается помещение, относящееся к частной собственности, плата определяется свободным соглашением сторон на основе рыночных цен. Изменение возможно только по соглашению сторон или через суд.

При аренде государственных или муниципальных нежилых помещений ограничивается право действующего арендатора на заключение договора на новый срок, установленное ст. 621 Гражданского кодекса РФ. Это связано с обязательным условием заключения договоров через торги, в отличие от аренды частной недвижимости, когда действующий арендатор имеет приоритетное право на заключение договора на новый срок.

Наконец, при аренде публичной собственности субъекты малого и среднего предпринимательства обладают особыми правами в отношении объектов аренды, которые регулируются нормами Федерального закона от 22.07.2008 № 159-ФЗ[3]

---

[2] Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

[3] Федеральный закон от 22.07.2008 № 159-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «Об особенностях отчуждения движимого и недвижимого имущества, находящегося в государственной или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 30 (ч. I). Ст. 3615.

(далее — Закон № 159-ФЗ), дающего преимущественное право на выкуп арендуемого помещения указанным участникам оборота. Арендаторы помещений, относящихся к частной собственности, этого права не имеют.

Законом предусмотрены и иные случаи, когда могут быть предоставлены права на такое имущество. Это относится к ситуациям, когда передача прав регулируется международными соглашениями или нормами федеральных законов, согласно которым права на указанное имущество передаются в ином порядке, также это касается актов Президента и Правительства РФ и решений судов.

Тем не менее более жесткая регламентация отношений по поводу публичной недвижимости не спасает от пробельности и слабых мест в регулировании ее оборота. За более чем 20-летний период перераспределения государственной собственности сложилась правоприменительная практика, отчетливо демонстрирующая проблемы действующего правового режима.

В числе наиболее часто встречающихся проблем оспаривание результатов торгов, споры о преимущественном праве на заключение договора аренды на новый срок, определение и изменение арендной платы, споры о досрочном расторжении договора и освобождении помещения, внеконкурсное предоставление нежилых помещений в аренду без проведения торгов, нарушение или злоупотребление преимущественным правом на приобретение арендуемого имущества.

В рамках статьи ограничимся более подробным изучением последней из указанных проблем.

Злоупотребление правом на преимущественный выкуп арендованного имущества проявляется в ситуации, когда по истечении срока действия договора аренды арендатор, вопреки волеизъявлению арендодателя прекратить договор, не возвращает арендованное имущество, продолжая его использовать на прежних условиях.

Рассмотрим такой пример. Департамент, уполномоченный орган субъекта РФ (арендодатель), и Общество (арендатор) заключили срочный договор аренды нежилых помещений. В ходе осмотра арендодатель установил, что нежилые помещения используются с нарушением условия договора об использовании по целевому назначению. В связи с этим Департамент направил обществу уведомление об отказе от договоров аренды. Вопреки этому Общество продолжило использовать арендуемое помещение на прежних условиях договора аренды.

Впоследствии Общество, ссылаясь на нормы Федерального закона № 159-ФЗ, направило обращение в Департамент с намерением реализовать свое преимущественное право на выкуп арендуемого имущества, а Департамент отказал в предоставлении государственной услуги по выкупу помещения, аргументируя свой отказ завершением срока действия договора аренды. Общество, в свою очередь, обратилось в суд с требованием обязать Департамент заключить договор купли-продажи спорных помещений.

Суды первой и апелляционной инстанций, рассмотрев дело, иск не удовлетворили, обосновав это прекращением договора аренды. Арбитражный суд округа удовлетворил требования Общества, мотивируя это тем, что заявление о реализации преимущественного права было подано в период действия договора.

Однако Судебная коллегия Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа. Суд в своем решении, ссылаясь на информационное

письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 05.11.2009 № 134, указал, что если на момент приватизации недвижимости срок аренды истек, но арендатор не вернул имущество арендодателю, несмотря на возражения последнего, то право на приобретение этого имущества не возникает.

Суд подчеркнул, что существенным аргументом в пользу вынесенного решения, в том числе послужил факт нарушения арендатором условия договора аренды об использовании нежилого помещения в соответствии с его целевым назначением. Суд также уточнил, что арендатор мог бы получить право на выкуп помещения, если бы арендодатель расторг договор аренды с целью воспрепятствовать реализации данного права. Однако доказательства этого отсутствуют, тогда как факт недобросовестного исполнения арендатором обязательств по договору аренды был установлен[4].

Таким образом, арендаторы, не возвращая арендуемое имущество и продолжая его использовать на условиях договора вопреки воле арендодателя, злоупотребляют возможностью, предоставленной п. 2 ст. 621 ГК РФ.

С учетом сложившейся позиции судов[5] имеет смысл нормативно закрепить дополнительное условие о продлении договора аренды на новый срок и внести в ст. 3, ч. 2 ст. 9 Закона № 159-ФЗ пункт следующего содержания: «Арендодатель согласен с продлением договора аренды».

Исчерпывающий список условий для продления договора аренды муниципального и государственного имущества предотвратит подобные злоупотребления и сократит число аналогичных споров.

Однако существует и обратная сторона обозначенной проблемы — злоупотребления полномочиями со стороны государственных органов. Так, Общество, владеющее по договору аренды муниципальными нежилыми помещениями, обратилось в суд с иском. В иске Общество потребовало признать незаконным отказ Комитета имущественных отношений городской администрации в реализации его преимущественного права на приобретение арендованного муниципального имущества в собственность. Также Общество просило обязать Комитет устранить нарушения его прав и предоставить ему преимущественное право на приобретение этих помещений.

Из материалов дела следует, что у истца есть основания для приобретения данного имущества в соответствии с Законом № 159-ФЗ. В течение срока действия договора аренды Общество неоднократно обращалось в Комитет с заявлением о намерении реализовать свое преимущественное право на покупку

---

[4] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 12.

[5] Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 05.11.2009 № 134 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”». Пункт 1 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 12.

арендуемых нежилых помещений. Последнее обращение было направлено в Комитет уже после прекращения договора аренды. Однако Комитет отказал истцу в предоставлении этого права, аргументируя свой отказ тем, что спорные объекты не включены в прогнозный план приватизации недвижимости, чем нарушил требования ч. 3 ст. 9 Закона № 159-ФЗ.

Суд справедливо принял во внимание неоднократное волеизъявление Общества в течение срока действия договора аренды реализовать свое преимущественное право, не принял аргумент о том, что заявитель утратил право на преимущественный выкуп на момент обращения из-за истечения срока действия договоров, а также обязал государственный орган совершить определенные действия, устранив тем самым допущенные нарушения прав и законных интересов заявителя[6].

На сегодняшний день сложилась устойчивая практика признания злоупотреблением действий уполномоченных органов по передаче имущества в хозяйственное ве́дение после вступления в силу Закона № 159-ФЗ. Суды считают, что это мешает малому и среднему бизнесу реализовать свое право на преимущественный выкуп арендуемого имущества[7].

Так, например, суд встал на сторону добросовестного арендатора (Общества) и удовлетворил исковые требования о признании незаконным решения Департамента городского имущества, а также возложил на Департамент обязанность устранить допущенные нарушения прав и законных интересов Общества.

На основании предоставленных материалов дела Департамент и Общество заключили договор аренды нежилого помещения.

Общество подало заявление в Департамент с целью реализации своего преимущественного права на выкуп арендованного недвижимого имущества. Однако Департамент отказал в реализации этого права, мотивируя отказ тем, что объект находится в хозяйственном ве́дении государственного унитарного предприятия.

В письме, в котором обществу было отказано в выкупе, Департамент не указал на несоответствие арендатора требованиям ст. 3 Закона № 159-ФЗ. Единственным основанием для отказа стало то, что объект находится в хозяйственном ве́дении государственного унитарного предприятия. Департамент не упомянул о других препятствиях для выкупа имущества в порядке, установленном Законом № 159-ФЗ.

Общество имело законное право подать заявление о выкупе спорного объекта после окончания срока аренды, поскольку оно участвовало в торгах на право заключения договора аренды объекта, не включенного в перечень государственного

---

[6] Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 28.06.2021 по делу № А63-18076/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[7] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2010 № 22-П «По делу о проверке конституционности части 8 статьи 4 и частей 2, 3 и 4 статьи 9 Федерального закона “Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в связи с жалобой администрации города Благовещенска» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 264.

имущества, предназначенного для передачи субъектам малого и среднего предпринимательства.

Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 05.11.2009 № 134 подтверждает, что суд может признать право арендатора на приобретение имущества, даже если после принятия Федерального закона № 159-ФЗ субъект РФ или орган местного самоуправления предпринял действия, направленные на воспрепятствование реализации права на его приобретение субъектами малого или среднего предпринимательства (например, в случае, когда имущество было передано в хозяйственное ве́дение предприятия).

Суд обратил внимание на то, что на момент передачи спорного объекта недвижимости в хозяйственное ве́дение унитарного предприятия данное имущество уже находилось под обременением в виде арендных прав, принадлежащих юридическому лицу, но изъятия объекта из фактического владения общества в пользу предприятия не осуществлялось.

Действия Департамента были квалифицированы как препятствующие обществу в реализации его преимущественного права на выкуп арендуемого помещения и как злоупотребление правом[8].

Таким образом, в настоящее время особенно остро стоит вопрос о необходимости создания единого нормативного правового акта, который бы регулировал оборот различных типов нежилых помещений. Существующие правовые нормы часто противоречат друг другу, что приводит к правовым коллизиям и требует тщательного анализа и систематизации для обеспечения их единообразного применения.

В целях упорядочения и повышения эффективности оборота нежилых помещений необходимо принятие федерального закона, регулирующего отношения по поводу разных видов нежилых помещений, относящихся как к частной, так и публичной собственности.

Указанный нормативный правовой акт должен представлять собой системный свод всех действующих норм, посвященных регулированию отношений по поводу нежилых помещений, устраняющий существующие коллизии и противоречия. В его структуре может выделяться общая часть, содержащая единые установления для всех видов нежилых помещений, и специальная — структурированная по видовому принципу объектов. Наиболее очевидным основанием разделения на виды объектов является форма собственности на них.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. С.* Общая теория проблем системы советского права. — М., 1961. — 187 с.
2. *Алексеев С. С.* Право: азбука — теория — философия : Опыт комплексного исследования. — М. : Статут, 1999. — 710 с.

[8] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 01.10.2025 № 09АП-34984/2025 по делу № А40-314028/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

3. *Басос Е. В.* Правовой режим помещения как объекта гражданских прав : дис. … канд. юрид. наук. — М., 2015. — 207 с.
4. *Вавилин Е. В.* Беспилотные транспортные средства: от терминологии к новым правовым режимам // Хозяйство и право. — 2023. — № 8 (559). — С. 3—21.
5. *Вавилин Е. В.* Проблемы защиты гражданских прав // Известия высших учебных заведений. — Правоведение. — 2009. — № 1 (282). — С. 174—178.
6. *Городов О. А.* Интеллектуальная собственность: правовые аспекты коммерческого использования : автореф. … д-ра юрид. наук. — СПб., 1999. — 364 с.
7. *Илюшина М. Н.* Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное : автореф. … д-ра юрид. наук. — М., 2012. — 43 с.
8. *Исаков В. Б.* Механизм правового регулирования и правовые режимы // Проблемы теории государства и права / под ред. С. С. Алексеева. — М., 1987.
9. *Калмыков Ю. Х.* Хозрасчет промышленного предприятия (правовые вопросы). — М., 1972. — 184 с.
10. *Малько А. В.* Стимулы и ограничения в праве. — М., 2005. — 248 с.
11. *Подшивалов Т. П.* Объект гражданских прав и правовой режим: проблема определения // Проблемы и вопросы гражданского права. — 2013. — Т. 13. — № 3. — С. 49—54.
12. *Сенчищев В. И.* Государственное регулирование прав на недвижимость и сделок с ней // Журнал российского права. — 1999. — № 12. — С. 111—119.
13. *Чубаров В. В.* Проблемы правового регулирования недвижимого имущества : автореф. дис. … канд. юрид. наук. — М., 2006. — 46 с.

КНИЖНАЯ ПОЛКА КАФЕДРЫ

Учебники и учебные пособия

Инновационная юриспруденция : учебник / А. В. Анисимов, И. З. Аюшеева, Д. А. Белова, Е. В. Вавилин, Е. Б. Козлова, Д. В. Носов, И. Ю. Павлова, О. М. Родионова, С. В. Федосеев [и др.] ; отв. ред. В. В. Блажеев, М. В. Мажорина. — М. : Проспект, 2025. — 912 с.

ISBN 978-5-392-43930-0

Учебник представляет собой актуальное исследование трансформации правовой системы России в контексте новых вызовов XXI в. В условиях быстро меняющегося технологического уклада, глобальных социальных перемен и перехода к инновационному развитию в работе акцентируется внимание на необходимости создания нового правового поля, способного обеспечить научно-технологическое и социально-гуманитарное лидерство страны. Авторы подчеркивают, что традиционный отраслевой подход к праву не всегда надлежащим образом обеспечивает прорывное технологическое развитие, что обусловливает поиск новой правовой таксономии в совокупности таких кластерных областей, как социоправо, киберправо, техноправо, биоправо, экоправо, право устойчивого развития, геоправо, бизнес-право. Речь идет об эволюции правовой надстройки вслед за революцией социального базиса. Учебник построен в логике правовой инноватики и правового прогнозирования, технологизации права и его формирования для научно-технологического развития (права для НТР), а также выработки правовой рамки для устойчивого развития бизнеса и общества. Особое внимание уделяется отдельным областям права, которые в наибольшей степени подвержены сегодня трансформации.

В центре внимания находится миссия Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) — «Преобразуем среду, меняемся сами» — через генерацию инновационных знаний в области права, представляющих собой ценностные, гуманистические и правовые механизмы, позволяющие обеспечивать научно-технологическое и социально-гуманитарное лидерство России, моделировать и преображать социальную, информационную, природную, биологическую, пространственную и техносреду на национальном и глобальном уровнях. В учебнике подробно рассматривается концепция стратегического проекта университета «Инновационная юриспруденция», направленного на формирование новой парадигмы права и нового правового дискурса. Важной составляющей выступает трансформация юридической профессии, которая происходит под влиянием распространения информационно-коммуникационных технологий и которая осмыслена университетом с привлечением ресурсов многочисленных партнеров — лидеров профессионального юридического сообщества.

Законодательство приведено по состоянию на 1 декабря 2024 г.

Договоры в сфере возмездного оказания услуг : учебник / под общ. ред. Е. В. Вавилина, Д. В. Носова. — М. : Проспект, 2025. — 472 с.
ISBN 978-5-392-45547-8

Учебник подготовлен коллективом кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

В учебнике освещены вопросы общего понятия услуг в гражданском праве. Кроме того, раскрыты различные виды договоров возмездного оказания услуг (договоры возмездного оказания услуг в сфере личных неимущественных прав, в сфере оборота товаров и связи, в сфере оказания посреднеческо-представительских и информационных услуг, услуг по управлению, а также правовых услуг). Каждая глава учебника включает вопросы для самоконтроля, задания для подготовки к занятиям, а также список рекомендованной литературы.

Законодательство приведено по состоянию на 1 октября 2025 г.

Издание предназначено для освоения обучающимися юридических факультетов и вузов учебной дисциплины «Договоры в сфере возмездного оказания услуг» (уровень магистратуры), для преподавателей юридических дисциплин, а также всех, кто интересуется проблемными аспектами правового регулирования договоров в сфере возмездного оказания услуг.

Договоры морского агентирования и морского посредничества : учебное пособие / под общ. ред. Е. В. Вавилина, И. З. Аюшеевой. — М. : Проспект, 2025.
ISBN 978-5-392-45339-9

Учебное пособие подготовлено на кафедре гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и предназначено для изучения учебной дисциплины «Договоры морского агентирования и морского посредничества» (уровень подготовки — магистратура). В пособии освещены дискуссионные вопросы о договорах морского агентирования и морского посредничества. Раскрыты проблемы квалификации таких договоров, их содержания, а также применяемых норм.

Законодательство приведено по состоянию на 1 сентября 2025 г.

Предназначено для обучающихся по программам магистратуры, преподавателей юридических дисциплин, а также всех, кто интересуется проблемными аспектами морского права.

Монографии

Модернизация гражданского законодательства: правовой опыт и направления развития : монография / И. З. Аюшеева, Д. А. Белова, А. Н. Бесединин [и др.] ; под общ. ред. Е. В. Вавилина, Л. Ю. Василевской. — М. : Проспект, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-392-44488-5

Предлагаемая вниманию читателя монография — дань памяти и уважения выдающемуся цивилисту, талантливому педагогу, блестящему лектору и замечательному человеку, доктору юридических наук, профессору Виктору Павловичу Мозолину. В работе представлены результаты авторских исследований его учеников (аспирантов, докторантов, соискателей), которые основывались на правовых воззрениях В. П. Мозолина. В книге рассмотрены перспективы развития цивилистики и правоприменительной практики, проанализированы проблемы корпоративного, договорного и вещного права, новые цифровые объекты гражданских прав, тенденции развития гражданского законодательства в условиях цифровизации.

Законодательство приведено по состоянию на 30 марта 2025 г.

Для широкого круга ученых-юристов, интересующихся цивилистикой, практикующих юристов, преподавателей, студентов, аспирантов и докторантов высших юридических учебных заведений.

Российская цивилистика в XXI веке. Развитие правовых форм хозяйствования (посвящается 100-летию со дня рождения Алексея Ивановича Масляева) : монография / отв. ред. Е. В. Вавилин, М. Н. Малеина. — М. : Проспект, 2026. — 376 с.

ISBN 978-5-392-45357-3

В память об известном советском и российском ученом и преподавателе А. И. Масляеве современные юристы исследуют такие вопросы, как развитие отношений собственности, объединение лиц в условиях шеринговой экономики, инновационной кооперации; коллективное управление авторскими правами; формы хозяйствования в аграрном секторе, страховом деле, транспортной деятельности; взаимодействие при заключении договоров о совместной деятельности и создании технологических холдингов.

Законодательство приведено по состоянию на 1 сентября 2025 г.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов, практикующих юристов и всех интересующихся проблемами частного права в России.

Аюшеева И. З., Василевская Л. Ю. Гражданский оборот в условиях цифровизации: проблемы и перспективы развития : монография / отв. ред. Л. Ю. Василевская. — М. : Проспект, 2025. — 312 с.

ISBN 978-5-392-42298-2

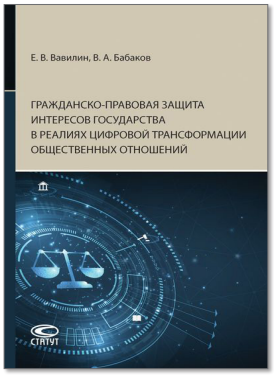
Представленная монография посвящена наиболее актуальным и востребованным на практике нерешенным проблемам гражданского оборота в условиях цифровизации и предназначена для изучения вопросов гражданско-правового регулирования отношений цифровизации гражданского оборота.

В работе дана юридическая характеристика цифровых объектов и сделок, совершаемых при помощи электронных и иных технических средств, смарт-контрактов, отношений с использованием инновационных цифровых платформ. Выявлена специфика договорного оформления изучаемых отношений и их нормативной регламентации, проанализированы актуальные проблемы правового регулирования отношений в наиболее востребованных сферах. Установлены недостатки в законодательной регламентации рассматриваемых отношений, сделаны предложения по их решению. Позиция авторов обоснована с учетом актуальных направлений развития гражданского законодательства и современных подходов в правоприменительной практике к разрешению соответствующих споров. Это позволяет использовать данную монографию руководителям правовых департаментов, подразделений, обеспечивающих информационную безопасность юридических лиц и органов государственной власти, представителям правоохранительных органов, адвокатуры, нотариата и судейского сообщества, иным правоприменителям для обоснования принимаемых решений.

В книге подробно рассмотрены практические проблемы, связанные с использованием цифровых технологий в различных сферах деятельности, что представляет интерес для бизнес-сообщества, в частности компаний, работающих в сфере маркетинга в социальных сетях (SMM), а также для практикующих юристов, специализирующихся на правовом сопровождении передачи, обработки и хранения цифровой информации.

Материал монографии базируется на комплексном анализе большого количества источников. Работа будет полезна для обучающихся высших учебных заведений уровней бакалавриата, магистратуры, специалитета и преподавателей юридических дисциплин. Критический анализ современных доктринальных и практических подходов к регламентации отношений в условиях цифровизации выступает хорошей основой для подробного изучения рассматриваемой проблематики в ходе обучения по юридическим, экономическим и информационным образовательным профилям.

Законодательство приведено по состоянию на 15 августа 2025 г.



Вавилин Е. В., Бабаков В. А. Гражданско-правовая защита интересов государства в реалиях цифровой трансформации общественных отношений : монография. — М. : Статут, 2025. — 426 с.

ISBN 978-5-8354-2102-2

В монографии рассматриваются как изменения в сфере участия государства в гражданских правоотношениях, вызванные цифровизацией, так и совершенствование традиционных подходов к защите интересов публично-правовых образований в контексте соотношения понятий интересов государства, общества и личности, поиска их баланса.

Важность обеспечения цифровой трансформации в рассматриваемой области в то же время оставляет актуальными вопросы соотношения государственных интересов и частных интересов лиц, его реализующих, персонификации ответственности субъектов правоотношений. Этим вопросам и посвящена предлагаемая читателю работа.

Транспортное право в условиях цифровой трансформации: беспилотные транспортные средства, цифровизация оборота, электронный коносамент, интеллектуальные транспортные системы : монография / под общ. ред. Е. В. Вавилина. — М. : Проспект, 2025. — 280 с.

ISBN 978-5-392-45050-3

В монографии освещаются проблемные вопросы гражданско-правового регулирования отношений, возникающих в условиях цифровизации транспортной отрасли. В работе дается юридическая характеристика беспилотных транспортных средств как объектов гражданских прав, определяются особенности их правового режима. Исследуются сделки, совершаемые при помощи электронных и иных технических средств, смарт-контракты, заключаемые в транспортной сфере, особенности электронного коносамента. Изучаются отношения с использованием инновационных цифровых платформ в транспортной отрасли, в том числе в связи с применением интеллектуальных транспортных систем, выявляется специфика их договорного оформления и нормативной регламентации. Анализируются актуальные проблемы правового регулирования отношений в наиболее востребованных сферах (отношения каршеринга, райдшеринга и др.), устанавливаются недостатки в законодательном обеспечении рассматриваемых отношений.

Законодательство приведено по состоянию на 1 августа 2025 г.

Монография предназначена для обучающимся по программам бакалавриата, магистратуры, специалитета, преподавателей юридических и иных связанных с транспортной отраслью дисциплин, а также всех, кто интересуется проблемами гражданско-правового регулирования отношений в транспортной сфере в условиях цифровизации гражданского оборота.

Вавилин Е. В., Боярская Ю. Н., Вавилин В. Е. Договор аренды транспортных средств. Договор каршеринга : монография / под общ. ред. Е. В. Вавилина. — М. : Проспект, 2025. — 344 с.

ISBN 978-5-392-45036-7

В монографии исследуются вопросы правового регулирования аренды транспортных средств и каршеринга. Рассматриваются понятие, значение, содержание, виды договора аренды транспортных средств и договора каршеринга, отграничение их от смежных договоров, права и обязанности, ответственность сторон по договору аренды транспортных средств с экипажем, без экипажа и по договору каршеринга. На основе анализа и обобщения научного, нормативно-правового и практического материала вносятся предложения по совершенствованию законодательства.

Законодательство приведено по состоянию на 1 августа 2025 г.

Для научных работников, преподавателей и студентов юридических образовательных учреждений, работников правоприменительных органов, предпринимателей.

Предпринимательская среда в сфере интеллектуальной собственности: структура и развитие в условиях цифровизации : монография / Е. В. Басос, Ю. С. Васильева, В. В. Гущин [и др.] ; отв. ред. Е. Б. Козлова. — М. : Проспект, 2025. — 192 с.

ISBN 978-5-392-43327-8

Коллективная монография подготовлена в рамках фундаментального междисциплинарного (на стыке права, экономики, социологии) и межотраслевого исследования, затрагивающего не только цивилистические аспекты структуры и развития предпринимательской среды в сфере интеллектуальной собственности, но и вопросы ее административно-правового и уголовно-правового регулирования. Предпринимательская среда исследована с применением комплексного подхода в качестве сложной системы общественных отношений с учетом современных экономических условий и происходящих процессов цифровой трансформации экономики. Авторами определены признаки и структурные элементы макро-, мезо- и микросреды предпринимательства.

Законодательство приведено по состоянию на 15 июля 2024 г.

Предназначена для научных сотрудников, работников органов государственной власти, преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов, практических работников и всех интересующихся вопросами правового регулирования предпринимательских отношений в сфере интеллектуальной собственности на современном этапе.

Белова Д. А. Нейроправо: правовой аспект исследования применения нейротехнологий. — М. : Проспект, 2025. — 129 с.
ISBN 978-5-392-45180-7

Исследование выполнено в ходе реализации проекта «Нейроправо: сквозные технологии в гражданском обороте» в соответствии с Программой развития Университета на 2025—2036 годы в рамках осуществления программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». Проект направлен на достижение таких национальных целей развития Российской Федерации из числа определенных Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», как сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, комфортная и безопасная среда для жизни, технологическое лидерство, цифровая трансформация социальной сферы. Распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р утверждена Концепция технологического развития на период до 2030 года. В перечень сквозных технологий (технологических направлений), развитие которых позволит обеспечить технологическое лидерство России в среднесрочной и долгосрочной перспективе, включены нейротехнологии. Опережающее развитие России в современных условиях не представляется возможным без выработки правовых механизмов, опосредующих применение нейротехнологий в основных сферах жизни общества и государства, в том числе в военной сфере, в здравоохранении, в сфере науки, образования и досуга населения, при неукоснительном соблюдении прав граждан на физическую и психическую неприкосновенность, жизнь и здоровье, достоинство личности, неприкосновенность частной жизни и иные нематериальные блага. При этом выработке правовых механизмов должны предшествовать доктринальное исследование проблем внедрения и применения нейротехнологий, построение понятийно-категориального аппарата, определение места исследуемых отношений в предмете правового регулирования, формирование подхода в отношении правового регулирования применения нейротехнологий.

Законодательство приведено по состоянию на 1 января 2025 г.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, практикующих юристов, а также всех, кто интересуется проблемами внедрения и применения нейротехнологий.

Субъекты наследственного права : монография / Б. А. Булаевский, А. А. Елисеева [и др.]. — М. : Проспект, 2025. — 208 с.
ISBN 978-5-392-44535-6

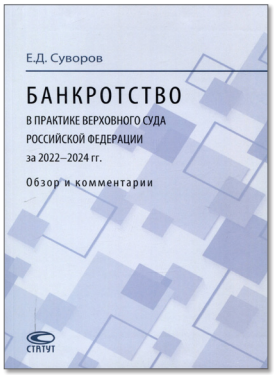
В работе рассмотрено правовое положение участников имущественных и личных неимущественных отношений, составляющих предметную сферу наследственного права, раскрыто многообразие их статусов.

Законодательство приведено по состоянию на 15 марта 2025 г.

Материалы монографии могут быть интегрированы в образовательный процесс для углубленного изучения проблемных вопросов наследственного права, в том числе при использовании интерактивных образовательных технологий.

Исследование выполнено при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

Суворов Е. Д. Банкротство в практике Верховного Суда Российской Федерации за 2022—2024 гг. : обзор и комментарии. — М. : Статут, 2025. — 335 с.
ISBN 978-5-8354-2046-9



Монография представляет собой систематизированный обзор судебной практики Верховного Суда РФ по банкротству за период с июня 2022 г. по июнь 2024 г. За указанный период было вынесено 338 определений Верховного Суда РФ, которые вошли в настоящее издание и распределены по соответствующим рубрикам, снабжены комментариями.

Монография может представлять интерес для практикующих банкротное право (судей, арбитражных управляющих, адвокатов и др.), исследующих его (научных работников), преподающих и изучающих банкротное право.

Право. Государство. Экономика. К юбилею профессора В. Г. Голубцова : монография / Е. В. Вавилин (в соавторстве) ; под ред. А. В. Габова, О. А. Кузнецовой, Д. А. Формакидова. — М. : Статут, 2025. — 498 с.

ISBN 978-5-8354-2070-4

В монографии освещаются актуальные вопросы правового регулирования экономических отношений на современном этапе развития Российского государства и права. Книга посвящена юбилею известного отечественного цивилиста Валерия Геннадьевича Голубцова — доктора юридических наук, профессора Пермского государственного национального исследовательского университета. На страницах издания ведущие российские ученые и молодые цивилисты — друзья, коллеги и ученики юбиляра затрагивают проблемы теории и практики частного права, касающиеся субъектов и объектов экономической деятельности, правового обеспечения эффективного функционирования экономики, защиты прав субъектов гражданского оборота.

Издание предназначено для ученых-правоведов и юристов-практиков, сотрудников правоохранительных органов, преподавателей и студентов юридических вузов и факультетов, а также всех, кто интересуется проблемами современной цивилистики и правоприменения.

Малинова А. Г., Османова Д. О. Семейное право России и Китая в вопросах и ответах : справочное пособие. — М. : Норма, 2025. — 200 с.

ISBN 978-5-00156-441-6

Справочное пособие предназначено для тех, кто интересуется семейным правом и желает разобраться в юридических тонкостях, но не обладает специальным образованием. Книга поможет понять особенности российского семейного законодательства, а также разобраться в тонкостях китайских законов. Материал излагается в форме лаконичных ответов на вопросы. Ответы сформулированы на основе произведенного авторами анализа законодательства России и Китая.

Для широкого круга читателей, интересующихся спецификой брака с иностранцем (гражданином Китая).

Транспортное право в условиях цифровой трансформации : глоссарий / под общ. ред. Е. В. Вавилина, И. З. Аюшеевой. — М. : Проспект, 2025.

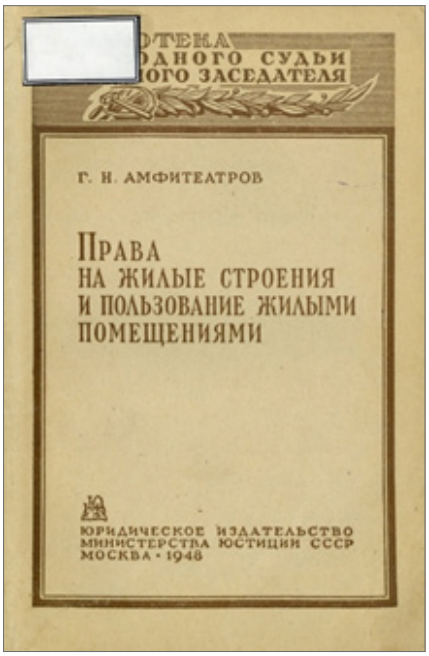
ISBN 978-5-392-45340-5

Глоссарий подготовлен на кафедре гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и предназначен для углубленного изучения транспортного права в условиях цифровизации гражданского оборота. В глоссарии собраны основные термины, которые используются в нормативных правовых актах, а также в доктрине в условиях цифровизации транспортной отрасли. Освещены основные дискуссионные вопросы о понятиях автономного транспортного средства, беспилотного транспортного средства, смарт-контракта, электронного коносамента и др.

Законодательство приведено по состоянию на 1 сентября 2025 г.

Предназначен для обучающихся, преподавателей юридических дисциплин, а также всех, кто интересуется проблемными аспектами транспортного и цифрового права.

Юридическое наследие



Георгий Никитич Амфитеатров — известный ученый-юрист, доктор юридических наук, профессор. Родился в 1899 г. в г. Белгороде Курской губернии. В 1929 г. окончил аспирантуру Института советского права Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). С 1929 г. преподавал гражданское право на факультете советского права 1-го МГУ, заведовал кафедрой гражданского права в Московском юридическом институте (1931—1937 гг.), во Всесоюзной правовой академии при ВЦИК СССР (1936—1938 гг.), в МГУ (1945—1945 гг.), руководил кафедрой права в Московском финансовом экономическом институт. Преподавал в Московской областной юридической школе, Институте внешней торговли.

С конца 1940-х гг. и до 1950 г. Г. Н. Амфитеатров возглавлял кафедру гражданского и семейного права Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ, ныне — Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)).

В текущем выпуске журнала публикуется извлечение из книги Г. Н. Амфитеатрова «Права на жилые строения и пользование жилыми помещениями».

Г. Н. Амфитеатров

Права на жилые строения и пользование жилыми помещениями[1]

(Извлечение)

II. ПРАВО ПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИЛЫМ ПОМЕЩЕНИЕМ

§ 3. Основные черты договора жилищного найма

Договор жилищного найма представляет собой один из видов найма имущества. Поэтому на него распространяется действие общих норм, регулирующих имущественный наем (ст. 152—179 ГК). Но этот договор обладает и своими заметными особенностями. Они обусловлены тем значением, какое имеет жилое помещение как предмет найма для широких масс трудящихся, и, считаясь с этими особенностями, мы не только можем, но и должны выделить этот договор особо, ибо правовое регулирование возникающих на его основе отношений сложилось даже в особую область жилищного законодательства.

1. Присущие договору жилищного найма особенности связаны прежде всего с самим предметом найма, т.е. с жилым помещением. Предметом найма здесь может быть целая квартира или какая-либо часть ее в виде одной или двух комнат. Но не может быть сдана в наем часть комнаты, ибо комната — предмет неделимый. Поэтому, если в одной комнате проживает несколько лиц, то с ними как с нанимателями заключается общий договор на всю комнату в целом.

Не могут быть самостоятельным предметом жилищного найма места общего пользования в квартире (кухня, ванная, коридор, комната для домработницы и т.д.), так как они призваны обслуживать жилое помещение в целом и не должны быть используемы под жилье. Исключения из этих правил возможны только при найме жилого помещения в домах, принадлежащих гражданам на праве собственности или праве застройки.

Основная, однако, особенность, характеризующая предмет жилищного найма, заключается в установленном нашими советскими законами принципе распределения жилой площади, который, в свою очередь, предполагает, что предоставляемая внаем жилая площадь нормируется, т.е. ограничивается некоторым максимумом. Так, согласно ст. 12 Инструкции НККХ от 30 августа 1947 г. «О порядке заключения договоров найма жилых помещений» жилищно-санитарная норма в городах и рабочих поселках РСФСР установлена в 9 кв. метров на человека, т.е. несколько увеличена ныне по сравнению с прежней нормой в 8,25 кв. метра. На Украине эта норма превышает 13 кв. метров на человека. Напротив, для отдельных городов, жилищный фонд которых сильно пострадал в результате войны, эта норма (например, по Ленинграду) снижена до 6 кв. метров.

При заключении со съемщиком договора найма жилого помещения должна приниматься в расчет:

[1] См.: *Амфитеатров Г. Н.* Права на жилые строения и пользование жилыми помещениями / ВИЮН Министерства юстиции СССР. М. : Юрид. изд-во, 1948. 72 с. (Серия : Библиотека народного судьи и народного заседателя). Разд. II «Право пользования жилым помещением». § 3 «Основные черты договора жилищного найма».

а) доля жилой площади членов семьи съемщика, мобилизованных в ряды Вооруженных Сил СССР, сохраняемая за ними на все время пребывания в Советской Армии и затем в течение 6 месяцев с момента демобилизации;

б) доля жилой площади членов семьи, находящихся на работе за границей, в Арктике, в районах Крайнего Севера и в приравненных к ним районах отдаленных местностей, сохраняемая за этими лицами в силу ст. 33 постановления от 17 октября 1939 г.;

в) доля жилой площади членов семьи, находящихся на излечении, сохраняемая за ними на все время пребывания в лечебных учреждениях;

г) доля жилой площади членов семьи — учащихся на все время пребывания их в учебных заведениях[2];

д) доля жилой площади лиц, находящихся по постановлению следственных органов под стражей, на все время следствия, независимо от его продолжительности и до истечения шести месяцев после освобождения из-под стражи вследствие прекращения уголовного преследования в стадии предварительного следствия или со дня вынесения оправдательного приговора[3];

е) доля жилой площади членов семьи, отбывающих наказание в местах лишения свободы по приговору суда сроком не свыше шести месяцев[4],

ж) доля членов семьи, временно отсутствующих по любым причинам, сохраняемая за ними в течение шести месяцев в силу ст. 34 постановления от 17 октября 1937 г.

Помимо перечисленных здесь случаев, большое и самостоятельное значение для расчета жилой площади, составляющей предмет найма, получает право на дополнительную площадь, если, конечно, этим правом обладает сам наниматель или члены его семьи

Право на дополнительную площадь имеет целью для одной категории граждан — создать благоприятные условия работы на дому, для другой —улучшить жилищные условия во внимание к особым заслугам этих граждан перед Родиной, наконец, для отдельных категорий граждан, страдающих тяжелыми болезнями, — создать необходимую обстановку для лечения или изолировать их от окружающих здоровых людей.

Дополнительная площадь определяется в размере 10 кв. метров на человека, а для научных работников, писателей, композиторов, художников, скульпторов и изобретателей ее размер увеличивается до 20 кв. метров. Если право на дополнительную площадь имеют несколько членов семьи, проживающих совместно, то им предоставляется или за ними сохраняется сверх основной жилой площади не более одной отдельной комнаты, а при ее отсутствии — дополнительная площадь в размере, полагающемся двум таким лицам.

Таким образом, в расчет жилой площади, составляющей предмет найма, входит: а) жилая площадь, следуемая по норме нанимателю и наличным членам его семьи; б) жилая площадь, следуемая по норме перечисленным ранее

---

[2] См.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР № 918 за 1942 г.

[3] См. ст. 13 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г.

[4] См. ст. 14 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г.

отсутствующим членам семьи съемщика; в) дополнительная площадь, право на которую имеет съемщик или члены его семьи; г) площадь, предназначенная для домработницы.

Разница между фактическим размером жилой площади и тем ее размером, который определится в результате указанного выше расчета, именуется излишком жилой площади, который либо образует внутрикомнатные излишки, либо составляет отдельную изолированную комнату. Наличие внутрикомнатных излишков не может служить препятствием к заключению договора жилищного найма на все занимаемое помещение, как это явствует из ст. 13 Инструкции от 30 августа 1947 г. Равным образом, даже излишняя изолированная комната должна быть приравнена к внутрикомнатному излишку, если проживание съемщика и его семьи в остальных комнатах влечет за собой неизбежность поселения в одной из них лиц разного пола (кроме супругов и детей моложе 10 лет), либо поселения супругов в разных комнатах[5].

Отметим здесь же, что внутрикомнатные излишки, образовавшиеся в течение действия договора, изъятию не подлежат, хотя бы в результате переселения нанимателя и членов его семьи эти излишки и могли бы быть выделены в самостоятельную комнату. Так, скажем, если в одной комнате на площади в 18 кв. метров проживает один человек, а в соседней или даже той же квартире имеется комната, на площади которой в 14 кв. метров проживают два человека, то нельзя принудительно переселить первого на площадь двух вторых, а этих последних на площадь первого. Изъятие из этого правила, т.е. принудительное переселение съемщика в целях использования излишков жилой площади, допускается согласно ст. 8 постановления ЦИК и СНК СССР от 13 февраля 1931 г. только в домах транспорта.

Что же касается того случая, когда в течение действия договора найма может оказаться излишней для нанимателя отдельная изолированная комната, то этот случай регулируется ст. 27 постановления от 17 октября 1937 г. Согласно этой статье местные советы имеют право использовать и заселить такую комнату лишь в том случае, если съемщик в течение 3 месяцев после соответствующего предупреждения со стороны жилищного управления не заселит по своему усмотрению образовавшегося у него излишка жилой площади.

Верховный суд СССР, следуя точному указанию этой статьи, неизменно отменял те судебные решения, которые были вынесены с нарушением прав нанимателя, предусмотренных названной статьей. Вместе с тем он брал под свою защиту тех вселившихся в изолированную комнату граждан, которым эта комната была предоставлена самим съемщиком в порядке самоуплотнения, хотя бы при этом

[5] См. относящиеся к этому вопросу: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 февраля 1930 г. о праве пользования дополнительной площадью (СУ № 14 ст. 181); циркуляр НКВД и НКЗдрава РСФСР № 22/15 от 13—19 января 1928 г., устанавливающий список болезней, дающих лицам, страдающих ими, право на дополнительную площадь; циркуляр НККХ и НКЮ РСФСР № 203 от 31 июля 1933 г. о сохранении права на дополнительную площадь за ответственными работниками, перешедшими на инвалидность; приказ НК КХ РСФСР № 955 от 28 декабря 1940 г. о порядке пользования научными работниками дополнительной площадью; приказ о том же МК Х РСФСР за № 584 от 8 декабря 1946 г.

такая переуступка прав на часть арендуемой площади и не была оформлена основным съемщиком в жилищных органах. Вот одно из таких дел. Захарцева обратилась в суд с иском о выселении Воиновых — мужа и жены как временных жильцов. Последние предъявили встречный иск об открытии на их имя отдельного лицевого счета на занимаемую ими изолированную комнату в 13 кв. метров, утверждая, что они вселены в порядке самоуплотнения. Народным судом 7-го участка Фрунзенского района г. Москвы иск Захарцевой был удовлетворен, а во встречном иске Воиновым было отказано. Это решение Московский городской суд оставил в силе так же, как сделал это затем и Верховный суд РСФСР, куда был принесен протест прокурором РСФСР[6].

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассматривавшая это дело по протесту Председателя Верховного суда СССР, нашла, что у Захарцевой в 1943 г., после смерти ее родителей образовался излишек жилой площади в виде отдельной комнаты в 13 кв. метров, в связи с чем она разрешила вселиться в эту комнату Воиновой, а позднее прописала на свою площадь и мужа Воиновой. При вселении в спорную комнату ответчики Воиновы занимаемую ими ранее комнату в пос. Малаховка сдали Моссовету, что свидетельствует о том, что ответчики вселились на спорную площадь не временно, а постоянно. Так как «неоформление через жилищный отдел райсовета передачи площади Воиновым в порядке самоуплотнения не является основанием считать ответчиков временными жильцами», то Судебная коллегия Верховного суда СССР протест удовлетворила, признав тем самым Воиновых самостоятельными съемщиками[7].

Предусмотренное ст. 27 право нанимателя заселить в порядке самоуплотнения излишнюю изолированную комнату не подлежит, однако, защите, если наниматель систематически сдавал эту комнату в поднаем в спекулятивных целях. Как указал в своем постановлении от 12 декабря 1940 г. Пленум Верховного суда СССР, такая комната, хотя бы даже она не являлась излишком, подлежит изъятию по иску прокурора или жилищного управления, если только доказано, что она использовалась нанимателем для систематической сдачи внаем в спекулятивных целях (см. п. 9).

Право нанимателя заселить образовавшуюся в арендуемом им жилом помещении излишнюю изолированную комнату не распространяется на жилые помещения в домах госучреждений, госпредприятий и общественных организаций, а также в домах, принадлежащих отдельным гражданам на праве собственности или праве застройки. Этот вывод, находящийся в полном соответствии с целевым использованием домов учреждений, предприятий и общественных организаций, вытекает из текста ст. 27 и может быть подкреплен ссылкой на состоявшееся в 1939 г. определение № 802 Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР. В этом определении говорится, что «право съемщика жилого помещения на заселение образовавшихся у него излишков в виде изолированной

---

[6] См. ст. 14 той же Инструкции, а также постановление Пленума Верховного суда СССР по делу по иску Кизас от 9 августа 1946 г. (Судебная практика Верховного суда СССР. 1946. Вып. VII (XXX1)).

[7] Судебная практика Верховного суда СССР. 1947. Вып. V (XXXIX).

комнаты предусмотрено постановлением 17 октября 1937 г. лишь в отношении лиц, проживающих в домах местных советов».

Что же касается домов, принадлежащих гражданам, то в том же определении справедливо отмечается, что в нашем законодательстве «не имеется указаний о распространении этого положения (ст. 27. — *Г. А.*) на дома, принадлежащие гражданам на праве личной собственности или праве застройки, почему следует признать, что в этих домах излишек жилой площади в виде отдельной изолированной комнаты может быть заселен лишь по усмотрению владельцев дома».

Таковы существенные особенности договора жилищного найма в части, относящейся к предмету найма.

2. Присущие договору жилищного найма особенности дают знать о себе и в вопросе о сроке. В отличие от ст. 154 ГК, согласно которой срок найма имущества не должен превышать 12 лет, постановление от 17 октября 1937 г. устанавливает максимальный срок для найма жилых помещений в пять лет (см. ст. 24).

Это означает, что по истечении 5 лет необходимо перезаключить договор на новый срок. Ограничение этого срока пятью годами направлено на то, чтобы, с одной стороны, сообщить отношениям из договора найма достаточную во времени устойчивость, а с другой — чтобы этот срок не сделать продолжительным в такой степени, при которой умаляется под действием времени само значение договорных начал во взаимоотношениях наймодателя и нанимателя.

Пятилетний срок найма жилого помещения, как максимальный, не означает, конечно, что договоры жилищного найма должны заключаться обязательно на меньший срок. Более того, как явствует из ст. 7 Инструкции МКХ УССР от 10 октября 1946 г., управления жилищного хозяйства не вправе самостоятельно снижать указанный максимальный срок, если местный совет не установит иного срока в пределах пяти лет.

3. Существенные особенности присущи и самим обязанностям сторон в договоре жилищного найма. Как известно, этот договор является двусторонним, т.е. из него возникает несколько взаимно связанных обязательств. По одним из таких обязательств наймодатель является кредитором, а наниматель — должником. По другим обязательствам наймодатель является должником, а наниматель — кредитором. Таким образом, как на стороне наймодателя, так и на стороне нанимателя имеются и права, и обязанности. Поскольку каждому праву соответствует всегда обязанность, то при характеристике особенностей договора жилищного найма в этой его части мы ограничимся рассмотрением лишь обязанностей сторон, так как они дают тем самым представление и о соответствующих этим обязанностям правах.

Обязанности наймодателя, предусмотренные в общем их виде Гражданским кодексом, конкретизированы применительно к жилищному найму в ст. 6 Типового договора, которая устанавливает, что наймодатель (управляющий домом) обязан производить в течение действия договора в установленные жилищным управлением сроки или в силу возникшей необходимости капитальный ремонт как в сданных внаем жилых комнатах, так и в местах общего пользования.

В отличие от ст. 159 ГК, на обязанности управляющего домом лежат также и такие виды текущего ремонта в жилых помещениях и местах общего пользования, как: замена вследствие нормального износа дверей, окон, исправление полов

со сменой досок (паркета) или их переборкой и текущий ремонт внутриквартирного оборудования (печей, очагов, центрального отопления, водопровода, канализации, основной электропроводки до осветительных точек, газового и ванного оборудования).

Если имеют место повреждения перечисленных видов оборудования в жилых помещениях или местах общего пользования, то наймодатель обязан исправить эти повреждения не позднее трех дней по получении заявления съемщика, а в случаях аварий — немедленно.

На обязанности наймодателя в лице управляющего домом лежит, наконец, своевременная подготовка дома к зиме (исправление и утепление входных дверей, приведение в состояние готовности центрального отопления, своевременный завоз топлива в размере, необходимом для нормального функционирования системы центрального отопления, и т.д.).

Статья 7 Типового договора дает съемщику право одному или совместно с другими проживающими в квартире съемщиками произвести самим необходимые работы по исправлению повреждений домового оборудования или самого здания со взысканием с домоуправления понесенных расходов по сметной их стоимости во всех тех случаях, когда домоуправление своевременно не примет мер к выполнению этих лежащих на нем обязанностей.

В отличие от ст. 159 ГК, наниматель вправе взыскать по суду понесенные им расходы тотчас, как они произведены, т.е. не ожидать того, когда сумма этих расходов постепенно будет покрыта путем удержания в счет следуемых наймодателю платежей по квартирной плате.

Предусмотренные ст. 2 Типового договора обязанности нанимателя таковы. Наниматель обязан пользоваться жилым помещением, подсобными помещениями и местами общего пользования только в соответствии с их прямым назначением.

Наниматель обязан далее содержать в полной исправности и чистоте жилое помещение и его оборудование, пользоваться должным образом местами общего пользования и бережно относиться ко всему имуществу домовладения.

Типовой договор вменяет в обязанность нанимателя не производить в жилом помещении и местах общего пользования без письменного на то разрешения жилищного управления каких-либо работ, действующих разрушающе на помещение или здание (колка дров в помещении или на лестнице, стирка белья в неуказанных местах и т.п.).

С той же целью обеспечить должное отношение к жилому помещению как к общественной собственности съемщику вменяется в обязанность немедленно сообщать ответственному по квартире или управляющему домом о всех случаях повреждения помещения и порчи или хищения оборудования.

Типовой договор возлагает на нанимателя текущий ремонт не только занимаемого им жилого помещения, но и мест общего пользования, в связи с чем тем же договором предусмотрено, что расходы по текущему ремонту мест общего пользования распределяются между всеми съемщиками квартиры по количеству жильцов, исключая малолетних и временных жильцов. Следует заметить, что текущий ремонт ложится на нанимателя не целиком, а лишь в объеме таких работ, как побелка потолков, побелка, окраска или оклейка обоями стен, окраска вторых рам и изнутри первых рам, вставка стекол, окраска полов и дверей в квартире.

Важнейшей обязанностью нанимателя, вытекающей из начал возмездности в договоре найма, является внесение квартирной платы, а также платы за коммунальные услуги и пользование центральным отоплением в порядке и в сроки, установленные действующими законами.

Квартирная плата и связанные с нею другие платежи (оплата коммунальных услуг и т.п.) есть один из видов наемной платы. Однако еще Гражданский кодекс 1922 г. установил в ст. 166, что наемная плата, взимаемая с трудящихся за пользование жилыми помещениями, не может быть предусмотрена в договорах выше ставок, устанавливаемых исполнительными комитетами местных советов на основе закона о квартирной плате. Это важное начало нормирования квартирной платы является ярким свидетельством заботы Советского государства об интересах трудящихся.

Согласно действующему по этому вопросу законодательству, в основу определения ставок квартирной платы положено два начала: 1) принцип самоокупаемости эксплуатации жилищного фонда и его восстановления, т.е. принцип, чуждый извлечению прибыли из эксплуатации передаваемых в пользование трудящихся жилых помещений, и 2) принцип учета социального и материального положения съемщика.

В соответствии с первым из этих принципов местные советы устанавливают основную ставку квартирной платы, исходя из стоимости эксплуатации, ремонта и амортизации жилых строений. На основе этой ставки городские советы определяют затем дифференцированные расценки (квартирную таксу) за один квадратный метр жилой площади с учетом степени благоустроенности жилых помещений и в зависимости от территориальной отдаленности жилых строений от центра города. Это достигается путем применения к основной ставке квартирной платы процентных скидок и накидок.

В соответствии со вторым из указанных выше принципов для основных категорий нанимателей устанавливаются предельные ставки квартирной платы, дифференцируемые в зависимости от размера заработка нанимателя и числа лиц, состоящих на его иждивении. Это означает, например, для рабочих и служащих, получающих небольшую заработную плату, что они оплачивают занимаемую ими жилую площадь со скидкой от 10 до 80 % с квартирной таксы. К этому надо прибавить многочисленные льготы по квартирной плате для отдельных категорий трудового населения. Так, скажем, персональные пенсионеры оплачивают занимаемую ими жилую площадь по ставкам, установленным для рабочих и служащих, в размере 50 % этих ставок. При исчислении квартирной платы с семей военнослужащих, вносимой также по льготному тарифу, жилая площадь, приходящаяся на долю самого военнослужащего, исключается вовсе. Семьи рядового и младшего начальствующего состава, если в ряду их членов нет лиц с самостоятельным заработком и если они получают только государственное пособие, вносят квартирную плату, исходя из доли пособия, причитающегося на каждого нетрудоспособного члена семьи, и т.д.

Что касается оплаты дополнительной площади, то она производится в одинарном размере. И только излишки жилой площади, о которых сказано было выше, оплачиваются в повышенном размере. Все это говорит о том, что условия найма жилых помещений в домах обобществленного жилищного фонда широко

доступны для населения и определены законом, ориентируясь именно на эту доступность.

Существенной особенностью нового Типового договора является устанавливаемое им в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 10 октября 1940 г.[8] в п. 3 условие, согласно которому съемщик и совместно проживающие с ним члены семьи с самостоятельным заработком несут солидарную ответственность за просрочку внесения квартирной платы.

Типовой договор пошел, однако, дальше того, что предусмотрено в названном постановлении, ибо устанавливаемая этим договором солидарная ответственность на стороне нанимателя и членов его семьи распространена также и на другие виды нарушения нанимателем своих обязательств: несвоевременный ремонт жилого помещения и причиненные съемщиком повреждения нанятому имуществу.

Это расширение начал солидарной ответственности находит свое основание в неделимости предмета найма и тем самым может опереться на прямые указания ст. 116 ГК.

Устанавливаемое типовыми договорами правило о солидарной ответственности на стороне нанимателя и членов его семьи с самостоятельным заработком вполне целесообразно и своевременно, ибо оно идет по пути усиления мер борьбы за сохранность общественного имущества.

Перечисленным выше обязанностям наймодателя и нанимателя корреспондируют соответствующие этим обязанностям права. Однако характеристика этих взаимных прав и обязанностей сторон в договоре жилищного найма будет неполной, если мы опустим такие связанные с правами нанимателей особые институты в жилищном праве, как обмен жилых помещений, сохранение права на жилую площадь за временно отсутствующим нанимателем и установленные нашими советскими законами гарантии прав нанимателя на случай перехода права собственности на жилое строение от наймодателя к другому лицу.

На этом последнем вопросе мы остановимся здесь же, а первые два вопроса выделим особо и рассмотрим дальше.

В силу ст. 169 ГК при переходе права собственности на имущество от наймодателя к другому лицу договор найма сохраняет силу для нового собственника. В применении к договору жилищного найма это правило означает, что в пределах срока действия такого договора съемщик жилого помещения сохраняет свои права на него, хотя бы дом, в котором находится это помещение, и перешел в собственность другого лица. Последнее становится, таким образом, на место прежнего наймодателя и должно считаться с возникшими ранее отношениями между этим наймодателем и нанимателем как с обязательными для себя.

Пленум Верховного суда СССР пошел дальше этого и в п. 10 своего постановления от 12 декабря 1940 г. установил, что «недопустимо выселение нанимателей, проживающих в домах, принадлежащих гражданам на праве личной собственности или на праве застройки, на том основании, что срок договора найма окончился и владелец дома не желает возобновить договор на новый срок». В применении к рассматриваемому вопросу это указание Пленума Верховного суда СССР означает, что приобретатель жилого строения не только должен

[8] СП РСФСР. № 17. Ст. 72.

мириться с проживанием в его доме нанимателей в пределах срока действующего договора, но и стоит перед обязанностью для себя возобновить договорные отношения с этими нанимателями на новый срок.

Это положение, продиктованное необходимостью защиты интересов нанимателей, несомненно, страдало бы односторонностью, если бы наряду с ними не учитывались бы потребности в жилье самого собственника или приобретателя жилого строения. Поэтому Пленум Верховного суда СССР в том же постановлении сделал оговорку, что «в случаях, когда с момента заключения договора жилищные или семейные условия владельца дома изменились и когда по обстоятельствам дела суд признает, что помещение действительно необходимо для личного проживания владельца дома и совместно с ним живущих членов семьи, не имеющих жилой площади или имеющих жилую площадь, явно недостаточную по своим размерам, суд может вынести решение о выселении нанимателя и о передаче жилой площади в пользование владельца дома». Этому указанию следовала наша судебная практика[9] и в тех случаях, когда таким владельцем дома являлся приобретатель жилого строения. Однако, когда владельцем дома сдавалась внаем на заранее обусловленный краткий срок часть жилой площади, на которой проживает он сам и члены его семьи, судебная практика шла по пути признания за наймодателем права на выселение нанимателя по окончании срока договора найма.

Поэтому суды должны в этом вопросе проводить каждый раз различие между договорами найма, заключенными на длительный срок или срок неопределенный, в отношении жилой площади, на которой владелец жилого строения сам не проживает, и договорами на короткие сроки в отношении жилой площади, им самим используемой, ибо только в последнем случае наймодатель вправе не возобновлять договора на новый срок, или даже односторонне отказаться от него с предупреждением за 3 месяца, если только договор заключен на срок неопределенный (ст. 155 ГК).

[9] См., например, определение Судебной коллегии по гражданским делам, Верховного суда СССР по делу Шамаил Захария-оглы с Керштейнои (Социалистическая законность. 1948. № 4. С. 24).

Современный лингвист[1]

Русский язык богат фразеологизмами, многие из которых кажутся нам привычными, но их происхождение уходит корнями в далекое прошлое. Данная статья — путешествие по страницам истории, которое поможет узнать, как обычные ситуации превратились в яркие и емкие фразы, которые мы используем до сих пор. Выясним, какие интересные истории скрываются за знакомыми нам выражениями.

Держать хвост пистолетом

Фразеологизм «держать хвост пистолетом» означает сохранять бодрость духа, уверенность и не унывать перед лицом трудностей.

Происхождение этого выражения точно не установлено, но есть несколько гипотез.

Военная гипотеза объясняет фразу отсылкой к оружию кавалериста: пистóль в кобуре мог торчать рукоятью вверх, напоминая этим поднятый хвост. Этот торчащий «хвост» стал метафорой гордой, боевой выправки и готовности к действию.

Возможно, фраза связана с поведением лошади, которая в приподнятом настроении вздымает хвост.

Согласно охотничьей версии образ может восходить к легавой собаке, сделавшей стойку перед дичью. Ее напряженный, поднятый хвост, напоминающий рукоять, является символом собранности и уверенности. Эта версия перекликается с более старым выражением «держать хвост трубой».

Есть морская гипотеза. Пистолетом на флоте раньше называли рычаг-балансир для управления рулем. Выражение «держать хвост пистолетом» в прямом смысле могло означать крепко удерживать этот рычаг, сохраняя курс.

Самая слабая — карточная версия. Якобы в некоторых карточных играх сильную комбинацию карт (например, козырного туза и короля) могли называть «пистолетом». Таким образом, фраза могла описывать уверенность игрока, держащего на руках выигрышные карты.

Независимо от происхождения фразеологизма его смысл остается единым: демонстрировать непоколебимость и боевой настрой.

---

[1] Продолжение. Начало см.: Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2025. № 12. Материал подготовлен с использованием интернет-ресурсов.

Пиши пропало

Пиши пропало — разговорное выражение, которое означает, что ситуация стала безнадежной, а потеря или неудача неизбежны. Оно часто звучит с оттенком смирения, досады или иронии.

Наиболее авторитетная версия связывает происхождение фразеологизма с бюрократической практикой XIX в. В канцеляриях, поместьях и на торговых складах того времени велись учетные книги. Если что-то терялось или приходило в негодность, ответственный чиновник или приказчик должен был сделать в такой книге запись: «Пропало».

Устойчивое сочетание «пиши пропало» изначально было прямым указанием сделать такую запись, констатирующую безвозвратную утрату, после которой предмет списывался со счетов.

Со временем выражение вышло за рамки делового оборота и стало употребляться в бытовой речи для обозначения любой безнадежной ситуации. Самыми известными синонимами выражения являются: конец, крышка, песенка спета, капут и каюк.

Некоторые исследователи считают, что фразеологизм мог вырасти из народной пословицы «упало — пиши пропало». Эта пословица, в свою очередь, возможно, отражала упрощенно понимание, что, если вещь упала (например, с телеги), ее уже не найдешь и можно считать пропавшей.

Жаба душит

Фразеологизм «жаба душит» описывает мучительное чувство скупости, нежелание расставаться с деньгами или ценностями даже при крайней необходимости.

Существует несколько версий происхождения этого выражения.

Одна из них связана с образом жабы как воплощения нечистой силы, широко известным в славянских сказках и поверьях. В них ведьмы часто превращались в жаб, чтобы вредить людям, насылать порчу или смерть.

Более вероятной считается версия, связанная с диалектным словом «жабота». Им обозначали повседневные хлопоты, заботы, тяготы. Со временем из-за созвучия фраза «жабота давит» могла трансформироваться в «жаба давит».

Согласно другой гипотезе, выражение связывают с медицинским термином «грудная жаба» (стенокардия). Пациенты описывали приступ как удушье и давящую боль в груди — ощущение, будто на ней сидит огромная жаба. Кислородное голодание во время приступа часто придавало коже серо-зеленый оттенок, похожий на цвет этого земноводного.

Менее распространенная версия отсылает к слову «жабо» — модному в XVII в. аксессуару в виде пышной оборки на вырезе блузки, платья или мужской сорочки. Тугое жабо могло стеснять горло и затруднять дыхание, что, возможно, породило ироничное выражение «жаба душит».

Заложные покойники

Словосочетание «заложный покойник» обозначает категорию умерших, которые не нашли успокоения после смерти и, по народным поверьям, возвращаются в мир живых, превращаясь в мифических существ — от русалок до упырей.

Слово «заложный» напрямую связано со способом погребения таких умерших: их не закапывали в землю как обычных покойников, а «закладывали» (придавливали) камнями и ветками, чтобы они не могли подняться из могилы.

Судьба заложного покойника ожидала тех, кто умер неестественной, преждевременной или насильственной смертью и, согласно поверьям, не изжил своего

века. К умершим насильственной смертью относились самоубийцы, утопленники, убитые, погибшие от несчастного случая (сгоревшие или замерзшие); некрещеные младенцы, мертворожденные дети, женщины, умершие во время родов; колдуны и ведьмы, а также люди, при жизни общавшиеся с нечистой силой; опойцы (умершие от чрезмерного пьянства) и те, кто был проклят своими родителями.

Обычно таких покойников хоронили вне освященной территории кладбища. Местами их последнего упокоения становились окраины полей, лесные чащи, болота, овраги и перекрестки дорог. Такой обряд назывался заложным погребением.

Считалось, что эти неупокоенные души крайне враждебно настроены к живым и могут причинять разнообразный вред: насылать болезни на людей и скот, пугать путников, портить урожай и даже вызывать засуху.

Пудрить мозги

Фразеологизм «пудрить мозги» означает намеренно вводить в заблуждение, обманывать красивыми и пустыми словами, создавать ложное впечатление, скрывая суть дела.

Первая версия происхождения фразеологизма связана с парикмахерским искусством XVIII—XIX вв. Модницы и щеголи того времени обильно пудрили парики и волосы, чтобы придать им модный белый или сероватый оттенок. Пудра создавала красивый, но совершенно поверхностный, маскирующий естественный цвет слой, который легко было стряхнуть. Таким образом, «пудрить мозги» стало метафорой для наведения внешнего, обманчивого глянца на неприглядные мысли или намерения.

Вторая версия ведет нас к сомнительным медицинским методам. Лекари-шарлатаны, не способные вылечить серьезные болезни, могли использовать для отвода глаз процедуры с пудрой или похожими порошками, создавая видимость лечения. Они буквально «пудрили мозги» доверчивым пациентам, пока болезнь прогрессировала.

Согласно третьей версии, выражение могло являться точной калькой французской идиомы poudrer le cerveau или poudrer la cervelle. Оно возникло в светских салонах Парижа, где умение говорить красиво, но пусто, чтобы произвести впечатление и скрыть истину, было возведено в ранг искусства. Через русское дворянство, говорившее по-французски, выражение могло проникнуть в русский язык.

Также есть версия о связи этого словосочетания с кокаином. В конце XIX — начале XX в. кокаин был популярен как лекарство и тонизирующее средство. Способный одурманивать, вводить в заблуждение, воздействуя на сознание, белый порошок, похожий на пудру, вполне мог стать причиной распространения этой фразы.

Тамбовский волк тебе товарищ!

Фразеологизм применяется, когда говорящий хочет дать понять, что не считает собеседника своим товарищем, подчеркивая дистанцию или даже неприязнь.

Наиболее исторически обоснованная версия связывает происхождение оборота с тем, что одним из основных контингентов первопоселенцев Тамбовского края становились ссыльные преступники. На Руси преступников часто называли волками, что и могло закрепить за жителями этой местности соответствующее прозвище.

Согласно другой гипотезе выражение появилось после отмены крепостного права, когда множество безземельных тамбовских крестьян уходили на заработки в соседние города, где брались за самую тяжелую и низкооплачиваемую работу, вызывая недовольство местных жителей. Про них с неодобрением говорили: «Опять тамбовские волки по дворам рыщут, цену сбивают».

Согласно еще одной гипотезе, некоторые финно-угорские племена, населявшие тамбовские земли, поклонялись языческому божеству в виде волка.

Новое дыхание и всесоюзную известность фраза получила в 1920-х гг. во время жестокого подавления Тамбовского крестьянского восстания (Антоновщины).

По легенде, на допросах арестованные повстанцы, обращаясь к чекистам «товарищ», слышали в ответ: «Тамбовский волк тебе товарищ».

Лох

По одной из версий (популярной у лингвистов) слово «лох» пришло из немецкого языка и переводится на русский как «дырка». Так, к примеру, воришки называли своих «клиентов».

По другой версии слово «лох» было заимствовано из финского языка и означало — лосось (семга). Архангельские поморы и рыбаки в Карелии называли так лосося после нереста, когда он становился настолько вялым, что его можно было поймать голыми руками.

По аналогии с таким лососем в тюрьмах Финляндии (после ее входа в состав Российской империи) лохом стали называть человека, которого легко обмануть и обворовать.

В современной России лох — это наивный и доверчивый человек, а потому часто обманутый.

Не забыта и аббревиатура: «**л**ицо, **о**бманутое **х**улиганами».

Не лезь в бутылку!

Считается, что данное выражение появилось во Франции в XV в.

Тогда при королевских погребах держали собак, задача которых была обнюхивать перед пирушкой винные бутылки и подавать сигнал при обнаружении яда. Почуяв отраву, собака начинала грызть пробку... Тогда собаке говорили: «Не лезь в бутылку!»

Вскоре выражение приобрело иносказательный смысл: так обращались к человеку, желая предостеречь его от совершения необдуманных поступков.

По другой версии, происхождение фразы связано с башней рукотворного острова Новая Голландия в Петербурге. В здании располагалась морская тюрьма, которая из-за формы постройки имела обиходное название «Бутылка».

Человеку, который горячился и выходил из себя, советовали успокоится и не лезть в бутылку (тюрьму).

С кондачка

Сейчас выражение «с кондачка» означает действие, совершенное легкомысленно, без подготовки или понимания сути.

Основная версия связывает происхождение с диалектным словом «сканда-чок» — элементом мужской народной пляски. Танцор вставал пяткой в землю, носком вверх, демонстрируя удаль и импровизацию. Этот жест символизировал начало без подготовки, что позже переосмыслилось как «необдуманное».

С кондачка часто означает поспешное решение. В некоторых говорах скандачок — ловкий прыжок в воду через голову, что требовало смелости, но часто вело к травмам. Отсюда возникла ассоциация с риском без расчета.

Менее убедительная гипотеза возводит фразу к церковному термину «кондак» (краткое песнопение). Предполагалось, что священники иногда начинали службу «с кондачка» — пропуская часть молитв для экономии времени.

Идефикс

Слово «идефикс» означает навязчивую, чрезмерно увлеченную преданность одной идее, часто доходящую до фанатизма. Это понятие описывает состояние, когда какая-либо мысль или цель полностью захватывает сознание человека, становясь центром его жизни.

Слово пришло в русский язык из французского idée fixe (буквально — фиксированная идея), где оно используется в том же значении. Кстати, в международной психиатрической терминологии это понятие соответствует обсессивным состояниям.

Интересно, что в русской речи часто встречается ошибочное написание «идея фикс» (раздельное). Это связано с попыткой дословного перевода французского выражения. Однако правильным заимствованием является именно слитное написание «идефикс», зафиксированное в словарях.

Проказа и проказник

Слова «проказа» и «проказник» в современном русском языке представляют интересный пример семантического расхождения, когда общий корень развил два различных значения — медицинское и бытовое.

История этих слов восходит к древнерусскому глаголу «проказити», который изначально имел значение «искажать, портить, уродовать». От этого глагола образовалось существительное «проказа» со значением «уродство, физический изъян».

Со временем это значение специализировалось и закрепилось за тяжелым заболеванием, вызывающим физические уродства, — лепрой. Именно в этом медицинском значении слово «проказа» используется до сих пор.

Параллельно развивалось другое значение. Поскольку уродливое, «скаженное» поведение также воспринималось как отклонение от нормы, слово «проказа» стало означать и «шалость, выходку, баловство». От этого значения и образовалось слово «проказник» — человек, который шалит, балуется, совершает веселые и неопасные выходки.

Уникальность русской языковой ситуации заключается в сохранении связи между серьезной болезнью и невинными шалостями. В других языках эти понятия обычно выражаются разными словами.